

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

3 (133)

МАЙ - ИЮНЬ

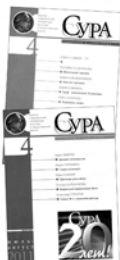

*Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.*

М.Ю. Лермонтов

В НОМЕРЕ:

Поздравления от коллег	3
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	
Марина ГЕРАСИМОВА. Затеяливые пазлы жизни. Стихи	7
Захар ПРИЛЕПИН. «Во тьме шагаю напрямик...» О Борисе Корнилове. Начало. Продолжение в следующем номере	12
Валерий ВОРОНОВ. Тень облака, туманная дуга... Стихи	39
Олег КУИМОВ. Я — дома. Рассказы	44
Сергей ШЕВЧУК. Ессе homo. Стихи	78
Сергей ПЕТРОВ. Просто одуванчик. Рассказ	81
Инна ШАЛОМОВИЧ. Моя зимняя сказка. Стихи	91
Юрий АРБЕКОВ. «Черный банщик». Рассказ	95
К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Геннадий МУРЗИН. Гвардии рядовой. Очерк	104
Стихи о войне	114
ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ	
Лидия БЕЛОВА. Лермонтов и Белинский: пристальный взгляд из нашего времени. К 175-летию со дня гибели М.Ю. Лермонтова	118
Татьяна КОЛЬЯН. Пензенские дворяне Мартыновы	127
Николай СЕРАФИМОВ. О «тайне» дуэли Лермонтова и одной «гипотезе». К 175-летию гибели поэта	145
НО СКАЗАННОЕ СЛОВО ОСТАЕТСЯ.	
Лидия ДОРОШИНА. Поэзия «Суры». К 25-летию журнала	153
ПАМЯТЬ	
Николай ИНЮШКИН. Комплексной программе «От культуры края — к культуре мира» — четверть века.	157
Вячеслав НЕФЕДОВ. «Певец земли пензенской». К 120-летию со дня рождения П.И. Замойского	165
Ибрагим ГУРКИН. Двойная жизнь Гафура Кулахметова. К 135-летию со дня рождения писателя-земляка	179
Алексей КУПРИЯНОВ. Тропюю Бикмуллина. Очерк	184
ДЕБЮТ	
Александр ФРОЛОВ. Слышу музыку. Стихи	189
КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
Дмитрий МУРАШОВ. Спор о хороших книгах. Репертуар чтения в Пензенской общественной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова в конце XIX — начале XX в.	193
Вера ДОРОШИНА. В поисках Этваса. Рецензия на книгу Антона Шумилина «Этвас»	197
Юлия СТЕШКИНА. «Продвижение чтения в России: цели, задачи, достижения, проблемы и перспективы». Межрегиональный научно-практический семинар	201
Ольга КОРШУНОВА. «Слово. Отечество. Вера». О Поэте и Человеке Игоре Григорьеве.....	203
ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕИ	
Нина ШЕМЕНКОВА. Домовёнок. Стихи для детей	212
ПЕСЕННАЯ ПЕНЗА	
Роман ДАВЫДОВ. Не гасни	216
Об авторах	219

«Сура» 25!

**Главному редактору литературного журнала «Сура»
Б.В. Шигину**

Дорогой Борис Владиленич!

Поздравляю в Вашем лице коллектив и авторов, а также читателей журнала «Сура» с 25-летием* Вашего прекрасного издания!

Для меня незабываемы встречи с Вами и Вашими товарищами в Пензе и Тарханах — на благодатной земле Лермонтова и многих других даровитых людей России. С творчеством некоторых из них мы смогли познакомить любителей литературы в Казахстане, на страницах журнала «Простор». Желаю всем вам доброго здоровья, вдохновения и творческих успехов! А журналу «Сура» — процветания!

*Валерий Михайлов, главный редактор
литературного журнала «Простор» (Алма-Ата).*

Главному редактору журнала «Сура» Шигину Б.В.

Уважаемый Борис Владиленич!

Примите самые сердечные поздравления от редколлегии журнала «Новая Немига литературная» и меня лично в связи со знаменательным юбилеем вашего издания. Двадцать пять лет — немалый

* 9 сентября 2016 года литературный журнал «Сура» отметит своё 25-летие.

срок в жизни страны, общества, любого из нас. Для литературно-художественного издания это возраст зрелости, когда творческие ориентиры давно определены, авторский круг очерчен, а знаковыми произведениями, помещенными на страницах издания, вполне можно гордиться. Мы всегда стремимся поддерживать и укреплять контакты с нашими единомышленниками во всех уголках Русского мира. Надеемся, что и редакция «Суры» на пороге нового двадцатипятилетия своего замечательного издания ответит русскому журналу из Беларуси взаимностью...

Желаем редакции и авторскому коллективу «Суры» здоровья, благополучия и новых свершений!

По поручению редколлегии Анатолий Аврутин, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», член-корреспондент Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств, г. Минск.

**Главному редактору литературно-художественного журнала «Сура»
Б.В. Шигину**

**Уважаемый Борис Владиленович,
уважаемые сотрудники журнала «Сура»!**

От всей души поздравляю вас с замечательным юбилеем – 25-летием вашего журнала. Для литературно-художественного издания это очень серьёзный срок. Ваш журнал выдержал значительное испытание временем, и это является свидетельством его высокого творческого уровня. Рада, что и в современных сложных условиях журнал под вашим руководством живёт и развивается, открывает новые имена в литературе и объединяет творческие силы современных писателей. Не случайно журнал «Сура» читают во многих городах и регионах, в России и за рубежом.

Я с большой теплотой вспоминаю поездку к вам в Пензу на презентацию вашего журнала и всегда с удовольствием читаю его, ценю его авторов.

Благодарю вас за сотрудничество с нашим журналом, с саратовскими писателями, и желаю всему творческому коллективу новых удач, замечательных произведений, талантливых писателей, расширения читательской аудитории, всё большего и большего тиража.

*Главный редактор журнала «Волга – XXI век»
Елизавета Мартынова (Данилова).*

**НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»**

Литературно-художественное издание «АРИНА»

Издатель, гл. ред. Селезнёв Б.А. Нижний Новгород, ул. Бекетова, д. 54 – 12.

E-mail: basnn53@mail.ru Тл.: 417-17-80, 8910-395-23-12, 8952-560-54-12.

№ 87

« 12 » 04 _____ 2016 г.

**ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА "СУРА" ШИГИНУ Б.В.
ДОСТОЧТИМЫЙ БОРИС ВЛАДИЛЕНОВИЧ!**

От всей души поздравляем Вас и редакционный коллектив журнала «Сура» с такой восхитительной датой! В это тяжёлое и сложное для русской литературы и издательского дела время 25 лет — огромный творческий путь! Его требовалось не просто прожить и удержать журнал, но и развиваться, идти вперёд, открывая новые молодые таланты. Преодолевая трудности, в самые трагические для Родины времена Вы по правде и по совести выполняли свой долг перед Россией!

Пусть дарует Господь Вам ещё многие силы для долгих лет жизни и процветания Вашего издания! От всей души разделяем Вашу радость!

Борис СЕЛЕЗНЁВ,

член правления и председатель ревизионной комиссии
Нижегородской областной организации общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»,

главный редактор православного альманаха «Арина»

и журнала «Голгофа»

ПРАВЛЕНИЕ

РЕДСОВЕТ

Литературно-художественный журнал

603057, г. Нижний Новгород
ул. Бекетова, д. 24/2
тел. (831) 412-16-04

Поздравление журналу «Сура»

Главный редактор и редколлегия «Нижнего Новгорода» искренне поздравляют Вас со знаменательной датой — 25-летием журнала!

Верный лучшим традициям, журнал «Сура» вносит свой вклад в развитие литературного процесса в России, наследует патриотические и духовные традиции родины Лермонтова, притягивая к себе не только российских авторов, но и живущих за рубежом.

Мы радуемся, что Борису Владиленовичу Шигину и коллективу удалось создать не столько издание, публикующее произведения художественной литературы, сколько особое творческое пространство, известное не только на Пензенской земле — всей России и за рубежом.

Желаем «Суре» новых творческих свершений, растущей подписки, благодарных и верных читателей. Благополучия и процветания!

Главный редактор журнала «Нижний Новгород»

Олег Рябов

18.4.16

Марина ГЕРАСИМОВА

**ЗАТЕЙЛИВЫЕ
ПАЗЛЫ
ЖИЗНИ**

Стихи

ПАЗЛ

Самый голый король, самый маленький принц
на задворках Вселенной
собирает настойчиво пазл чудесного мира,
где орёл, красный лев, с ними вол и молоденький ангел,
а над ними — звезда.
Потерялся кусок со звездой.

Он так хочет вернуться туда и вернуть себе имя,
вспомнить имя своё. У него только вензель на шёлке.
У него скоротечная жизнь и короткая память,
чтоб затейливый пазл собирать — двадцать тысяч кусков.

Собирай, мой родной, собирай, пусть поют тебе пчёлы,
пусть плетут пауки над твоей головой паутину,
чтоб укрыть твоё нежное бледное тело от солнца.
Верь, что, стоя на самом краю, ты отыщешь звезду.

*Не выдержав несовершенства себя
И мира,
Закрыл я очи.
Прости мне, мама.
Я не работа, я не машина, я не квартира,
Авва, Отче!
Женя Шувалов*

Искарябал стихами душу —
и в полёт, пустотой окутанный.

Я признать твой уход трушу,
я надеюсь, что что-то путаю.

Но факты гранитны. Тело — трещина...
Смерти нет, эти все — лгут.

Опоздание — СМС той женщины,
чьё слово на рану — жгут,

или друга, с которым плечом к плечу
обжигались страстями и небытием этиловым...

Стая бескрылых везде понтится: мол, улечу.
А ты меня кинул помнить, ждать
и ещё — цитировать.

* * *

А на белом безрыбье ни ветра с соседних границ,
ни зелёной волны, ни ресниц, ни домашних синиц.
Ни кола, ни двора, ни кальяна на пёстром ковре,
ни тебя, моя радость, уснувшая в янтаре
между белых грудей у торговки вином и душой.
Обмани, нашепчи: будет всё, будет всё хо-ро-шо.
Будет солнце, и розовый город, и песни, и прить.
Или белое море — на льдине столетие плыть.
Или просто палить на помойке священный костёр
и в него — все излишки событий и братьев-сестёр.
И вынашивать фарс, как спустился спасатель в народ
перекраивать глобус и перекрывать кислород.

РОМАНС ДЕКАБРЯ

Вдыхай между строк неприкаянный ветер,
блуждающий в проводах.
Беги от красивых решёток в глаза горизонта.
Мой тост за тебя: в чародейном бокале
смешались огонь и вода.
Забывшее сердце согреется не по сезону.

По кочкам, по кочкам, по ровной дороге,
по выцветшим облакам —
твоё незабвенное имя в плену опоздания.
И нет больше веры словам ледяным,

если верить твоим рукам.
Срастается пропасть, и рушится мира здание.

Надежды мои засыпает песком,
а иллюзии прячет туман.
Великое дело — веками молчать у причала,
чтоб сладкие слёзы, согретые смехом,
текли в мировой океан
Любви, у которой не будет конца
и начала.

КРЕМ...

Детская комната даже
тебя не помнит.
Слишком приятно не быть нигде. С окнами на Париж.
Или играть под дождём с человечками в Mortal Combat.
Встать во весь рост, любоваться, как ты горишь,

вся такая нескладная — не в рифму, всегда не в тему...

Ни о чём не заботясь и никого не любя,
ты хотела шатать систему.
Ну хотя бы не стать системой.
И система сожгла тебя.

ДЛЯ МО

Нашим рассветам
и лету —
вдогонку соль!
И не полюбит тебя только тот,
кто слеп.
Неотразимая,
не отражённая в лужах осени,
без тебя этот город — холодный кирпичный склеп
и хранилище воспоминаний, вина и смеха,
отпечатков наших ботинок
на облаках.
Я хочу с тобой в горы, в море — в залив влюблённых.
Или просто дышать на балконе
о пустяках.

А у тебя — свои реакции и картинки.
Где-то в иных плоскостях —
твоих глаз золотые льдинки
ярко мотают дни.
Солнце, когда ты окажешься в нашей глубинке,
будут нам лето, и море, и скалы...
Ты только звони!

* * *

В сентябре
на пушистом ковре
каменеют остатки тепла.
Грязно-белый дождь и томатный сок
размывают границы стен.
Её нежное тело в прохладной воде
пахнет бромом и серебром.
Затупилась игла, задохнулась юла,
и совсем не осталось тем.

Кто умеет прощаться добром
и архивы — в печь,
перед тем расступаются горы,
смолкает любая речь.
А тут... о прокисших жалеешь снах,
если нечего больше беречь.

От души до души
проросли камыши.
Я в болоте перрона по пояс —
маши — не маши.
На короткие юбки меняю клеши —
от себя разве скроюсь?
В бирюзовом небытии
исчезают мысли твои,
тянут лапки усталые звёзды,
кончается поезд...

* * *

Суматошная девочка вылезла вон из кожи,
притоптала землю, подпрыгнула, полетела...
Не умела прохожей быть. Стать не смогла похожей
на кого-то из нас.

Ничего от него не хотела,
доверять губы ветру лишь, напевать для него босанову
и мечтать на восток, где овечка-звезда в упряжке...
На остывших углях танцевать ему жизнь босоного
и рождаться сто раз, просыпаясь в его рубашке.

* * *

Я бы обнял тебя, но я просто прямая линия,
проведённая белым на белой листа простыни.
Мы уснули детьми, а сегодня проснулись взрослыми
на крутом берегу тотального бездорожья.
Ты вперёд засучила ножками по колдобинам,
завертелась спираль, заиграла другая музыка.
Я бы обнял тебя, только ты за пределы памяти
далеко пошла и сны забрала с собой.

Захар ПРИЛЕПИН

**«ВО ТЬМЕ
ШАГАЮ
НАПРЯМИК...»**

О Борисе Корнилове

РЕДКИЙ КАМЕНЬ

Иные говорят так: убили тебя — веди себя спокойно.

А этот всё норовил вернуться.

С ним связано подобных историй на три дня смурных мужицких рассказов и три века материнских слёз.

Известный на всю Советскую Россию стихами и скандалами поэт Борис Корнилов был арестован 19 марта 1937 года. Больше никто, кроме следователей и прокурора, сокамерников и палача, его не должен был увидеть никогда.

Он сгинул, как тысячи и тысячи других: ни письма, ни весточки, ни креста, ни могилы.

И вдруг 14 августа 1964 года сыктывкарская газета «Молодёжь Севера» сообщает небывалое и пронизывающее насквозь любого, кто знал и помнил Корнилова (а у него была жива ещё и мать, и первая жена, и вторая жена, и дочь — правда, ещё не знавшая, кто её отец).

Старший инженер отдела нормирования Сыктывкарского ЛПК Виктор Владимирович Белоусов рассказывает, что общался с Борисом Корниловым с 7 по 11 мая 1946 года на Верхне-Бусинском пересылочном пункте возле станции Известковая Хабаровского края.

Вместе, говорит, бедовали — помнит даже, как мылись в одной бане и переделали обоих в трофейную одежду Квантунской армии.

Корнилов тогда нехотя сказал Белоусову: «Да, “Песню о встречном” написал я».

— Неужели ту самую? Где «...нас утро встречает прохладой...»?

— «...нас холодом встретит река», — закончил строчку Корнилов.

Белоусов с полминуты смотрел на него не моргая.

Впрочем, мало ли чудес помнил всякий бывалый зэка. И генералы попадались, и тенора, и бывшие наркомы. С другой стороны,

всё-таки настоящий поэт — невидаль. Поэт, он... неведомо где должен обитать... а этот штаны выбирает себе по размеру.

Успели несколько раз поговорить о поэзии; собственно, говорил всё больше сам Корнилов: Байрон, Пушкин, Маяковский — о каждом имел веское суждение и наизусть цитировал...

Потом Корнилова отправили на один рудник, а Белоусова на другой.

Но ведь это означает, что он может быть до сих пор живым? Почему ж не объявился тогда?

А может, если незаметно подойти к окну и в щель меж занавеской глянуть — увидишь его там, на другой стороне улицы, как он, кепку надвинув на глаза, смотрит на свой бывший дом? Курит и смотрит.

Спустя четыре года, 21 декабря 1968 года, семёновская районная газета «Ленинский путь» ещё раз напишет про того же самого Белоусова, ту же трофейную одежду, те же расклады.

Впрочем, одновременно гуляет по стране и другая версия: Корнилова убили в Магадане, уже после войны. Боря в лагере коллекционировал редкие камешки; в очередной раз возвращался с работ, увидел искомый осколок странной породы или какую другую гальку — шагнул к ней, потянулся рукой; конвойный подумал, что это попытка к бегству, и тут же, насмерть, застрелил заключённого в спину.

В тумбочке у Корнилова нашли тогда целую коллекцию разных камушков. Чудак-человек. Поэт, одним словом. Глупо умер.

Ольга Берггольц, его первая жена, верила в эту историю, сама пересказывала знакомым. Что-то в ней было подкупающе правдоподобное: камушки эти, будь они неладны.

— А на воле, до ареста, он собирал камушки? — спрашивали.

А на воле не собирал.

В начале 1970-х эта версия неожиданно нашла себе подтверждение.

Семёновский краевед Виктор Чижов общался с композитором Павлом Русаковым (известным в своё время как Поль Марсель). Русакова арестовали в 1937 году, предъявили подготовку к убийству Кирова и дали «десятку». Сидел срок в ВятЛАГе, где работал в музыкально-драматическом театре ВятЛАГа НКВД. Освободился в январе 1947 года — на 11 месяцев раньше окончания срока: скостили за деятельное участие в культработе.

Этот Поль, который Павел, рассказал, что в управлении лагерей был такой генерал Кухтиков, который берёт и покрывал всех даровитых заключённых, возясь с ними, пристраивая, где потеплей, и прикармливая, когда голодно. И однажды Кухтиков, по душам общаясь с Русаковым, пригорюнился, разливая:

— А беда, слышал, какая случилась, Русаков? Борьку Корнилова не убе-регли! Конвойный застрелил — думал, что тот пошёл на побег, а он камешки собирал...

— Какие камешки?

— Да откуда я знаю, Марсель. Пей. Твоё здоровье.

Казалось бы, всё теперь ясно, если не объявился до начала 1970-х, значит, правы те, кто в камушек поверил.

И тут история принимает очередной, хоть и безрадостный, оборот.

В июне 1978 года в журнал «Дружба народов» приходит очерк «Новая жизнь Бориса Корнилова», автор — некий Николай Александрович Иванов.

Литературный критик и большой поклонник Корнилова Лев Анненский прочитал и ахнул: вот тебе и раз!

Сомнения, конечно, оставались — но так хотелось верить в рассказанное.

«Встретились мы с Борисом в первых числах сентября 1949 года на пересыльном пункте в порту Ванино», — сообщал Иванов.

Дальше шли потрясающие подробности: Корнилова, оказывается, в начале Отечественной освободили и тут же отправили на фронт — искупать.

Под Смоленском Корнилов попал в плен, в 1944-м освобождён, но проверку не прошёл и получил ещё 25. За то, что плохо искупал.

Так и пересеклись пути его с путями зэка Иванова.

«Своих стихов он мне не читал, но с наслаждением читал других поэтов. Больше всего он читал Твардовского. Все его поэмы он знал наизусть».

А умер, умер он как, когда?

Умер в 1949 году. Теплоход из Ванино прибыл в Магадан, Корнилов был сильно болен, спускаться ему помогал Иванов: можно сказать, тащил на себе. Уже на берегу тронул совсем отяжелевшего товарища, а тот — мёртв.

Бросились искать этого Иванова — пошли по указанному адресу. Явились — а там такого нет. И не было.

Кто же это написал? Кому надо будоражить близких, память, душу? Может, он сам сочиняет эти истории про себя и запускает в свет?

Рвануть бы занавеску, чтоб с хрустом оторвалась — чтоб не успел убежать, и крикнуть: «Боря, прекрати! Боря, иди в дом! Живой, мёртвый, иди, только не бреди больше сердце».

ИСХОДИТ КРОВЬЮ ЧЕЛОВЕК

Если говорить о поэтическом провидении — Бориса Корнилова надо приводить в качестве образцового и завораживающего примера.

Картины насильственной смерти наплывают одна на другую непрерывно.

Каждое третье стихотворение содержит ужас нежданной, неминуемой, отворотительной смерти.

1926-й:

И вот —
насилуют и режут,
И исходит кровью человек.

Вот он мечется,
И вот он плачет,
Умирает, губы покривив,
И кому-то ничего не значит
Уходить запачканным в крови.
Отойдёт от брошенного тела
Так задумчиво и не спеша
И, разглядывая, что он сделал,
Вытирает саблю о кушак.

1927-й, «Обвиняемый»:

Я буду суду отвечать
За оскорбление словом,
И провожает конвой
У чёрной канвы тротуара,
Где плачут над головой
И клён, и каналья гитара.

1928-й, стихи о войне, но:

Вот и вижу такое дело —
кожу снимаю на ноже,
загоняют мне колья в тело,
поджигают меня уже.

1929-й, стихи про лес, но:

Тебе, проходимец, судьбою,
дорогой — болота одни;
теперь над тобой, под тобою
гадюки, гнильё, западни.
Потом, на глазах вырастая,
лобастая волчья башка,
лохматая, целая стая
охотится исподтишка.

В том же году стихи про пожар, но:

Огонь проходит сквозь меня.
Я лёг на пути огня,
и падает на голову головня,

смердя,
клокоча
и звеня.

А в 1930 году появились строки, от которых уже не жар, а мороз по коже:

Белая полночь ясна,
Она меня спрятать не может,
Она застывает, над миром вися,
И старые ставни колышет,
Огромная вся и ненужная вся,
Она ничего не услышит.
И звякнет последняя пуля стрелка,
И кровь мою на`землю выльет;
Свистя, упадёт и повиснет рука,
Пробитая в локте навывлет.
Или — ты подумай —
Сверкнёт под ножом
Моя синеватая шея.
И нож упадёт, извиваясь ужом,
От крови моей хорошея.
Потом заржавеет,
На нём через год
Кровавые выступят пятна.
Я их не увижу,
Я пущен в расход —
И это совсем непонятно.

Годом позже, в 1931-м:

Засыхает песня,
Кровоточит рана,
червячки слюнявые
в провале синих щёк;
что ни говорите,
умираю рано,
жить да жить бы,
ещё бы...
ещё...

И в том же стихотворении:

— Купите бублики,
гоните бублики, — песня аховая течёт,

и в конце концов от Республики
мы получим особый счёт.

Ну и какой он, этот счёт?

Скажет прямо Республика:
«Слушай,
слушай дело, заткнись, не рычи —
враг на нас навалился тушей,
вы же пьянствуете, трепачи.
Пота с кровью солёный привкус
липнет, тело моё грызя...» —
и отвесит потом по загровку
нам раза
и ещё раза.

Они действительно весело пьянствовали — в том числе с закадычным другом Павлом Васильевым, поэтом, и ещё с одним — Иваном Приблудным, опять поэтом, и ещё с третьим — Ярославом Смеляковым, тоже поэтом.

Смелякова заметут за решётку на долгие годы.

А по другим загровкам отвесят так, что загровки вдрызг.

Всё припомнит — растрату крови,
силы, молодости густой,
переплёты кабацкой кровли
и станков заржавелый простой.
Покачнёмся и скажем:
«Что ж это
и к чему же такое всё,
неужели исхожено, прожито
понапрасну, ни то ни сё?»
Ни ответа,
ни тёплой варежки,
чтобы руку пожали нам,
отвернутся от нас товарищи
и посмотрят по сторонам.

Так и было, посему:

Не кичась непревзойдённой силой,
я шагаю в тягостную тьму —
попрощаться с яблоней, как с милой
молодому сердцу моему.

Стихотворение «Смерть», год 1931-й:

Может быть,
а может быть — не может,
может, я живу последний день,
век недолгий мой — выжат, прожит,
впереди тоска и дребедень.

.....
Но нелепо повторять дословно
старой аналогии приём,
мы в конце, тяжёлые как брёвна,
над своею гибелью встаём.

И ещё такая зарисовка:

И когда меня,
играя шпорами,
поведёт поручик на расстрел, —
я припомню детство, одиночество,
погляжу на ободок луны
и забуду вовсе имя, отчество
той белесой, как луна, жены.

Стихотворение, между прочим, автобиографическое — посвящено оно жене, с которой расставался; а то, что поручик в финале появляется — так кого ж Корнилов мог вписать в 1931 году? Не оперуполномоченного же. Поручики между тем все давно перевелись ко времени написания стихов.

В 1932 году снова пророчествует:

Мы в мягкую землю ушли головой,
нас тьма окружает глухая,
мы тонкой во тьме прорастаем травой,
качаясь и благоухая.

И ещё, в том же году:

Ты низвергнут в подвалы ада,
в тьму и пакостную мокреть,
и тебе, нечестивцу, надо
в печке долгие дни гореть.

В 1933-м:

Пронесу отрицание тлена
по дороге, что мне дорога,
и уходит почти по колено
в золотистую глину нога.

Это что ж такое: несёт отрицание тлена — а сам уходит под землю одновременно, в золотистую глину?

А вот ещё точнее и ужаснее:

Луна удаляется белым,
большим бильярдным шаром —
и скоро за скрюченным телом
телегу везёт першерон.
Дрожит он атласною кожей,
сырою ноздрёю трубя,
пока покрывают рогожей
на грязной телеге тебя.

.....
И я задыхаюсь,
доколе
мне сумрак могильный зловещ.
Опишут тебя в протоколе,
как больше не нужную вещь.
Покуда тебя до мертвецкой
трясут по рябой мостовой —
уходит походкою веской
убийца растрёпанный твой.

Или, как это вам, признание:

А я пойду погуляю — меня окружает усталость
хандрой и табачным дымом,
а трубка моя пуста,
мне в этой жизни мало чего написать осталось,
написано строк четыреста,
ещё не хватает ста.

Тут, как ни удивительно, даже математически почти всё сходится. Корнилов писал стихи с 1925 года. Если отмерять по сорок пять строк в год, то к 1933-му, когда были сочинены эти стихи, как раз получается четыреста с небольшим

строк. Писать ему оставалось до 1936-го — три года. То есть ещё как раз те самые сто строк, и небольшой запас в одно лирическое стихотворение: может, дадут досочинять, пока поволокут на убой.

Идём дальше, год 1934-й:

Я скоро погибну
в развале ночей.
И рухну, темнея от злости,
и белый, слюнявый,
объест меня червь, —
оставит лишь череп да кости.
Я под ноги милой моей попаду
омытою костью нагою, —
она не узнает меня на ходу
и череп отбросит ногою.

Тяжесть его неизбывна:

Гуси-лебеди пролетели,
чуть касаясь крылом воды,
плакать девушки захотели
от неясной ещё беды.

Да ты свою беду уже описал сорок раз, Боря.
В следующем же стихотворении, вот она, описана с натуры, твоя беда:

Приснился сон хозяину:
идут за ним, грозя,
и убежать нельзя ему,
и спрятаться нельзя.

В 1935 году очередная картина:

Петля готова.
Сук дубовый тоже,
наверно, тело выдержит —
хорош.
И вешают.
И по лиловой коже
ещё бежит весёлой зыбью дрожь.

И вот такая:

Я гляжу, задыхаясь,
в могильную пропасть,
буду вечно, как ты,
чтоб догнать не могла
ни меня,
ни товарищей
подлость
и робость,
ни тоска
и ни пуля из-за угла.

И, за шаг до собственной гибели, стынувшей рукой, неживыми словами, Корнилов описывает Пушкина — как себя, как себя самого:

И сердце полыхает жаром,
Ты ясно чувствуешь: беда!
И скачешь на коне поджаром,
Не разбирая где, куда.
И конь храпит, с ветрами споря.
Темно,
И думы тяжелы.
Не ускакать тебе от горя,
От одиночества и мглы.
.....
Но вот шампанское допито...
Какая страшная зима,
Бьёт бубенец,
Гремят копыта...
И одиночество...
И тьма.

Копыта гремят — это воронок громыкает на ближайшем повороте к дому.

ЖИТИЕ МОЛОДОЕ

Не надо так много смерти, дайте немного жизни, воздуха, природы.

Природы вокруг было — до самого неба.

Керженские леса, река Керженец — вечная тайна, тишина. Сюда бежали старообрядцы, и веками их не могли найти (хотел бы Боря — тоже бы спрятался, и не разыскали бы, так и жил бы до ста лет, а то и до сих пор).

По лесу тут ходит сохатое, косматое зверьё. Деревья стоят неколебимо, пока река не выводит русло к самой береговой сосне — и, глянь, а сосна уже накренилась, а на другой год стоит косо над водой и в воде отражается, смот-

рит с удивлением на себя, а в третий уже лежит посреди реки — разлохмаченное, недоброе, ослизлое — берегитесь, рыбаки.

Подростки ныряют с деревьев в быструю воду.

В деревне Анниковке Нижегородской губернии, близ города Семёнова, жил такой Тарас Яковлевич Корнилов — со своею семьёю, баба-жена и пять сыновей: Константин, Алексей, Семён, Василий и Пётр. Жили как многие: своего земельного надела не было, хозяйства не имели, зарабатывали на хлеб изготовлением ложек, которые сдавали купцу-ложкару.

Это занятие в Семёновском уезде было не редким. Промышляли здесь таким образом многие. В год семёновские ложкари, в том числе Корниловы со своей лептой, сдавали до... 170 миллионов ложек!

Четверо из сыновей Тараса Яковлевича были неграмотные. Научился читать псалтырь только младший, Пётр.

В соседнем селе Перелаз открылась церковно-приходская школа, учитель уговорил Тараса Яковлевича отпустить Петра учиться: ложкарей и без него хватает.

Во время учёбы Пётр заболел оспой: уездный врач Евгений Иванович Самосский, пока выхаживал подростка, удивился его смышлёности и, когда Петр пошёл на поправку, предложил Тарасу Яковлевичу забрать младшего сына в Семёнов — такому умному сыну, сказал, прямая дорога в уездное училище.

Пока шла учёба, Пётр жил на средства врача — практически он был усыновлён этим сельским интеллигентом.

После окончания училища — двухгодичные курсы учителей начальных классов в Нижнем Новгороде.

Так Пётр Тарасович первым из многих и многих поколений выбился, как это называлось, в люди. За спиной — неразличимый, чёрный крестьянский, потерявший очертания, род, а он — вот, стоит посреди класса, разговаривает с детьми, и дети внимают ему.

Пётр Тарасович был определён в земское училище деревни Безводное Семёновского уезда.

Два человека сделали его судьбу — церковно-приходской учитель и уездный врач, — а так бы делал и Пётр Корнилов ложки. И будущий сын его Борис занимался бы тем же самым; разве что иногда приговаривая себе под нос что-нибудь складное.

В каникулы молодые учителя собирались на обмен опытом — там Пётр Тарасович познакомился с Таисией Михайловной Остроумовой — учительницей из села Покровского.

Таисия Михайловна была дочерью небогатого семёновского купца, начавшего приказчиком в мануфактурном магазине и открывшего своё дело. В семье её было 12 человек, пятеро из них умерло в детстве. Грамоте из семи обучились двое — Таисия и её сестра.

Таисия Михайловна закончила в 1902 году Семёновское второклассное училище и получила право преподавать в церковно-приходской школе.

Два молодых учителя, Пётр Тарасович и Таисия Михайловна, поженились в 1906 году, 6 октября. Ребёнок был зачат чуть ли не в самую брачную ночь — он появился через девять месяцев и одну неделю.

В буквальном смысле Корнилов не был крестьянским сыном (как, кстати, и Сергей Есенин): он был крестьянского рода — ребёнком сельской интеллигенции в первом поколении.

Борис Корнилов родился 16 июля (по новому стилю — 29-го) 1907 года в так называемой «Красной больнице» города Семёнова.

Роды принимал всё тот же Евгений Иванович Самосский — когда-то давший путёвку в жизнь отцу.

Ребёнка крестили на следующий день после родов, 17-го, в Вознесенском соборе города Семёнова.

Крёстными записали — на всех правах — Евгения Ивановича и жену земского фельдшера Фиону Лукьяновну Светлову.

Метрическая книга гласит: «Обряд крещения проводили священник Константин Милотворский, диакон Фёдор Чижов, исполняющий обязанности псаломщика Павел Фиалковский».

Можно было подумать, что потом в своих стихах Борис Корнилов немного мифологизировал место рождения:

Мне не выдумать вот такого,
и слова у меня просты —
я родился в деревне Дьяково,
от Семёнова — полверсты.

На самом деле у него было «Я крестьянил в деревне Дьяково», но во время публикации (Литературный современник. 1935. № 6) редактор исправил «я крестьянил» (правый уклон, и вообще кулацкие мотивы уже отдалённо маячат) на «я родился» — из этого стихотворения недостоверные сведения ушли гулять по словарям.

Молодые родители обратились в уездный отдел народного образования с просьбой назначить их на работу в одну школу.

Им дали направление в деревню Кожиху Семёновского уезда.

В Кожихе семья Корниловых прожила до 1910 года.

Мать рожала каждый год: в 1908-м — Лизу, в 1909-м — Шуру.

В 1910-м Корниловы переехали в Дьяково — фактически пригород Семёнова.

Школа была в отдельной усадьбе, на краю Дьякова. Одноэтажное деревянное здание, крытое железом, обнесённое тёсовым забором. В одной половине — классы, в другой — квартира учителей.

В усадьбе: баня, колодец, хлев для скота, огород.

Вечно грязная дорога мимо дома, дальше — лес, лес, лес.

Жизнь сельских учителей была не сахарная: школа, свои малые дети, скотина, школа, дети, скотина — сплошная круговерть. Лишних денег не водилось.

Занятия, которые вели родители, шли одновременно в трёх классах.

С 1912 года пятилетний Боря — а чего шляться без дела — ходит на занятия; к первому классу он подготовился самоучкой.

Читал Бичер-Стоу, Луи Жаколио уже в этом возрасте.

Библиотеки не было: все книжки помещались в одной бельевой корзине, на новые книги не хватало денег.

Хотя рисовать в сырых тонах всё детство не стоит, конечно. Жили как все, и всему было место.

Соседка Татьяна Васильевна Осмушникова вспоминала: «Я была на три года моложе Бориса. В летнее время я часто со своими подружками ходила в близлежащий лес за ягодами. А чтобы пройти в лес, нужно было идти мимо Дьяковской школы. И в этот момент почти всегда, откуда ни возьмись, подбегал к нам Борис, брал то у одной, то у другой из нас корзины и бросал их в разные стороны. Мы начинали их собирать, а Борис заливался смехом».

В 1913 году среди приложений к журналу «Нива» он нашёл стихи Пушкина — и написал первое своё стихотворение «Смерть поэта».

Пушкин остался любимым поэтом, как уверял потом Корнилов, навсегда.

В детстве знал наизусть большие куски из «Полтавы» и «Медного всадника».

Начал, где мог, сам добывать книжки — читал порой, как говорила мать, в ущерб детским играм. Отец подарил том Гоголя.

Но помимо книг до завистливого мальчишеского спазма взволновало ещё вот что.

Автобиография Корнилова:

«Я вырос в деревне, где по вечерам после работы парни ходят толпой по улице и под гармонику поют песни. Они поют о любви, об измене девушки, о драках.

Часто песни сочинялись тут же на ходу. Парней они бодрили и волновали, нас — мелочь — они переполняли гордостью: мы имели право петь о таких взрослых вещах. Мы были равнодушны к этим песням — воздействие стихов удивляло меня. Я с благоговением смотрел на идущего впереди всех, даже впереди гармониста, парня. Это шёл сочинитель. Он был выше гармониста. Он задумывался, гармоника замолкала, он встряхивал кудрями — получалась песня.

<...> Я был подавлен силой поэтического языка...»

Тоже захотел — чтоб так же идти, чтоб все смотрели, чтоб впереди гармониста, чтоб со своими, собственными, ни на кого не похожими словами.

Осталось найти слова.

«В один памятный мне день, выйдя на улицу, я не услышал ни одной знакомой мне песни. Это был день объявления войны. И кругом пели о разлуке, о том, что «Сормовска дорога вся слезами залита, по ней ходят рекрута». В один день смыло все старые песни, на их место встали новые. Поэзия была злободневна. Через несколько месяцев убили нашего поэта, но песни рождались одна за другой, они пели о Карпатах, о германце, о том, чем жил в это время человек...»

В 1914-м — отца забирают в армию, на фронт.

Про отца он говорил потом: «Самый хороший человек и товарищ для меня».

На фотографиях Пётр Тарасович — красивый мужчина, не крестьянского вида, очень умный и внимательный взгляд, видно, что родовая кровь намывала, намывала из поколения в поколения — и вдруг объявился русский интеллигент, думающий, страдающий, чувствующий.

Об отце на войне у Корнилова в стихах нет ничего: ни Первой мировой, которую сначала называли Отечественной, а потом империалистической, ни, более того, семейных историй о Гражданской.

Отца не было год, и два, и три. Грянула первая революция, затем вторая — а отца всё нет. Куцые вести доходили — воюет то здесь, то там, болел тифом, вылечился, опять под ружьём.

Шесть лет кружились одни — и это были самые тяжёлые годы. Без отца, три ребёнка — выжили материнской колготой, чудом, ежедневным трудом.

Кругом — Россия.
Нищая Россия,
ты житницей была совсем плохой.
Я вспоминаю домики косые,
покрытые соломенной трухой.
.....
Молчали дети — лишняя обуза, —
а ты скрипела челюстью со зла,
капустою заваленное пузо
ты словно наказание несла.

Врач Самосский, всё тот же Евгений Иванович, интеллигентный семейный ангел, дал займы — купили лошадь, не на детях же пахать.

В стихах Корнилова радужного детства нет, идиллических картин тех лет — не появится никогда.

Рожь, овёс, картошка, работа-тягота, сестрёнки малолетние сопливые, вечно голодные: поэтизировать можно то, чем по случаю занимаешься, а не где вкальываешь с тех пор, как себя помнишь.

Мы живали только впроголодь
на квартире у беды,
мы ходили только около,
возле хлеба и воды, —

так и было.

Мать вспоминала, что Боря очень любил лошадь: «...сам, ещё до школы, запрягал, кормил и водил её в поле».

Ещё из стихов:

Я в губернии Нижегородской
в житие молодое попал,
земляной покрытый коростой,
золотую картошку копал.
Я вот этими вот руками
землю рыл
и навоз носил,
и по Керженцу
и по Каме
я осоку-траву косил.

Тут рисовки нет никакой. Копал, рыл, косил — недоедал, высоким не вырос, зато заимел крепкую осанку: мужской труд сызмальства.

Отца демобилизовали в 1920 году. Он вернулся в Дьяково.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СПОСОБНОСТЬ

С 1921 года Борис учится в городской «десятилетке» — так как пошёл в школу раньше положенного, все одноклассники старше его на год-два.

До школы ходил пешком из Дьякова — километра три.

Сидел на последней парте среднего ряда. Хотя и был самый низкорослый в классе, со всеми сошёлся — развитый, подвижный, остроумный, всех смешил. Рубаха-парень.

Отлично декламировал — часто просили читать вслух. Некоторое время имел прозвище Наль — по герою баллады Жуковского «Наль и Дамаянти» — чтение этой баллады Корнилову особенно удавалось.

В 1922-м на семейном совете семья Корниловых решает перебраться в Семёнов.

Петр Тарасович идёт в детдом воспитателем, мать — учительницей начальных классов в деревне Хвостиково.

Для начала сняли квартиру на улице Сластенинской (ныне улица Ванева).

Затем, продав лошадь, корову и швейную машину, Корниловы купили маленький домик — одно окошко во всю стену! — на улице Крестьянской (ныне — улица Бориса Корнилова).

Вся семья спала на полу — кровати ставить было негде.

Отец, чтоб как-то выкарабкиваться, начинает подрабатывать извозчиком.

Борис вступает в первый пионерский отряд города Семёнова, насчитывавший тогда всего 30 человек — собственно, а куда ещё мог вступить парень, чьи дядья и тётки были неграмотны и всегда жили в суровой скромности?

Пионерия была — как разгон в новую жизнь.

Ещё в школе начинает сочинять стихи. Мать, Таисия Михайловна, свидетельствует: «Всегда ходил с тетрадкой и блокнотом. Чаще всего написанное прятал или рвал, за что мы на него обижались».

Одноклассник Константин Мартовский вспоминал пионерские забавы той поры — марши, военные игры: руководил пионерией старший друг Корнилова Василий Молчанов, успевший повоевать в Гражданскую:

«И вот мы, под предводительством Молчанова, прижимаясь к заборам небольшой цепочкой, пробираемся в сторону кладбища <...> Прибежавшие разведчики докладывают: «Противники скрываются в тени кладбищенских деревьев». Спрашиваю ребят, кто командует противником. Говорят: «Борька Корнилов». Спрашиваю, кто такой. Отвечают: «Да который стихи-то пишет...»

Рассыпались в цепь. По всем правилам военного искусства начинаются перебежки в сторону кладбища. Навстречу нам тоже перебегают тёмные фигуры. И вдруг оттуда раздаётся звонкий и какой-то радостный голос:

— За мной, корниловцы!»

Ничего так шуточка.

Мартовский описывает Корнилова как «смуглого и коренастого».

Школа имела педагогический уклон — по окончании её Корнилов тоже, как отец с матерью, стал бы сельским учителем начальных классов.

Иногда утверждают, что в 14 лет вместе с Василием Молчановым Борис вступает в ЧОН — части особого назначения. Упомянутый Мартовский пишет, что Корнилова видели с винтовкой в компании чоновцев.

Роты ЧОНа начиная с 1919 года создавались в губернских и уездных городах, при заводах, фабриках, райкомах — будущих бойцов обучали первичным навыкам военного дела и направляли отстаивать революцию: охранять порядок, давить кулацкие банды и вообще всех недовольных, если таковые обнаружатся, ловить дезертиров.

Город Семёнов не находился в эпицентре классовой борьбы, но жуткие истории случались и здесь.

Трое семёновских активистов — Никандр Завьялов, Иван Козлов, Анатолий Дельфонцев — слишком действенно агитировали за новую власть. Обозлённые местные крестьяне (по другой версии — участники банды, собранной бывшим белым офицером Чернигиным) их убили. Мало того: пилой распилили

каждого на две части — то ли живых, то ли уже мёртвых, не поймёшь, — потом кровавые куски побросали в бурьян, а там парней ещё и зверьё обглодало.

Похороны устраивала семёновская ЧК. Один гроб был совсем маленький — погибшего сожрали волки, хоронить было нечего. Борис всё видел, хоронил убитых.

С бойцами ЧОНа он общался, несколько раз дежурил — с оружием! — в их месторасположении; может, даже выезжал с ними раз или другой по ближайшим деревням, но сам никогда не состоял в этой организации.

В ЧОНе действительно служил его ближайший друг Василий Молчанов, но тот на момент знакомства с Борисом оставил службу и перешёл на комсомольскую работу.

Одноклассницей Бори была девушка необычайной красоты, самая красивая во всей школе, звали её Таня Степенина. На год старше Корнилова. Приёмная дочь семёновского часовых дел мастера. Из зажиточной семьи — жили в двухэтажном доме. (Когда в 1930-е жильё у семьи Степениных конфисковали, одного их дома хватило на четыре квартиры.)

Борьку в дом даже не пускали. Родители её были против такого бесквартирного, безлошадного паренька, — голь, ложкари, — и дружить им не давали.

Зато она у него бывала — в маленькой квартире.

Вспоминала многие годы спустя, что Боря был горазд на зажигательные пионерские песни — распевал под барабанчика; даже имя барабанщика помнила — Володя Марков. Третьим заправилкой в компании был всё тот же Молчанов — он ещё и в стихи Корнилова попадёт потом.

На летние каникулы Таню, понимая, что вот-вот этот нахальный недоросток испортит девку, родители отправили в деревню Хахалы — за 30 километров от Семёнова. Но Борьке что? Ему нипочём — он туда пешком ходил.

У них была любовь, и взаимная.

После окончания в 1923 году восьми классов Корнилов отказывается следовать по стопам родителей, в девятый класс, где начиналась учительская практика, не переходит, а устраивается на работу в ветеринарную лечебницу. Впрочем, едва ли и работу ветеринара мыслит он как свою судьбу.

Борис теперь уже комсомолец, форсит в кожаной куртке (отцовской), некоторое время трудится пионервожатым в детском доме, затем переходит на должность инструктора Семёновского управления комсомола (уком), редактирует стенгазету «Комса», которую сам и вывешивает при входе в городской сад.

За Рекшиским прудом, вспоминают, читал дружкам свои стихи. Никто, конечно, ничего не понимал, от этого было чуть тоскливо.

Товарищ, всерьёз читавший поэзию, был всего один — и тот поклонник акмеистов, Ахматовой — ссорились с ним чуть не до драки: Корнилов уже прочёл Багрицкого, Светлова, Уткина. И Есенина, конечно.

Даже Таня, Танечка Степенина — будто бы похожая на свою фамилию — степенная, по-крестьянски породистая, сильный характер виден в безупречно выполненном девичьем лице, — и та слушала, но никогда про его стихи не говорила вслух.

Корнилов переходит на работу инспектора бюро пионеров, пробует что-то сочинять для местного театра.

Павел Штанов, молодой человек 26 лет, один из организаторов литературной группы «Молодая рать», возникшей в Нижнем Новгороде в марте 1925-го, корреспондент одноимённой газеты, приехал в Семёнов в командировку в поисках новых талантов и увидел в «Комсе» стихи Корнилова.

В тот же день разыскал этого инструктора Семёновского укома комсомола и предложил опубликоваться в губернской газете — хотя, правду говоря, Корнилову было ещё рановато печататься со своей патетичной комсомольской трещоткой.

Так или иначе, 25 апреля 1925 года в газете «Молодая рать» под псевдонимом Борис Вербин со стихотворением «На моря!» стартовал молодой человек, которого всего-то через несколько лет будут называть в числе главных поэтов Советской России.

А Вербин потому, что фамилия Корнилов показалась какой-то, что ли, непозитичной.

15 мая тот же Вербин публикует в «Молодой рати» стихотворение «Года»:

Год — морщина, что вырубил голод,
Год — когда был повешен сын,
Год — когда на войну другого...
Год — когда он остался один.

29 мая — стихотворение «Пастух», 20 октября — «Строй!», но подписывает: «Б. Корнилов (Вербин)» — видимо, чтоб уже полюбившие Вербина за первые три стихотворения знали, что это он, он. 30 октября так же подписано стихотворение «Семь», 3 ноября — «Изба-читальня».

27 ноября, посчитав, что читатель уже понял, что Вербин — это Корнилов, подписывает наконец только собственной фамилией стихотворение «Ржаной комсомолец», а 15 ноября — «Радость».

Понемногу кружится голова, он торопится, ищет с кем поделиться, тащит газеты домой — показывает отцу, матери, сёстрам... Сёстры тоже ничего не понимают, чёрт.

И плохо, что никто ничего не понимает, потому что за одним-единственным исключением опубликованные на тот момент стихи даже в первый сборник Корнилова не попадут.

Я знаю: вечер мне помог
В девчонку вклинить смелость,

Чтоб сжечь словами грусти стог
И комсомолкой сделать.

Вечер уже, пойдём в стог, сделаю тебя комсомолкой.

Корнилов сам понимает, что ему надо учиться и вообще менять жизнь, иначе ничего не выйдет.

Подает заявление о том, чтобы его перевели в институт или литературную школу. Заявление рассмотрели в укоме комсомола — ну, свои все парни — и составили бумагу в губком: «Ходатайствовать перед губкомом РКСМ об откомандировании Бориса Корнилова в государственный институт журналистики или в какую-нибудь литературную школу, так как у т. Корнилова имеются задатки литературной способности».

Это — советская власть, и немедленные результаты её работы — одарённого парня подталкивают, подсаживают: ползи, карабкайся, товарищ, вперёд и вертикально вверх. Много крестьянских детей командировали десятую или двадцатью годами раньше «в какую-нибудь литературную школу»?

...Существует миф о переезде Корнилова в Ленинград — и он куда красивее реальной истории, безо всяких там ходатайств, укомов и губкомов. Якобы Корнилов сорвался туда к Есенину — показать стихи своему кумиру, но... не застал его в живых.

Надо было сразу развернуться и уехать — дурной знак. Но не развернулся...

Всё это, конечно, не выдерживает никакой критики.

Во-первых, Корнилов и знать не знал, что Есенин в Ленинграде.

Жил Есенин в Москве. Сначала в съёмной квартире вместе с Анатолием Мариенгофом, потом в особняке своей жены Айседоры Дункан, потом у очередной жены — Софьи Толстой.

До недавнего времени в Москве у Есенина и его товарищей имелось личное кафе, личная книжная лавка, личное издательство.

Что за резон Корнилову искать Есенина в Ленинграде?

Да, Есенин появился там 25 декабря 1925 года, поселился в гостинице, но едва ли за это время в Семёнов дошли слухи о приезде Есенина — тем более, что уже через три дня Есенин в той же гостинице, в собственном номере, покончил жизнь самоубийством.

И вот об этом Корнилов, отправившийся зимой 1926 года в Ленинград, наверняка знал. И надеяться застать в живых Есенина не мог никак.

ЯВИЛАСЬ СМЕНА

Сначала цитата.

...деревня, — предвижу с тобою разлуку, —
внезапный отлет одичавших гостей.

И тяжко подумать — бродивший по краю
поемных лугов, перепутанных трав,
я всё-таки сердце и голос теряю,
любовь и дыханье твое потеряю.

Следом важная дата.

18 — 31 декабря 1925 года состоялся XIV съезд ВКП(б), провозгласивший курс на индустриализацию. Корнилова неизбежно повлечёт по этому курсу, как и миллионы других.

Мучаясь от желанья сохранить «любовь и дыханье» деревни и одновременно отрекаясь от всего, что взрастило и выпестовало его, Корнилов будет писать и жить.

В Ленинграде остановился у тётки Клавдии Михайловны, — наличие этой тётки и определило город, в который отправился Корнилов.

На месте не сидел — сразу, с деревенской наглечой и великим сомнением, шагнул в мир литературный.

Была в те годы группа «Смена» под руководством Виссариона Саянова (молодого ещё, но уже относительно известного 23-летнего поэта, автора одной книжки стихов). Корнилов двинул туда.

В 1924-м «Смена» была литобъединением, а в 1926 году стала литературной группой.

Заседали каждый вторник — сначала на Мойке, в Юсуповском дворце, где располагался Домпросвет, следом на Фонтанке — в Доме печати.

В группу входили поэты и прозаики Дмитрий Левоневский, Борис Лихарёв, Леонид Рахманов, Геннадий Гор... И молодая красавица, почти ещё девочка — Ольга Берггольц, прехорошенькая, с длинной густой косой и с характером. Ей ещё не было 16 лет. Гена Гор за ней трогательно ухаживал.

Берггольц вспоминала про «Смену»: «...приходила разная рабочая молодёжь: ребята и девчата с предприятий, порой едва владеющие правописанием, но слагающие стихи; были журналисты, студенты, многие — комсомольцы, одетые с тогдашней естественно-аскетической простотой — в юнгтурмовках, в косоворотках, в толстовках...»

И дальше: «Все очень молодые и все — прямолинейно беспощадные друг к другу, потому что были беззаветно, бесстрашно, я бы сказала — яростно влюблены в поэзию, и прежде всего в советскую, в современную нам поэзию... Да, много у нас тогда было лишнего — был и догматизм, и чрезмерная прямолинейность, и ошибочные увлечения (акмеистами, например) — я не хочу идеализировать даже любимую молодость нашу, но не было одного: равнодушия».

Ольга была на три года моложе Корнилова, с 1910-го, майская (родилась 3 числа) — дочь фабричного врача Фёдора Христофоровича Берггольца и Марии Тимофеевны Грустилиной, детство провела в рабочем районе Петрограда,

в Гражданскую мать увезла Олю и её сестрёнку в Углич, они жили в келье Бого-явленского монастыря, семья была воцерковленной.

После трёхлетнего отсутствия на фронтах вернулся отец, забрал семью обратно в Питер. Вчерашняя богомольная, ангелоподобная девочка становится пионеркой; публиковаться начинает, как и Боря, в стенгазете; первое известное стихотворение (1924 года) называется «Ленин». Первая серьёзная публикация — в газете «Ленинские искры» за 1 мая 1925 года — стихотворение «Песня о знамени».

В «Смену» пришла ещё будучи школьницей.

Корнилова увидела на первом же чтении: «...коренастый парень с немного нависшими веками над тёмными, калмыцкого типа глазами, в распахнутом драповом пальтишке, в косоворотке... Сильно по-волжски окая, просто, не заывая, как тогда было принято, читал...»

Потом ещё вспомнит кепку, сдвинутую на затылок — это важно, это характер и вызов.

«Он был слегка скуласт и читал с такой уверенностью в том, что он читает, что я сразу подумала: «Это ОН».

На слушаниях присутствовало сразу человек семьдесят.

Корнилов начал со стихов, казавшихся ему самыми лучшими. Был уверен в своей силе, думал: все ахнут.

Усталость тихая, вечерняя
Зовёт из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в синь семёновских лесов.
Сосновый шум и смех осиновый
Опять кулигами пройдёт.
Я вечера припомню синие
И дымом пахнувший оmét.
Берёзы нежной тело белое
В руках увижу ложкаря,
И вновь непочатая, целая
Заколыхается заря.

Здесь всё своё, родное, даже про ложкарей не забыл. Ну как?

За стихи ему попало хорошенько. Смех, говоришь, осиновый, оmét, кулиги? Есенинщина, понял?

«Были и защитники, конечно, но нападающая сторона преобладала...» — констатирует Берггольц.

До хрипоты спорили, кто главнее: Маяковский или Есенин. (Несмотря на то что Николай Тихонов тогда уже многими был признан первым — тем более в Ленинграде, где он жил.)

Пойдёшь за Есениным — не закончишь ли, как он? — спрашивали Корнилова.

Прочитанные стихи действительно были подражательными, но ругали не за это, или не только за это. Ругали за то, что такую Россию, что описывал Корнилов, эти малолетки в косоворотках не просто не знали — знать уже не хотели.

Плохо ли это? Не совсем. В той России, которую описывал Корнилов, не хотелось жить — она уже была, — хотелось жить в новой и небывалой. Их можно понять, молодых, первое поколение, выросшее после революции.

Корнилов тогда мог подумать, что только здесь такие чудачки собрались, в «Смене», — а они будут за ним по пятам идти все последующие годы, и далеко не только молодые.

Но зато ведь тут была эта, глазастая, с косичками, острогрудая, глаз от неё не отвести.

(Хотя Таня — Таня ведь ждёт в Семёнове!)

После одного из заседаний, весной 1926-го, шагнул к Ольге, заговорил, с какой-то попыткой даже рассмешил — хотя она обычно строгая, малосмешливая, разве что если вдруг нападёт настроение.

Гену, который путался под ногами, Корнилов отвадил: «Иди, как там тебя, покури, мне надо сказать тут... Не куришь? Ну, так постой. Иди, говорю, там твои сочинения говорят вроде».

И Ольга за Гену не заступилась.

Боря попробовал поцеловать её в губы — а она оттолкнула его. Взял за руку — а руку не отняла.

Так и стали, как тогда это называлось, «ходить». Один — наглый юнец, кепка на затылке, другая — почти ребёнок.

Но на людях не показывали, дружили в сторонке, не на глазах, таились.

(В дневнике потом Берггольц опишет: «Борис ревновал меня, целовал и наваливался, и мне было очень страшно и стыдно от его большого, тяжёлого и горячего тела. Я была маленькая ещё...»)

Ухаживание длилось год! Советская девушка, к тому же воспитанная в монастырской келье.

В 1927 году «Смену» пополняют поэты Илья Авраменко и Александр Гитович. Туда заезжает в гости Эдуард Багрицкий — как и Корнилов, тот готовит к выходу всего лишь первую книгу, но в отличие от Корнилова — он состоявшийся, великого дара поэт. Заходит Яков Шведов, будущий автор «Орлёнка» и «Смулянки-молдаванки».

И все на неё заглядываются, на Ольгу.

Корнилов не все.

Он настаивает: будешь моей, со мной.

Наконец, весной 1027-го, говорит: да. Буду. Твоя. Скоро.

Летом Корнилов едет навестить родителей, привозит ворох газет со своими стихами, хвалится, что готовит книжку... и вновь встречается с Татьяной, и в июле говорит ей, клянётся ей, что любит её. А она варит варенье, и убирает прядь с глаз локтем, и смеётся, и плачет — потому что не верит. И руки сладкие у неё. И её поцеловать — можно.

Ему 20, а ей 21, и она уже не может дожидаться его.

И правильно делает, — Боря возвращается в свой стылый Ленинград, и там у него снова Ольга, и он наконец добивается её.

Боря был её первым мужчиной. Первым и неумным.

В самом начале была у них страсть. Ольга любила его своим детским ещё, неразумным сердцем — и, быть может, даже больше, чем её он.

Заглядывала в его нерусские глаза — откуда такие?

Может быть,
На этом самом месте
Девке полюбился печенег.
Отлюбила девушка лесная,
Печенега полоня...
Умерла давным-давно, не зная
О глазах нерусских у меня, —

сочинит Корнилов.

В другой раз выдаст иную правду:

Я скажу тебе — не вымыслю,
Ты, пожалуйста, поверь —
Я татарин, только с примесью
и других ещё кровей.
Может быть, прабабка-пленница
зачала под гром копыт —
и во мне кипит и пенится
кровь Батыевой тропы.

То ли калмык, то ли печенег, то ли татарин — не разберёшь, сколько ни смотри.

Ольга знает про Татьяну — сам рассказал, да и письма от неё приходят, тем более что Боря на них ещё и отвечает. Но первое побуждение Ольги удивительно, она пишет:

Но в густую, яблочную осень,
В эту осень, отчего ты хмур?
Словно скука синевровых сосен
Привязалась к другу моему.

Словно хочет угадать разлуку,
Так он часто говорит о ней.
Как же мне сомкнуть сильнее руки,
Как же мне обнять его сильней?

Вот как: а могла бы от ворот поворот. Обожала.

10 сентября 1927-го Борис и Ольга, ещё не муж и жена, поступают на Высшие государственные курсы искусствоведения (ВГКИ) при Государственном институте истории искусств — ходят учиться в особняк графа Зубова на площади Воровского. Слушают лекции Бориса Томашевского, Бориса Эйхенбаума и Юрия Тынянова, попадают на выступления Маяковского, Иосифа Уткина и Виктора Шкловского, рассказывавшего тогда о кино.

Ольгу в те дни запомнили такой: «...она была прямодушна, честна, бескомпромиссна, непримирима, последовательна в любви и в неприязни. Её ум и в те дни был ясен, остёр, её ирония была и лукаво дружелюбна, и откровенно язвительна. Она была страстным полемистом и убеждённым спорщиком. Её прелестное тонкое и светлое лицо часто и естественно освещалось улыбкой, поражало и привлекало своей подвижностью, выразительностью, отражением напряжённой внутренней жизни» (это из воспоминаний Иосифа Гринберга).

Курсы были и увлекательны, и удивительны одновременно. Увлекательны оттого, что там преподавали великие интеллектуалы и мастера, и науки эти были Корнилову в новинку (отчитывался Тане Степениной в письме о посещаемых лекциях: «1-я психология, 2-я политэкономия. Завтра исторический материализм и ещё что-то...»). А удивительны потому, что никакой программы в этом учебном заведении не было вообще — и каждый рассказывал, в сущности, что хотел.

Корнилов, надо признать, так и не получил хоть сколько-нибудь цельного и разностороннего образования: хватал на лету, тем и жил.

Он активно публикуется — в газете «Смена», издаваемой литературным объединением, пригrevшим его, в «Ленинградской правде» (и перепечатывает стихи оттуда в «Нижегородской коммуне», чтобы удвоить гонорар, в надежде на то, что никто ничего не заметит, — и вроде не замечают), в журналах «Юный пролетарий» и «Резец». В серьёзные журналы его пока не берут. Зато в «Резце», в декабрьском номере за 1927 год, новый глава объединения «Смена» В. Друзин публикует свою статью о трёхлети этой литературной группы с фотографией её участников, где можно разглядеть и Ольгу, и Бориса.

В «Смене» Корнилов, шаг за шагом, занимает всё более крепкие позиции — его оспаривают, но и мастерство его растёт, и это очевидно.

Гор — и тот спустя время признает, что Корнилов был «эмоциональным началом, романтической душой, стихией группы». Приехал из своей деревни — стал среди десятков юных и даровитых первым: шутка ли?

А если за что ругали — он и сам, на крепком поводу у времени, вроде бы меняется.

Чтоб девушку эту
никто не сберёт —
Ни терем и ни охрана,
Её положу на седло поперёк,
К кургану помчусь от кургана.
И будет вода по озёрам дрожать
От конского грубого топота.
Медвежьёю силой
И сталью ножа
Любимая девушка добыта...
Ну, где им
размашистого догнать?..
Гу-уди, непогодушка злая...
Но, срезанный выстрелом из окна,
Я падаю, матерно лаясь.
Горячая и кровавая река,
А в мыслях — про то и про это:
И топот коня,
И девичья рука,
И сталь голубая рассвета,
А в сердце звериная, горькая грусть, —
Качается бешено терем...
И я просыпаюсь.
Ушла эта Русь, —
Такому теперь не поверим.

Это его «я просыпаюсь» — жестокое пробуждение. Словно открывает глаза в новом мире, который ещё не известен. Терем, как символ прошлого, качается — причём именно что бешено, и Корнилов словно заклиняет себя: этой Руси больше не будет, я не верю в неё, не верю.

Хотя сам — верит, иначе бы не писал, и не были бы настолько полны вольнолюбием, гоним печенежской крови и страстью эти молодые стихи.

Процитированный «Терем» написан в 1926 году и тогда же опубликован в «Юном пролетарии», а в 1927 году в журнале «Резец».

Характерно, что стихотворение о том же самом пробуждении — как о попытке очнуться и отречься от своей русской природы, так и называющееся «Жестокое пробуждение», — чуть позже напишет московский поэт Владимир Луговской. Совпадение? Или одно и то же чувство довлело над самими

одарёнными, самыми русскими, пытавшимися убежать от своей русскости — и не умеющими этого сделать навсегда, бесповоротно.

В 1927-м, в стихотворении «Айда, голубарь...» Корнилов уже поёт противоположное:

А нынче почудилось:
конь, бездорожье,
Бревенчатый дом на реку, —
И нет ничего,
и не сыщешь дороже
Такому, как я, — дураку...

От себя так сразу не отречёшься.

Разве что последовательно делать вид, что ты дурной, глупый и спроса с тебя нет.

Будет спрос, будет.

И большое начальство спросит, и маленькая жена, тем более что «бревенчатый дом на реку» — это ведь Боря всё про Хахалы вспоминает, куда по пять часов шёл из Семёнова к своей Тане.

В октябре ей пишет в письме:

«У меня сейчас все мысли вразброде. Одно только сознаю, что я очень, очень люблю тебя и променять на другую, может, красивую, умную — всё равно — не сумею...

Скоро мы с тобой будем совсем вместе. Я думаю, хорошо будет».

Словно уговаривает себя. Словно сам ещё не знает: хорошо ли? будет ли?

В январе 1928-го Борис и Ольга вдруг объявляют о свадьбе.

Яков Шведов признается: «Мы все были удивлены». Ребята в основном петерские, из города революции — а это кто? Из семёновских лесов, ложкарь?

Багрицкий что-то съехидничал в рифму. Корнилов иронично пожал плечами: «Извините, Эдуард... Георгиевич, вам уже, сколько там, тридцать три? Вы старый, как Иисус Христос. Дорогу молодым».

Фамилию Ольга оставляет отцовскую — Берггольц. Проявила характер. Она и впредь станет блюсти свою самость, независимость. Хотя, с другой стороны, зачем нужны сразу два одинаковых поэта — Корнилов и Корнилова? Пусть будут два разных.

Причина скороспелой свадьбы была проста: беременность.

В том же январе у Корнилова выходит первый сборник стихов «Молодость», с хилым деревцем, изображённым на мягкой обложке, в ленинградском издательстве «Красная газета» в серии «Книжная полка «Резца» (под № 3). Редактировал книжку лично Виссарион Саянов. «Молодость» посвящена Ольге Берггольц. Под посвящением строчки из Багрицкого:

Так бей по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя...

Борис немножко поторопился с книжкой, много слабого там, юношеского, плохо вылепленного, но имеются уже и шедевры, такие как «Лесной дом» и «Лирические строки» — про Таню, между прочим, Степенину: «И ты заплачешь в три ручья, / Глаза свои слепя, — / Ведь ты совсем-совсем ничья, / И я забыл тебя».

Пара селится с родителями Ольги.

18 октября 1928 года у них рождается дочка — назовут Ириной. Белокурое ангельское создание, на маму похоже, но с папиными глазами: хоть открытки печатай и продавай по рублю.

Жизнь разворачивается, раскручивается, бьёт по жилам.

Корнилова уже знает весь читающий Питер, о нём идут толки. Бывает так: он сидит на какой-нибудь вечеринке пролетарско-богемно-поэтический, а вокруг говорят: «Сейчас Корнилов придёт, сейчас тот самый Корнилов явится».

А он уже явился.

(Продолжение в следующем номере)

Валерий ВОРОНОВ

**ТЕНЬ ОБЛАКА,
ТУМАННАЯ ДУГА...**

Стихи

* * *

Берега с осокой, пух ли тополиный —
Край ты мой пастуший, холод заовинный.

Валенки с тулупом да охапка в сани —
Распахну я душу в снежной перебрани.

Ледяные стрелы с искрами во взорах.
Лошадь. Вечер. Зимник. На дуге узоры.

Серпантин уходит за деревню в волость.
Где ты, моя юность? Где ты, моя скорость?

На ходу морозном очи прослезилась.
Караульщик-ветер выказал немилость.

Лошадь сторонится полыни широкой.
Где ты, луг зелёный, травяной, далекий?

Устаёт гнедая. Храп. Глядит искоса.
Потонули избы в снеговых заносах.

Потерпи, родная! Три версты до дома!
Там в хлеву уютном овсяная дрёма.

* * *

Той любви распадаются нити,
Пляшет вьюга, свиваясь в кудель.

Хорошо на мотив забытый
Исповедаться сердцем теперь.

Вечер. Снег. Деревенские склоны.
В них луной бы ещё козырнуть.
Пусть псаломщик небесный уронит
Литию на осанистый путь.

Если песня другим запета,
Исповедаться — с плеч гора:
Я любил, и испытывал трепет,
И раскладывал в масть слова.

С верой есть и любовь, и надежда —
Это всё, в чём землицы соль.
Богохульника и невежды
На меня примеряют роль.

Примеряют, в глаза не глядя.
Только чувств подтасованных нет.
Треплет ветер терновые пряди —
Вижу я на метельный просвет.

Есть удача, есть боль и счастье,
Есть беда, что настигнет врасплох.
Кот мой старый, поддавшись ненастью,
Захворал и совсем оглох.

Пусть и выглядит он негоже,
Всё ж хозяину в радость и впрок.
От мышей в амбаре — сторожа,
Он добычу под дверь волок.

С ним навек распрощаемся скоро,
А пока мне без устали в дверь,
С той же хитрой повадкой вора,
Пляшет вьюга, свиваясь в кудель.

* * *

Тропа за твоим палисадом.
Я чувствую стылость в груди.

Мне шепчут черёмухи рядом,
Что юность твоя позади.

Всё помнятся годы далеки:
Оплакивал Троицу гром,
Как было тебе одиноко
В раскате его молодым.

Волос шелковистые пряди —
Души моей тающий снег,
С улыбкою кроткой во взгляде
И станом чарующих нег.

Живое утешить мы падки,
Когда в наших душах свет.
И в слове, и в жестах повадки —
Не больше одной из примет.

Я сам, прожигатель слова,
Любовью изранен насквозь,
И высказаться наготове,
Что в сердце не улеглось.

Пусть ночью в молитвенный причет,
В купель окуная зарю,
Мне в таинстве храмовом скличут:
— Я тоже... я тоже... люблю.

* * *

Привет, сердечный друг!
Отчалить позову
В края волхвов, в края скитаний дальних.
Там купол в омут обронил главу —
На водах лунных, до сих пор печальных.

Тень облака, туманная дуга,
Перед восходом северного солнца
В рулоны сена скатанным лугам
Теплом луча зимою отзовётся.

Который день в краю моем страда.
Созревший злак — на урожай порука.

Поля ржаные, вы когда, когда
Склонили к жатве головы по кругу?

Седая Русь! Вовек твой светел лик!
С любовью стыну в эту осень!
За всех детей расшатанных твоих —
Мой голос, вырвавшийся в просинь.

За всё, за всё, за час, за каждый миг,
Где день по маятнику сложен,
Где новый в закромах времён возник,
Излившись в слог с крестьянских пожен.

Седая Русь! Ответь, ответь, ответь!
Я в сердце сохраню заботу эту
И, как и ты берёзовую цветь,
С раздольной песней разнесу по свету.

Привет, сердечный друг!
Ты ль золотил листву
В краях волхвов, в краях разливов дальних?
В озёрах купол обронил главу —
На водах лунных, до сих пор печальных...

* * *

Разъедает мне душу отрава.
Сколько лет я загнал на скаку!
Подпоённую юности славу
Я в последний галоп берегу.

Вот опять в золотом распеве
Лист осин занялся гореть.
Но заглушит резвистым посевом
Юный май прошлогоднюю медь.

Только я всех потерь не считаю.
Ни обид, ни пустых тревог.
Я тоску за весёлостью знаю
Звать любовью за далью дорог.

Потому и тревожит та пропасть —
Запустить своё сердце в разгон.

Сгоряча и навеки ухлопать
Удаль лет на смешливый жаргон.

Ты, любовь, средь погонь житейских
Путь шальной осади в борозду.
И тогда от забав молодецких
В стойло сам я себя уведу.

А пока ветер празднует листья.
В эту мягкую рысь сентября
Мне берёза зелёная снится
И черёмухи цвет у плетня...

* * *

Повернёт дуга за речку
В копны сена веер солнца...
Кот ленивый на крыльчке
То замрёт, то встрепенётся.

В сердце ношей смех и пляски,
Хоровод у дальней риги.
Я хвалю тебя в огласке,
Духмяной ломоть ковриги!

Празднуй, стар, и празднуй, молод,
Весели, земляца-мати!
Потом вымоченный солод
Дух крестьянский перехватит.

На часах почти что восемь,
Гонит волны белый дольник.
С верой в поднятую озимь
Я — отпетый богомольник.

Олег КУИМОВ

Я — ДОМА

Рассказы

КРЕСТ

Роман грустил. Послезавтра у дочери последний звонок, который пройдет все-таки без него, хотя три недели назад, с момента, как он приехал на заработки, не было ни капли сомнения в том, что разделит с семьей и радость, и грусть прощального звонка их красавицы и умницы Лены. И был так уверен в этом, что, когда вдруг оказалось, что к данному сроку работу не завершить, сильно расстроился. И работа не кипела в руках, как обычно, а двигалась размеренно. Роман задумывался, полностью забывал о высоте и в рассеянности вчера два раза ошибся в разметке шашечек, отчего пришлось их переделывать. А все потому, что мысленно был дома, в последний раз смотрел на дочку в школьном платье, с бантом в таких же смолянисто-черных густых волосах, как и у него. Столько лет Роман мечтал о том, чтобы увидеть этот ее последний шаг по территории детства, столько мечтал — и пропустил. И получалось, что тело его заканчивало работу в Подмоскovie, а душа летела домой на Украину. Такой вот разлад случился в Ромane и не давал ни минутки покоя. «Домой! — сигнализировала душа телу, и ничего с этим поделать было нельзя. — Домой!»

Тем не менее к ночи он все же успел покрыть купол. И отправься с самого утра на Киевский вокзал — еще бы попал, что называется, с поезда на бал, но батюшка, которому позвонил загодя с просьбой о том, чтобы крест установили без него, отказал.

— Нет, Роман, — сказал он, — ты уж доведи дело до конца и поезжай себе спокойно.

— Да ведь я и так уже все сделал, а крест, с краном, любой мужик поставит. Главное-то я сделал, — повторил Роман и, уповая на общеизвестную доброту отца Алексея и хорошие личные отношения, с просительной интонацией в голосе мягко и проникновенно проговорил: — Батюшка, последний звонок у дочери, это же единственный

раз в жизни, больше не повторится никогда. Ну отпусти, Христа ради. Работа сделана, а когда кран будет? И что мне... сидеть ждать?

— Я все понимаю, — так же мягко и проникновенно ответил батюшка. — Последний звонок — это, конечно, причина значимая, но и ты меня пойми: с кем я буду крест ставить? Мужиков-то нормальных в деревне нет. И что мне? Бегать искать? Ты уж доделай, Христа ради, а потом и езжай со спокойной душой.

В общем, никакие уговоры не помогли, да Роман особо и не уговаривал: и сам чувствовал батюшкину правоту, к тому же провести такую большую работу — покрыть церковь медью — и не завершить последний, технически самый простой, но самый значимый штрих — не то! Нет конца — нет и делу венца: не будет удовлетворения, и после, как червячок яблоко, станет грызть раскаяние в собственной слабости, нецельности натуры.

Однако все бы оно ничего, только ни на следующий день, как было обещано, ни в пятницу кран не приехал. Хуже всего была неопределенность с этим злополучным краном, потому что найти машину с достаточным выносом стрелы оказалось непросто. У организации, с которой была договоренность, случился какой-то аврал, а там два дня выходных, и еще неясно, получится ли даже в понедельник.

Роман грустил. «Домой! — рвалась душа. — Домой!» А вместо этого следовало томиться от скуки в чужой деревне, да еще неизвестно сколько.

И тут кстати прихожане церкви Аркадий Иванович с Еленой Ивановной пригласили вечером в баню. В прошлый приезд, в марте, Роман мылся у них каждую неделю, а в этот раз — впервые (обходился обычным мытьем головы из ковшика прямо на улице).

В баню взял с собой Андрея. Тот был москвичом, мотаться каждый день домой за девяносто километров, понятное дело, не имело смысла, и потому четвертую неделю обитал там же, где и работал, — в новом церковном доме, выбираясь к семье на субботу-воскресенье.

— А Аркадий Иванович сказал, что парилка остыла. Тут еще парься да парься, — Роман довольно побряхтывал на полке, пока Андрей на совесть охаживал его березовым веником. Переведя дух, он попросил: — Андрюшка, плесканика, пожалуйста, еще ковшичек, только не залей, а то камни уже остывают.

Тот шутиливо рассмеялся, поддавая парку:

— Есть, товались командила, — белые клубы потяжелевшего из-за остывания камней пара медленно поднялись над каминкой.

— Ух, хорошо! — оба принялись растираться, стяхивая побежавший по телу пот.

После второго захода, усталые, обмякшие, развалились на мягких дерматиновых стульях.

— Эх, завтра с утра домой. Закончил я, Рома, сегодня всю работу. Получу деньги — и свободен. По детям за неделю соскучился, — лениво растягивая слова от приятного утомления, проговорил Андрей, — куда девалась присущая ему энергия в разговоре и движениях. — Ну а у тебя как с краном?

— Да как! — легкое раздражение прозвучало в обычно приветливом голосе Романа, и он рассказал все как есть.

Между ними как-то само собой установились дружеские отношения, оба любил пошутить, посмеяться. Роман радовался про себя, что кацап, то есть Андрей, по-украински шевбунтой и шустрый, а Андрей, в свою очередь, удивлялся, что встретился ему такой же простой и бесхитростный, как и русские, хохол. И оба радовались, что нет никакой разницы между кацапом и хохлом, будто всю жизнь провели вместе, подхватывая с полуслова шутки друг друга.

— В общем, так, Рома, — Андрей зачем-то взял веник, стукнул себя по ногам и снова положил, — не боги горшки обжигают. Завтра что-нибудь придумаем. Деньги на кран батюшка дает? Или это помощь организации?

— Да — батюшка, с этим проблем нет.

— Тогда найдем завтра тебе кран. Не верю я, чтобы в наше время да с деньгами нельзя чего-то найти. Завтра с утра поедем искать в город.

— Так завтра же суббота, и тебе домой тоже надо ехать.

Несмотря на предвкушение скорой встречи с семьей, к Андрею пришло твердое понимание того, что он обязан помочь этому полюбившемуся ему хохлу, обязан — и точка!

— Ничего, что суббота. Найдем! До вечера можешь на меня рассчитывать — уверенно ответил он, подметив, как радостно загорелись глаза Романа.

Когда они возвращались домой, деревня уже спала мертвым сном — ни единого звука, ни проблеска света. Не спалось, наверное, одному лишь Шкиперу: терзала душу прилипшая баннным листом мысль, зачем она вся эта жизнь и существует ли вообще на самом деле Бог. В короткие промежутки, когда мысль эта отставала, вспоминалось далекое прошлое детских и молодых лет, и становилось тоскливо оттого, что лучше уже никогда не будет и что впереди теперь только унылый спуск к черной финишной ленточке. Он вытер испарину со лба. Даже стены, показалось, и те вроде как сдвинулись, а потолок навис над головой. Душно! Шкипер поспешно набросил куртку и вышел на улицу.

И в то время как прислушивался он к монотонному стрекотанию сверчков, неприятное открытие внезапно зацепило его: перестало оно его затрагивать, это самое стрекотание, как бывало когда-то; и со щемящей грустью отметил, что ничем новым удивить его уже невозможно, да, впрочем, и незачем. «А жизнь такая скука, что хоть ложись да помирай», — услышал он свой собственный приглушенный голос и оглянулся: не видит ли кто из соседей, как он стал разговаривать сам с собой. Все спали. «Да вот хоть прямо сейчас помирай, если бы только не было страшно. Есть там что-то или совсем ничегошеньки нет — вот он, извечный вопрос, на который никто не может дать такой же исчерпывающе точный ответ, как то, что дважды два — четыре. Никто не ответил! И никто оттуда не приходил, чтобы подтвердить. А с другой стороны, попробуй поверь, что весь этот мир (Шкипер огляделся вокруг) сам появился, без Бога. Вот попробуй, сумей... если сможешь. Но опять же — как-таки верить, что

может существовать ум, чтобы мог вместить в себя план такого мироздания, триллиарды триллиардов формул и чисел, триллиарды триллиардов рассмотренных вариантов решения задач, к тому же еще когда и вовсе непонятно даже, каких задач. Это ж надо! Придумать ТАКОЕ из полной пустоты, без того, чтобы с чем-то сравнить. Вот уж точно как в сказке: поди туда, не знаю куда; найди то, не знаю что. Вот и получается теперь у меня, что и в Бога не могу поверить до самого конца, и вовсе не верить — тоже не складывается. Вот она — дилемма», — искривился он в ироничной усмешке.

В соседней деревне, в километре, громко лаяли потревоженные собаки. Шкипер долго смотрел в ту сторону, словно мог в кромешной темноте высмотреть причину их лая. Так ничего и не высмотрев, запрокинул голову — непривычно низко висел в эту ночь хрупкий серпик новой, совсем не дававшей света луны. Пусто и одиноко. И вдруг словно какой-то тумблер переключился у него в голове, обрубивший надоевшие думы: в фокусе его зрения возникло небо. Оно и прежде никуда не исчезало и висело над ним, но как-то само по себе, без его участия, а тут вдруг явилось совсем иначе — зримее, роднее; и стало ему оттого легко, как давно уже не случалось.

Множество мерцающих звездных точек оживляло иссиня-черную мглу наверху, призывая к себе, и, прочувствовав этот призыв, Шкипер пожалел, что никогда, хотя бы даже и в детстве, не мечтал стать космонавтом. И если прежде не мечтал, то уже и не мог услышать этого зова, который теперь не столько воспринимал, сколько предчувствовал, поддавшись чарам необычного звездного вечера. Небо звало, звучало по всему небесному простору, словно невидимые ангелы слегка касались леденистых звездных струн теплыми руками. Шкипер знал, что это и для него звучит, спускаясь сверху на спящую землю, вечная космическая песня, полноценно воспринимаемая одной лишь беззаботной юностью; но кроме данного знания не имелось в нем уже более ничего, что могло преодолеть заскорузлость приобретенных жизнью сорока девяти лет и донести мелодию звездной песни до его слуха.

И тем не менее в настигшем его все же внезапном, но счастливом оцепенении острее воспринимался каждый звук — и стрекочущего сверчка, и шуршащего неподалеку неосторожного крота, и даже противный писк отчего-то бодрствовавшего в столь поздний час бестолкового комара. Только теперь заметил он, что даже темнота кажется мягкой, теплой. Хорошо! И тут со стороны трассы прозвучали голоса и разрушили редкостно благодушное настроение. Правда, несмотря на их досадную несвоевременность, они показались ему как никогда родными, потому что все же вернули в привычный мир, в котором не нужно было напрягаться, в мир, в котором все было простым и понятным — без этой навечно, казалось бы, позабытой дрожи в душе и изнуряющих сложностью мыслей.

В это время могли идти только свои, и Шкипер спокойно повернулся навстречу. Спустя минуту он пожалел, что не ушел раньше, оказавшись перед возвращавшимися из бани друзьями.

Ни тот, ни другой Шкиперу не нравились — не вписывались в его рамки толковости, мужицкой обстоятельности: слишком шумные, по любому пустяку смеются, несерьезные — одним словом, взрослые дети. Да и вера их казалась ему показной. Зачем ходить в церковь, когда главное — вера в душе, в ней-то вот как раз и заключается истинный храм, а не в этих свечах, умиленных взорах и еженедельном посещении церкви. А то в церковь ходят, а толку никакого: грешат ничуть не меньше прочих и ничем особенным не отличаются, и водку тоже пьют. Что тогда толку от этого кадильного дома, если он не делает людей лучше? Душа — вот главный храм, его и надо украшать. «А эти... — махнул давно про себя рукой на них Шкипер, — церковники, много дыма без огня», — и здоровался при встрече натянуто, общался только лишь по нужде, причем Романа не замечал то ли уж очень старательно, то ли демонстративно.

Роман был физико-техником по образованию, но работать по специальности не сложилось: сразу после университета подался на рынок торговать тряпками, да так и пошло-поехало: чем бы ни зарабатывал на жизнь, только не по специальности.

Порой он поражал Шкипера неожиданной глубокой мыслью. На самом доньше шкиперской души, там, куда он не хотел заглядывать, екало: «А ведь я никогда бы до этого не додумался». Но тут же другая мысль ожесточала его: «А, выеживается! Себя хочет показать: мол, не лыком шит, что кровельщик по случаю, а по уму повыше будет». «Ну-ну», — усмехался про себя Шкипер и с показной пронизательностью, доставшейся ему в наследство от предков-крестьян, прищурился (мели, мол, Емеля, — нас не проведешь) и окидывал взглядом Романа: «А сам-то кровельщик ты и есть — и ничего более, хоть и выеживаешься».

Вот и недавно Роман корчил из себя мудреца: человека, понимаете ли, не стоит торопиться осуждать, потому что он и сам не рад своим недостаткам и слабостям и хотел бы и вовсе их не иметь, да вот в том-то и загвоздка, что не может. Алгоритм поступков и действий, заложенный в него генетически и воспитанием, изменить самостоятельно не под силу; и только Бог может освободить от бесконечного бега по кругу. Алгоритм... потом еще приплел какой-то интеграл, линейную систему, матрицу. Выеживается, образованность напоказ выставляет: вот, мол, я какой умный. «Демагог хренов!» — выругался про себя Шкипер и в итоге стал цепляться за слова, а Роман увлекся, загорелся, отбивая наскоки да свою правоту пытаясь доказать. Заспорили, наговорили друг другу колкостей и разбежались с саднящей душой обидой.

Неделю не виделись, поостыли, и как-то Шкипер, зайдя в церковный дом в поисках завхоза Михалыча (надо было выпросить ненадолго сварочный), повстречался с Андреем и Романом, допивавшими послеобеденный чай. Заговорили как ни в чем не бывало. И как ни берегся Шкипер, а не смог устоять перед раздражением. Стоило ему обмолвиться, что миллиардер Прохоров выскочка, что случай, дескать, ему подвернулся наверх подняться, как Роман опять в пику ему заспорил, заговорил так, будто лектор со студентом:

— Понятное дело, что случай. Между прочим, вся жизнь — череда случаев. Однако кто-то приближает свой счастливый случай, идет к нему, а кто-то — нет. И вся-то разница между теми, кого ты называешь счастливыми, баловнями судьбы и прочими. Ничего в этом мире не происходит просто так, у каждого свой шанс случается, но не все им пользуются. То мимо пройдут, то назад отступят, то просто не дойдут. Так что не все так случайно в этом самом случае.

Шкипер не соглашался, но Роман упрямо зацепился за свою правоту и не хотел отступать. «Упрямый, как бык», — опустил глаза Шкипер, пряча снисходительную усмешку. А когда уже в ответ на оброненную им фразу о том, что история представляет собой не более чем всего лишь заурядную летопись человеческого бытия, Роман в очередной раз заумничал перед ним, то Шкипер решил больше не разговаривать с таким идиотом и, сухо попросившись, поспешил восвояси. Да и что тут говорить, если у человека горе от ума: раздует из мухи слона. Конечно (и сомнений тут никаких быть не может), это Роман лишь в противовес ему мог такое выдумать: «История представляет собой процесс самопознания человечества, в котором оно должно пройти определенный этап ради главного знания — в какую бездну ведет всякая индивидуальность без Бога. Познать — и добровольно, как освобождение от собственной мерзости, с радостью и благодарностью подчинить свою волю Творцу, единственно могущему удержать человека от падения. Не будь первого пришествия Христа, мир уже скрежетал бы зубами от ненависти и порожденной ей боли». Умник! Что тут сочинять всякие теории? Жить надо — и весь сказ, чем пустым словоблудием заниматься.

Опять заспорили крепко и разошлись со скрытой обидой; и лишь хмуро здоровались при встрече, проходя мимо. Да и с Андреем тоже холодок в отношениях появился, потому что тот всегда поддакивал Роману. И опять же все про Бога толковать лезет, как будто без чужих подсказок не разобраться что к чему.

Понятно, что и Роман с Андреем также относились к Шкиперу без особой любви. Да ведь и не случайно того так прозвали — Шкипер! К прозвищу предполагал и сам облик бывшего цехового мастера кондитерской фабрики: аккуратная коротко стриженная борода, пронзительный взгляд из-под кустистых бровей и степенная важность в движениях, к тому же (что самое главное) все знали, что в прошлом Шкипер служил срочную в Морфлоте.

Когда столкнулись в темноте лоб в лоб, Шкиперу пришлось поздороваться, те тоже ответили. Ради приличия обмолвились несколькими общими фразами и разошлись. Причем Шкипер, как обычно, обращался при разговоре только к Андрею.

— И чего он так тебя не любит? — недоумевал после по дороге Андрей.

— Да я и сам не пойму... вообще не понимаю.

Андрей развел руками:

— Да чего тут понимать, завидует он тебе.

Роман потер глаза ладонью и громко зевнул:

— А чему завидовать-то?

— Ну, Шкипер себя самым умным считает — первый мудрец на деревне, а у тебя и язык лучше подвешен, и вообще... А между прочим, дед у него в этой церкви священником служил, репрессировали его... расстреляли.

Андрей долго не мог уснуть: все думал, как изловчиться, чтобы поднять крест вовсе без крана — самим. Так и уснул. Ночью приснилось, как вместе с Романом устанавливает крест вручную — без техники. Тут же открыв глаза, он не мог вспомнить устройство конструкции. В общих чертах, конечно, помнил, но то, что во сне казалось инженерной удачей, теперь таким уже не воспринималось. И все же главное запомнилось, и в половине восьмого утра Андрей с торжествующим видом будил Романа:

— Вставай! Хватит дрыхнуть! Поставим сегодня крест. Точно поставим. Я придумал как.

Воодушевленный обнадеживающим известием, Роман сразу же поднялся, быстро оделся и вымылся. Но, услышав план, в котором Андрей предлагал закрепить саморезами на настиле конструкцию из одной высокой вертикально стоящей доски с широким выпилом в верхней части, Роман посмурнел и сказал:

— Нет, так не пойдет. А вдруг крест набок пойдет? Завалится сразу — не успеешь ничего сделать: двести килограммов не шутка. Если поведет, сразу рухнет.

— Так мы же подопрем с четырех сторон.

— Нет, Андрюха, я же тебе говорю — двести килограммов. Настил маленький, опоры не хватит: подпорки-то ведь некуда ставить.

Андрей сдаваться не собирался: был уверен, что не может не получиться, потому как дело-то правое. Впрочем, и Роман готов был хвататься за любое предложение, дающее хоть какую-то надежду поскорее разругать свой гордиев узел и рвануть домой к своим. В итоге решили идти благословляться к батюшке. Тот, с присущей ему открытой, располагающей к себе улыбкой выслушав предложение Андрея, подумал-подумал и уже с серьезным видом сказал:

— А что? Идея правильная. Подумайте. Может, что и придумаете.

Присев на лавочке у дома, они стали совещаться. Через некоторое время Роман, расстроившись, перебил:

— Нет, Андрюшка, ты уж меня извини, хватит попусту говорить: без крана никак. Придется ждать понедельника.

Вид удрученного Романа побуждал Андрея к действию, хотя он и без этого все равно не мог примириться с неудачей.

— Да послушай же! — нетерпеливо воскликнул он. — Главное — переключина, через которую будем поднимать. А что, если ее на лесах закрепить из труб?

Роман сосредоточенно потер лоб крупной толстопальцей ладонью.

— Нет, ничего не выйдет. Во-первых, у нас труб почти не осталось, а вторых, самих крепежей с болтами нет. А хотя... стой!... — Роман задумался и неожиданно смягчился. — Может, и правда попробуем. Трубы снимем с лесов на колокольне, а еще возле гаража есть. Пойдем поглядим.

Андрей не стал дожидаться и убежал на поиски в гараж. Самое неожиданное, что нашлись и доски, и крепежи с болтами. Тем не менее сомнения продолжали возвращаться к Роману.

— Все равно кран понадобится, — произносил он с озабоченным видом, пока складывали все необходимое у лебедки.

— Типун тебе на язык. Глаза боятся, а руки делают, — оставался непоколебимым Андрей, и в конце концов его уверенность передалась и Роману.

Шел уже четвертый час, когда все наконец было готово к подъему креста. Теперь при виде получившейся обычной высокой перекладины они уже сами удивлялись тому, что столько было с утра размышлений, опасений, столько работы — и все ради такой простой конструкции. А ларчик, выходит, просто открывался.

— Ну что, пошли людей искать? — предложил Андрей.

— Пошли! — Роман поспешил к калитке, по пути продолжая свою старую песню: — Если только найдем кого-нибудь сейчас.

— Не бойсь, куда мы денемся.

Андрей метался по деревне: не было мужиков, хоть тресни, — одни деды. Убежала молодежь в Москву, а оставшиеся жить в деревне находились, видимо, на смене в той же столице (большинство трудилось охранниками посуточно). Как он обрадовался проезжавшим мимо на велосипеде двум крепким парням лет двадцати! И как вознеслась воспрянувшей надеждой душа, так и разом опустилась: отказались — высоты боятся. Оно и понятно: у самого в первый раз поджилки тряслись, особенно на самом верху: леса ходят при каждом шаге, и кажется, что это сам купол раскачивается, особенно когда ветер усилится, — вот-вот обломится у основания и рухнет всей тяжестью на крышу и, скатившись по ней, уже на землю. Страшно! А еще и потому, что нет здесь, в отличие от нижних ярусов, никакого ограждения. Оступишься — и полетишь вниз, на верную смерть. Крыша крутая — даже если сразу же об нее не расшибешься и останется сила боль преодолеть, все равно не зацепишься, скатишься. Страшно!

Роман прежде просил изредка то помочь с разметкой, то сдвинуть леса. И во второй, и тем более в третий раз Андрей уже посмелее стал, пообвыкся к высоте, и перестало тянуть, пугая, шагнуть в пустоту.

— Слушай, Ромка, — вспомнил он, воодушевившись, — давай узбеков позовем. Они внизу тянуть будут за веревку — там безопасно.

Узбеки согласились без лишних разговоров. Шерзот уже давно стал в округе своим — почти русским; Шурик или Шерзотик — кому как нравится. И даже приехавший к нему на подмогу отец Халмурат, хотя и смотрел на высокий купол с явным страхом, а не спасовал, поплелся на негнущихся ногах вслед за сыном.

— Халмурат, ты не бойся, — успокаивал его по пути Андрей, — я тебе пояс монтажный дам. Прицепим тебя к лесам — безопасно будет.

Услышав о страховке, пожилой узбек немного распрямился, пошел уверенней.

Роман, шедший чуть сзади, догнал Андрея.

— Слушай, Андриуха, — чуть надтреснуто прозвучал его голос. Весь вид Романа: и ссутулившаяся фигура, и сосредоточенно-серьезное выражение ввалившихся глаз, и глубокая складка от переносицы — выдавали сильное переживание. — Надо еще кого-то на подмогу взять... покрепче.

Роман замолчал, внимательно озираясь по сторонам.

— Не бойсь, Ромыч, поставим мы твой крест... ой, что я говорю, наш крест, — поправился Андрей.

Роман, заметив, как неестественно радостно, будто у подвыпившего, блестят его глаза, как он по-мальчишески нестепенно шагает, как с трудом сдерживает шаг, размахивая длинными тонкокостными руками, болтающимися в большой не по размеру фуфайке, отвернулся в сторону, подавляя вздох легкого раздражения: «Пацан! Сорокалетний пацан! Такое легкомыслие... счастливый, однако...»

А «пацан» продолжал твердить свое заклинание: «Не бойсь, поставим!»

«Ага, легко сказать. А двести килограммов — это кто-нибудь считал? А если перекладыны согнутся? Да хотя нет — не могут согнуться, выдержат», — боролся с сомнениями Роман. Глядя на лихорадочную радость уверенного в исходе предстоящего дела Андрея, подумал: «А может, так и надо относиться к делу? Не изводить себя, а быть немного самоуверенным пофигистом. А... будь что будет!» И как только Роман так решил, то тут же прекратил изнурять себя прокручиванием картины, как станут они разворачивать тяжеленный крест на шатающихся подмостях, узким кругом окружавших сверкавший на солнце оранжево-красный купол. «Бог не оставит», — разрешились разом все сомнения.

Возле церкви стоял, заглядывая внутрь, Шкипер — рослый, сильный мужик. Происходило то ли венчание, то ли крещение. Андрей с Романом знали, что он в деревне, но избегали обращаться к нему за помощью. И уж никак не ожидали, что могут столкнуться с ним возле храма, о котором тот говорил как о пережитке. И вдруг Андрей, не предполагая этого секунду назад, воскликнул:

— Шкипер, сможешь крест поставить?

— Пошли! — так же неожиданно и без привычных расспросов и недовольных взглядов чересчур серьезного толкового мужика ответил тот.

Андрей с Романом переглянулись — ничего себе! Три дня тому назад Шкипер отказался помогать им перекладывать крест с помостьев на два тонких козлика, чтобы Роман мог очистить его от старой краски и открыть закрашенную позолоту медной обивки. Сказал, что он мужик серьезный и без крана на авантюры подписываться не станет. И все то время, что они медленно, с большой осторожностью, выполняли эту ответственную работу вместе со случайным помощником — молодым незнакомым парнем из этой же деревни, Шкипер хмуро глядел на них снизу. Козлики шатались, и Андрей боялся, как бы они не опрокинулись под крестом, но под его тяжестью козлики разом застыли как намертво прибитые.

А теперь крест почему-то показался ощутимо легче. Спокойно, без прошлой слабости в коленках, сняли его с козликов, развернули лицом к перекладине и аккуратно положили на доски. В эйфории от сознания того, что в его жизни происходит событие, которого у подавляющего большинства никогда не случится, а ему вот неожиданно-негаданно села на плечо синяя птица, совершенно вылетел из головы раскачивающийся из стороны в сторону широкий купол, пропал парализующий разум страх пустоты за спиной; горизонт не гипнотизировал, побуждая шагнуть вниз и, распластав руки-крылья, понестись вдаль на воздушном потоке. Все исчезло, как и не бывало. Все. И в целом мире остались только они трое подле креста, как когда-то остался подле него Христос. Да еще помнилось о присутствии на нижнем, сравнительно безопасном ярусе двух узбеков (стояли, конечно же, с вытянувшимися от напряженного ожидания лицами — когда же будет главная, долгожданная команда «Тянуть!»?).

— Вира! — поднял вверх руку Роман.

Веревка заскользила по перекладине, и, разрушая опасения Романа, крест спокойно приподнялся над настилом. Андрей с Романом, не веря собственным глазам, восторженно переглянулись, гася улыбки, словно преждевременной радостью боялись спугнуть осторожную удачу.

Крест поднимался (наводившие ужас двести неподъемных килограммов!), медленно восходил в небо — величественный, строгий, неожиданно легкий. Шкипер внизу возбужденно восклицал:

— Еще?

— Давай, давай! Вира! — Роман с Андреем натужно кряхтели, поддавая крест снизу плечом, когда тот оторвался от настила.

Наконец он поднялся на нужную высоту, и оба стали направлять остов в паз. Крест вошел.

— Майна! Майна помалу! — закричали Андрей с Романом, раскачивая крест в разные стороны, чтобы тот вошел в гнездо до конца. Крест садился туго, глухо и недовольно скрипя в ответ на такое бесцеремонное обращение. Но все равно опускался. И вдруг замер. На две трети осевший в гнезде, более не поддавался.

— Все, придется кран ждать, — упавшим голосом прошептал Роман.

«Неужели и в самом деле?» — первое за день сомнение настигло Андрея. В тот же миг он с ожесточением, близким к иступлению, стал трясти массивный крест.

— Да не может такого быть! Все равно поставим! — стиснул зубы Андрей и громко крикнул вниз: — Ослабьте веревку!

Роман глядел недоверчиво и молчал. Андрей натужился, изо всех сил, какие остались, раскачивая из стороны в сторону крест и одновременно надавливая на нижнюю перекладину. Из-под медной обивки посыпалась сухая ржа.

— Не даст, — вымолвил наконец Роман, пытаясь прикрыть от падавшей ржи боковые бороздки паза. — Сейчас забудь гнездо, и места не хватит.

Наступил черед помалкивать Андрею. Он не желал поверить, что столько труда с раннего утра напрасно и что его уверенность превращается в самоуверенность. Не желал и с молитвой «Господи, помоги!» продолжал попытки, выдыхаясь от перенапряжения. И вдруг, словно сжалившись над ним, крест стал медленно, сантиметр за сантиметром проседать.

Глаза Романа снова загорелись надеждой.

— Пошел... пошел... — кинулся он помогать Андрею.

Все были счастливы, даже узбеки, и, пока Андрей снимал с Халмурата монтажный пояс, смеялись во весь рот, где-то глубоко в душе осознавая, что приняли участие в очень важном для русских деле.

— А говорили — кран! Без крана никуда! — благодарно хлопал по плечам узбеков Андрей. — А у нас свой кран — «Ташкент-2».

И даже обычно сдержанный Шкипер рассмеялся вместе со всеми.

Сверху упала какая-то тень. Андрей задрал голову: наверху, возле креста, зачем-то наклонился, что-то там возясь, Роман, но что он делал — было непонятно: закрывали леса. Затем Роман подошел к краю и позвал:

— Шкипер, Андрюха, давайте наверх, самое главное надо сделать. Халмурат, Шерзотик, а вы можете спускаться. Я потом подойду к вам, с меня магарыч.

— Да ты что, — замахали узбеки руками, прежде чем начать спускаться, — какой еще магарыч! Мы тебе так помогли. У тебя свой Бог, у меня — свой, а помогать надо.

Андрей недоумевал, что же еще самого важного они не сделали, и поразился, когда услышал, что надо приложиться ко кресту. «Самое главное — приложиться ко кресту??? Да я едва ли не каждое воскресенье прикладываюсь. Понятно, что дело душеспасительное, но ведь обычное. Вот крест поставить — это да!»

Шкипер же вообще сказал, что хоть и крещен в детстве, да все равно обряд для него неважен, да вообще и церковь — дело вовсе не обязательное: вот внутренний храм — совсем другой разговор. И вначале стал отговариваться, но обычная его непреклонность вдруг куда-то пропала, и неожиданно для Андрея уступил настоянию Романа: таков, мол, обычай и другого раза может не быть, а честь великая. Подумал-подумал Шкипер и махнул рукой: ладно, мол, с меня не убудет.

Прикладываться решили, по настоянию Романа, попарно. «Выдержат! — указал он на узкие подмости в ответ на их опасения. — Они прочные».

Подмости стояли с той стороны креста, куда до того никто из них не становился. Места было мало — полметра хлипкой на вид доски. Андрею казалось, что весь мир вокруг качается, грозя ему падением. Шкипер тот вообще стоял на полусогнутых, но стоял, боясь обмишуриться перед молодцом смотревшимся Романом, да и Андрей тоже ничего выглядел. Стали креститься. Шкипер медленно осенил себя крестом, поклонился в пояс.

— Ты чего? Это же главный крест церкви. Земные поклоны. В землю кланяться! — строго прозвучал голос Романа позади.

Не терпевший обычно никаких команд, Шкипер отчего-то вдруг растерялся и почувствовал, что сейчас не время спорить и что надо подчиниться, тем более что Андрей спокойно сделал земной поклон.

Следующий поклон со Шкипером совершили синхронно. В ожидании своей очереди целовать крест Андрей, преодолевая внезапно возникшее смущение, взглянул на вершину креста и обомлел, словно впервые увидел его. Обомлел и тут же позабыл о нетвердо стоящем верстачке, о качавшихся вокруг купола лесах, из-за чего казалось, что качается сам купол, позабылся и редкий настил, и прокрученный план, как нужно падать, если сорвется (за что хвататься, куда поворачиваться), — словом, исчезли в эту минуту все его страхи. В странном, никогда прежде не испытанном забытии стоял Андрей перед крестом. Он — и крест. И ничего больше не существовало на свете. Мир вокруг исчез — тот самый мир, что тревожил, досаждал, радовал, печалил, распылял силу мысли на пустое. И только высокий, ослепительно сиявший в солнечных лучах крест плыл над ним, опираясь на маковку, мимо облаков. Плыл, соединяя нижним и верхним концами небо с землей. И он, Андрей, принял посильное участие в совершившемся единении. И теперь знал, что это останется с ним навсегда, уйдет в корень, из которого выйдут дети, внуки, правнуки. И невыразимый восторг, что вдруг выпал ему выигрышный билет, выпадающий лишь одному из многих миллионов, и за что и почему — непонятно, ворвался в него подобно взрыву, рассеявшему сознание на миллиарды счастливых частиц.

«За что мне такая милость?» — уже спускаясь, продолжал он думать о неслыханной удаче поставить крест и приложиться к нему, в то время когда и более достойным такого не суждено.

Внизу уже толпился народ.

— Как он сверкает! — возбужденно говорили женщины, с запрокинутыми головами любовавшиеся установленным крестом.

И, в самом деле, казалось, он горит и, приняв на себя весь солнечный жар уходящего на покой светила, сам превратился в восьмиконечное солнце. Для Андрея не существовало малейшей тени сомнения в том, что сегодняшний день не пройдет для него бесследно и даже на смертном ложе ему будет помниться целование креста между небом и землей.

— Парни, а когда будет следующая служба? — спросил Шкипер.

— Что? — не поверив своим ушам, переглянулся с Романом Андрей и тут же спохватился: — А... завтра, с семи часов.

— Хорошо, я приду.

— Приходи, — расплылся в улыбке Роман.

Подошел батюшка и протянул ему бутылку водки со словами: «С меня причитается».

Быстренько распили на кухне на троих, закусывая вкусными бутербродами с сыром и копченой колбасой. Роман нервничал, торопясь выехать, потому что в начале одиннадцатого отходил последний поезд домой; следующий только

утром. «Опаздываем, — подгонял он сам себя, — а то еще попутку надо поймать». И тут здорово повезло: приехал водитель епископа. Тоже выпил с ними стопочку (мол, за такое великое дело можно по единой, хоть и за рулем) и взялся отвезти Романа с Андреем на автовокзал.

Шкипер тоже вдруг решил посадить Романа на поезд. Везение продолжилось и на автовокзале: успели приехать за пять минут до отправления автобуса, очереди не оказалось.

В полупустом автобусе сели на последние места. Разговорились и опять, как ни опасались, заспорили. Заговорили о судьбе. Шкипер высказался за предопределенность, а Андрей с Романом заявили, что судьба человека преимущественно сосредоточена в его собственных руках, хотя Бог может при желании направить судьбу каждого в определенном русле и изредка так и поступает, но рассчитывать на это никто не должен.

Шкипер, привстав с места, загорячился, заговорил громко, торопливо, словно боясь, чтобы не перебили. Сидевший неподалеку лысый мужчина, судя по его предыдущему телефонному разговору, полицейский, обернулся, окинул их внимательным взглядом и, не обнаружив ничего предосудительного, снова стал смотреть в окно.

— Тогда почему Бог не ведет меня по жизни? — говорил Шкипер. — Я бы с удовольствием. Меньше бы спотыкался.

— А зачем? — недоуменно развел руками Роман. — Да нет большей любви, чем уважение нашей воли, твоей, моей, чьей-то еще — любого. Конечно, можно тебя вести, но ведь даже шишки на лбу ты получаешь не только тогда, когда тебе было плохо, а в процессе жизни. Понимаешь, в чем соль-то? В процессе! Тебе и шишки эти сладки будут, потому что прежде чем их получить, ты же жил, делал что-то приятное, радовался, до того как оступиться. Хорошо тебе было. А тут тебя подведи! Разве так интересно? Самому же хочется что-то построить, скроить, сочинить. Пусть не всегда удачно, но зато ты же сам этого добиваешься. Сам! Это же так интересно — сотворить что-то самому. Даже дети обижаются, когда им не позволяют что-то делать: стряпать с мамами, мастерить с отцами. А ты хочешь, чтобы тебя к готовому подвели, минуя стадию детства. Только родился — и сразу с усами и морщинами. Удовольствие от жизни только через процесс приходит. Господь и так знает, что тебе лучше, но надо, чтобы ты сам спотыкался, сам поднимался, сам вверх шел, сопли на кулак наматывал, смысл жизни постигал, радоваться ей в каждой малости учился.

— Сам, сам... а что сам-то? — не зная, что сказать, но и не желая соглашаться, скривился в усмешке Шкипер: — Если б я знал бы, что мне лучше... А так столько напраслины получается в жизни.

— Ну хорошо! Давай тогда так. Предположим следующую ситуацию. Ты заново начнешь жить, допустим, с семнадцати лет, а эта твоя жизнь исчезнет, вся — полностью. Согласен, что у тебя будет другая жена, другие дети, друзья?

Шкипер сосредоточенно нахмурился, взвешивая за и против. С одной стороны, можно будет жизнь по-другому устроить, с другой — кто его знает, как оно срастется — не было бы еще хуже. А страшнее всего представить себе иных близких людей, среди которых как раз этих — родных, к которым прикипел через рубцы в душе, через плохое и хорошее, — не окажется! И отказаться от них, даже от жены, с которой давно не жил, ради новой, пусть и более удачной жизни, — получается, предать — и их, и себя самого. И пусть даже в другой жизни и сын бы родился, и жена покладистой бы досталась, но лучше уж тогда вырвать самому себе сердце, нежели Софьи, в него уродившейся и души в нем не чаявшей, не будет. Не нужна ему никакая иная дочь и никакая иная жизнь, пусть во сто крат и лучше.

— Ну вот! О том и говорю, — подытожил Роман, верно истолковав молчание Шкипера.

И хотя в очередной раз победило не его мнение, Шкипер не испытывал обиды или досады. В такой день мелочью казалось обижаться вообще.

Ехали прекрасно. Правда, Роман изредка вспоминал, поглядывая на часы, что не успеют. Андрей со Шкипером с непоколебимой уверенностью в ответ: успеешь. Всю дорогу затем, счастливые, как именинники, бежали: от автобуса к метро, по метро, от метро к железнодорожным кассам. «Не успеем», — печалился Роман. «Успеем!» — дружный ответ.

«Ну вот, теперь точно не успеем», — остановился как вкопанный перед сетью длинных очередей в здании вокзала Роман.

Андрей со Шкипером молчали рядом, глядя на усталые лица нервничавших покупателей. Заминка длилась не более пары секунд, Шкипер мгновенно сообразил, что надо делать. Поражаясь самому себе, он решительно вошел в толпу и со словами: «Я по благословению епископа! По благословению епископа!» — прошел к окошку кассы мимо разом расступившихся очередников.

— Какого владыки? — спросила моложавая, приятного вида старушка.

— Этого... э-э... Сергия, — пришло на ум.

— ...вского? — громкое объявление дежурного по вокзалу заглушило ее слова.

— Да, — утвердительно кивнул Шкипер.

Лицо старушки осветилось благоговейным трепетом.

— Помогай вам Бог.

Даже в хмурых азербайджанцев проникло ее почтение к человеку, связанному с каким-то начальником русского священства, — смолчали, пропустили.

— Все, технический перерыв. Обслуживаю последнего покупателя, — объявила строгая женщина-кассир со стальным взглядом вершителя чужих судеб.

Мужик-работяга уже открыл было рот, протягивая внутрь паспорт. Шкипер испугался, что Роман не уедет сегодня домой и будет очень переживать. Оставалось всего семнадцать минут, а в другой кассе может не повезти. А так

хотелось, чтобы сегодняшняя сказка не оборвалась внезапно, как лента на киносеансе в самый интересный момент. Роман рвался к семье, и он должен был уехать сегодня во что бы то ни стало.

— Я по благословению владыки! — еще громче воскликнул Шкипер, и свершилось чудо: мужик разве что не вытянулся в струнку. В глазах его читалось уважение к нему лично — за то, что он был знаком с самим архиереем.

Шкипер быстро сунул паспорт в окошечко и сделал заказ. Кассир набрала в компьютере станцию назначения и подняла голову.

— Нет билетов! — вылились на него ушатом ледяной воды слова кассира.

— Как нет?! Не может быть! Я по благословению епископа! — Шкипер опешил: пленка замедляла движение, грозя порваться.

— Ну вот так! — она смотрела на него твердым взглядом материализованной в ее образе абсолютной независимости от чьего бы то ни было влияния — приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

— Я по благословению епископа, — не в состоянии поверить, что могучая сила его заклинания может не подействовать на живого человека, проговорил Шкипер.

И, о чудо! Заклинание все же сработало. Ухоженные пальчики вновь пробежали по клавиатуре компьютера, и ее каменное лицо оживила легкая улыбка:

— Пойдите! Только что сдали один билет, купейный. Будете брать?

— Давайте скорее, а то через пятнадцать минут отправление!

Размахивая билетом, как знаменем Победы, Шкипер быстро выскочил из толпы, не обращая внимания на недовольные взгляды очереди, загалдевшей при объявлении кассира: «Все! Касса закрыта на технический перерыв».

Снова бежали.

— Я с вами в пионера превращаюсь, — шуточно ворчал Шкипер, тяжело сопя и все же радуясь непривычному молодецкому настрою, полученному от менее возрастных товарищей. — Никакой солидности.

— Ничего-ничего, посадим Романа — станешь опять солидным, — хохотнул Андрей.

Проводник, плотно сбитый, с перебитым боксерским носом, — проверил билет и, заметив, как Роман достает из пакета непочатую бутылку, решительно шагнул навстречу.

— Вы чего, совсем офонарели? Сейчас сдам ментам, — положил он тяжелую руку на его плечо.

— Ромыч, ну, правда, люди же кругом, ты чего? Ладно тебе, в другой раз, — смущенно оглянулся по сторонам Андрей и обратился уже к проводнику: — Слушай, друг, не обращай внимания: у нас сегодня такой день...

— Понимаешь, крест на церковь поставили... — вмешался Шкипер.

— Без крана, сами... — в один голос.

— Ладно, понимаю, я же тоже человек, — перебил он, смягчаясь. — Коли такое дело, зайдите лучше ко мне, а то люди же кругом, так же нельзя. Даю вам

на все про все три минуты. Вполне успеете, а то отправление уже (поглядел на часы) через семь минут.

— А знаешь, Рома, давай-ка и вправду в другой раз выпьем. Посидим по-человечьи, не спеша. А сегодня нам и так здорово, — сказал Шкипер.

Глядя на медленно набравший ход поезд, вагон за вагоном проезжавший мимо, Шкипер вспомнил старый спор с Романом о судьбе и подумал: «Интересно, а почему я сегодня в церкви оказался? Предопределенность или случай? А впрочем, мне что так хорошо, что этак: не каждый день кресты ставятся».

В это время Андрей набирал чей-то номер по телефону.

— Давай приезжай скорее в гости, а то нам, кацапам, уже скучно без одного хохла, — проговорил он своему собеседнику.

— Да-да, скучно, — крикнул сбоку в трубку сразу же обо всем смекнувший Шкипер.

— Обязательно приеду, — прозвучало в ответ.

ВСТРЕЧА НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

Температура в городе опустилась за минус сорок — никто не хотел высовывать носа из дома без крайней нужды. Даже дороги опустели. Тишина. Непривычная для беспокойного города-миллионера, в котором почти невозможно теперь услышать, как громко, на сотни метров вокруг, скрипит под ногами прохожих на сильном морозе снег. Холод задирает, подгоняет пугливые натуры, но зато как покойно на обезлюдившей улице. Ничто не будоражит, не нагнетает суеты. А главное, оказавшись наконец в одиночестве в столь сильный мороз, осознаешь внезапно свою зависимость от природы, с которой разучились почти уже совсем считаться; а с ощущением этой зависимости, подобно тому, как проклевывается из-под прохуdivшегося асфальта хрупкий росток, в душе пробуждается задавленная цивилизацией истинная натура человека; и она сразу замечает, как вспыхивают в крупных чистых снежинках звездочки — желтые, оранжевые, красноватые, синие и даже бирюзовые. И что тогда до мороза, ведь сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто хорошо одевается. А Володя одет как надо. И мороз ему по нраву. И идти вот так, когда суета большого города отступает, когда внезапно и уже совсем даже непривычно оказываешься один на один с собственными мыслями, которые, неожиданно выясняются, даже в мегаполисе, когда он пустеет, могут течь долго и не прерываясь, — идти тогда хочется больше, чем прятаться от непогоды в теплой квартире. Идти, пока есть силы, пока укутанное одеждой тело держит тепло, идти целую вечность по хрустящему при каждом шаге снегу. Хрум-хрум-хрум. В каждой клеточке мозга отдается этот «хрум» радостью. И на самую малую подвижку мысли непременно приходит ответ, без которого все это небо над головой, эти редкие проклюнувшиеся из мрака звезды, эти внимательно глядящие на тебя окна, освещенные манящей желтизной электрического света, — словом, весь этот мир вокруг был бы пресен. Солью жизни в такой миг напитывается мир. И

ты ощущаешь ее вкус, покуда замерли в гаражах промороженные машины, покуда прячется в своих норах человек спешащий, человек суетящийся, человек, утративший себя в этом чудном загадочном мире. Ты чувствуешь и знаешь это до той поры, пока не исчезли морозы и пока этот притихший на миг человек, ищущий опоры в разрушении, не обретет пошатнувшуюся от страха самоуверенность. И лишь тогда, гордо встряхнув головой, он вновь вспоминает о своем величии и тут же забывает о том, с какой робкой надеждой глядел только что в разверзшуюся над ним черную молчаливую бездну, ощущая незримую с ней связь и веря, что там, за ее краем, о нем помнят.

— Помогите! Грабят! Сумочку украли! — вырвал Володю из размышлений пронзительный женский крик.

Догнать и скрутить грабителя труда не составило, хотя тот и был ощутимо крупнее; однако на деле оказался рыхлым, сам же Володя когда-то как-никак все-таки был кандидатом в мастера спорта по лыжам. Сдавать в милицию наглого вора он не стал; тем не менее и отпустить безнаказанным было не в его правилах. Будучи по характеру человеком отнюдь не мягким, Володя с силой пнул лиходея в бедро. «Отдохнешь на больничном, бегунок, — криво усмехнулся он катавшемуся от боли на снегу жулику. — Некогда с тобой по милициям волыниться, а так хоть какой-то урок».

Ограбленной женщине тоже было не до вора: жажду возмездия с лихвой компенсировала радость от совершенно неожиданного возвращения сумочки.

— Что же вы в такое время по парку одна ходите? — позволил себе легкое недовольство Володя.

Женщина смутилась.

— Да я... ну... дура, конечно, — вдруг улыбнулась она виновато; улыбка из-за только что пережитого потрясения получилась напряженной, но глаза выдавали человека редкостно доброго. — Никак не ожидала... такой морозяка — и кому охота сопли морозить! Срезала дорогу на свою голову! А вообще даже не знаю, как вас благодарить. В сумочке по большому счету ничего ценного нет, но у меня там документы на усыновление одного нашего мальчика. Я в детском доме работаю... директором. Их бы, конечно, восстановили, но это столько потерянного времени, нервов. А главное, и новые родители (прекрасные, кстати, люди) уже ждут не дождутся, а тем более что переводят их скоро в Саратов, и самой ребенка не терпится поскорее в хорошую семью отдать.

— Никогда не думал, что в детдоме такие молодые директора работают, и даже не на машине, — пошутил Володя.

— Бывает, — рассмеялась женщина. — Меня, кстати, Лидией Сергеевной зовут, лучше просто Лида. А машина в автосервисе стоит, сцепление меняют.

— Понятно. А меня зовите просто Владимиром.

— Хорошо, так и буду вас звать: «просто Владимир».

— Договорились, — отшутился он. — А давайте я вас провожу. Вам вообще далеко?

— Ну, чуть больше остановки осталось.

Лида повернула голову и окинула его долгим взглядом.

— А вы знаете, сегодня сочельник, особенный день. Если кто благое дело для деток сделал, то может многое в награду получить. Вот загадайте желание! Ваше обязательно сбудется, ведь вы же полному сироте помогли.

— Зачем? — недоуменно пожал плечами Володя. — Я не особо-то верую... так... как все, не фанатею. И потом, мое желание не из тех, что сбываются.

— Почему знать! Пока жив, надо верить и надеяться, а иначе зачем жить-то тогда?

— Ну, не знаю, — неопределенно, чтобы оставить эту тему, протянул Володя.

Завидев приближавшегося к ним рослого мужчину, Лида воскликнула:

— А вот и мой муж! Еще раз благодарю от всего сердца, от наших детишек. Заезжайте к нам в детский дом, будете желанным гостем. Обязательно приезжайте. Обязательно, — повторила она. — Нашим деткам не хватает общения, особенно с такими мужчинами, как вы.

— Какими такими?

— Ну, с настоящими — добрыми, сильными. Да еще с тренерами. Так вы приедете? — с надеждой спросила слегка смущенная Лида.

— Ну, хорошо, — не смог отказать Володя, — приеду.

Поздоровавшись с подошедшим мужчиной, Володя поспешил распрощаться:

— Вы меня извините, я побегу: жена ждет.

Неподалеку находилась остановка, и Володя направился к ней: и так сделал лишний крюк в сторону, а дома — Маша звонила — ужин стынет. Время было еще не позднее, и маршрутки пока ходили.

Душа ликовала: не оплошал — за добро постоял, жулика проучил, ребеночку, получается, помог. Замечательный вечер. И сам не заметил, как запел, но осекся, смутившись внезапно прошмыгнувшего мимо него подростка. Стоило лишь тому скрыться, Володя тут же замурлыкал под нос снова. Подумаешь, что мороз принялся щипать нос, — прижал к лицу варежку, задышал в нее теплым воздухом, отогревая, и снова затынул тихонечко: «Ой, моро-оз, мо-о-ро-о-оз, не морозь меня...» Скоро дом, тепло, горячий чай и мягкий диван с недочитанной книгой Куприна!

Однако расстаться с ролью спасителя не получилось. Возле остановки, под окном дома, прямо в сугробе спал пьяный мужик. Две женщины с ребенком ожидали маршрутку, и никто из них, к его внутреннему возмущению, не удосужился подойти к замерзавшему на их глазах человеку. Утеплен тот хоть был и добротно, однако против такого мороза и овчинный полушубок не доспехи, и унты на собачьем меху не спасение.

Володя принялся растирать ему снегом щеки, и пьяный немного пришел в себя.

— Ты че меня... ты че меня муча... муча-и-ишь? — занемевшие губы его еле двигались.

Везти пьяного домой пришлось на такси, потому что жил Игорь (так он представился в машине) не близко. Володя опасался, что тот мог ошибиться с адресом, однако после того как они вошли в указанный подъезд по его «таблетке», Володя наконец перестал переживать.

Дождавшись, когда Игорь откроет дверь, Володя поспешил ретироваться: «Ну все, тут уже ты и без меня обойдешься. Я пошел, счастливо оставаться!» Но Игорь вдруг застонал: «Нога! Ногу жжет! У-у-у...»

Володя со злостью выдохнул из себя воздух: дома ждала жена, и вообще давно уже пора было вернуться, а тут... из-за этого пьяного недотепы придется задерживаться.

— Дома-то есть кто? — скрипучим из-за сдерживаемого раздражения голосом проговорил он.

— Миша.

— А это кто? Сын?

Однако Игорь вместо ответа снова застонал. Отбросив всякие церемонии, Володя громко крикнул:

— Михаил!

Никто не отозвался.

— Михаил! — еще громче выкрикнул он, и снова без ответа.

«Наверное, дома нет», — подумал Володя.

Дверь в комнату была открыта настежь, и пробивавшийся из коридора свет выхватывал из темноты диван у стены. Володя уложил на него Игоря, стянул с его ног унты, а затем, преодолевая брезгливость, снял заношенные до дыр воючие, лоснившиеся от пота и грязи носки. Ледяные мурашки пробежали по телу опытного тренера, не впервой сталкивавшегося с подобным: правая нога была белой, как снег.

Не дожидаясь, пока приедет вызванная им «скорая», Володя набрал в ванной полведра холодной воды и опустил в него ногу бедолаги, чтобы смягчить его страдания. Тот облегченно выдохнул.

— Сейчас за тобой «скорая» приедет, — сказал Володя.

— «Скорая»? Угу... — недовольно сморщился в ответ Игорь. — А это... а Миша как же?

— Какой Миша?

Игорь словно не слышал и продолжал свое:

— Мишу-то с кем оставить? Маленький он еще.

— Какой Миша? Сын, что ли? Сколько ему лет?

— Четыре.

— А мать где?

— Умерла. Вчера сорок дней было. Сердце у нее... порок с рождения.

Володя сочувственно покачал головой:

— Да... соболезную. Как же ты тогда такого маленького сына одного оставил, а сам бухаешь где-то?

— Племянник он мне, сестры сын.

— Все равно нельзя так, — сдерживая недовольство, с легкой укоризной сказал Володя.

Игорь, на удивление, хоть и был нетрезв, а спорить не стал, сокрушенно опустил голову.

— Конечно, нельзя. Я думал быстро обернуться, пока он спит. Тетю Зину с ним оставил, соседку. У нее и ключи есть, если что. Я ей звонил: все нормально, — Игорь недовольно поморщился. — С товарищем одним заболтался... ездил насчет работы. А в больницу мне нельзя... никак нельзя. Родных у нас никого. Заберут еще в детдом, попробуй потом забрать! Нет, я в больницу не пойду.

Володя присмотрелся к нему повнимательней: вроде не ханыга — обычный работяга. Пьющий, правда, сразу видно, однако же не опустившийся все же.

В коридоре послышалось шлепанье босых детских ножек.

— О! Миша! — обрадовался Игорь при появлении заспанного белоголового мальчугана. — А тетя Зина где?

— Дяденька строитель позвал. Дядя Игорь, сикать хочу, — захныкал тот.

Володя остановил жестом собравшегося было подняться мужчину.

— Лежи, я сам отведу. Не напрягайся.

Обычно к детям Володя относился ровно, Миша же чем-то приглянулся — может быть, забавным сочетанием очаровательного лепета и необычно развитой для такого малыша речью.

Мальчик присел возле него на стульчик и стал расспрашивать, как его зовут, кем работает. Затем рассказал, что, когда вырастет, станет работать дядей в белом халате и будет глядеть в «позорную» трубу.

«Мой Васятка был бы сейчас таким же, — с горечью подумал Володя, — так же лепетал бы. Да... Эх, Васятка... если бы ты сейчас был жив». И вспомнился крошечный гробик, крышку которого не открывали, потому что лежали в нем растерзанные взрывом кусочки собранного по частям тельца. Два таких гробика похоронили в тот день рядом — их Васятки и Егорушки-соседа. Только Егорушку похоронили вместе с родителями, а Васятку — с бабушкой. В тот день похоронили многих из их подъезда.

А вообще не зря говорят, что человек чувствует смерть близких. Они с Машей смотрели в театре спектакль, и вдруг на обоих напала необъяснимая сильная тоска, что хоть волком вой. «Володя, — зашептала в ухо жена, — мне что-то не по себе. Боюсь, как бы дома чего ни случилось». — «И мне тоже».

Без лишних слов поспешили покинуть зал. Праздничная атмосфера фойе миг утратила всю свою торжественность, и оба, не находя себе места, метались по длинным коридорам в ожидании, когда же наконец бесконечно длинные гудки прервутся родным голосом Машиной мамы, но она не отвечала. Какой уж тут театр! Домой!

А дома уже не было. Вместо их квартиры и верхней, над ними, зияла страшная черная дыра. На земле лежали искуроченные бетонные панели, в окнах уцелевших соседних квартир торчали осколки разбитых стекол. А дальше все как в тумане, из которого появлялись и вновь растворялись в нем средоточенно-скорбные лица пожарных, спасателей, медиков. Взрыв газа...

— Что говоришь? — очнулся от горестного воспоминания Володя.

— Я говорю, зря «скорую» вызвал! Все равно в больницу не поеду. Заберут иначе племянника.

— Почему заберут-то? — удивился Володя. — Ты же не один на белом свете! Оставь на друзей; соседи, наверное, есть хорошие.

— Точно, тетю Зину попрошу. Она на пенсии, соседка моя, — вдруг вспомнил Игорь, одобрительно поднимая кверху большой палец. — Во-от такая женщина!

День продолжал выкладывать свои сюрпризы: тетя Зина, которая, как по заказу, появилась в квартире сразу же после слов Игоря, оказалась бывшей классной руководительницей Володи. Самое приятное, что Зинаида Ивановна признала его, даже несмотря на то, что за двадцать-то лет Володя успел вырасти, возмужать, измениться, само собой. А главное, была очень рада ему, как и он — ей.

Однако Игорю, как ни сокрушалась, помочь ничем не могла: завтра у нее операция.

От Зинаиды Ивановны исходил запах щей — какой-то особенный, поднимавший из самых глубин памяти что-то неуловимое, ускользавшее от фиксации, но точно что-то радостное откуда-то из детства. И этот запах породил в Володе неожиданное умиротворяющее спокойствие. «Как, оказывается, мало нужно человеку для равновесия, — подумал он. — Всего-то, а на душе уже так хорошо». Мысли его потекли спокойней, и он сразу понял, что должен делать.

Лида, с которой Володя связался по телефону, сразу же согласилась:

— Да конечно же! Привозите! В принципе, если ситуация безотлагательная, привозите хоть сегодня — я позвоню и распоряжусь. Но если есть возможность, лучше завтра с утра.

— Знаете, Лида, самое сложное, что дядя мальчика категорически против официального оформления. Можно будет обойтись без оформления? Это ненадолго, недели на две.

— Ну... — Лида задумалась, — пару недель, пожалуй... м-м-м... можно, а дальше посмотрим. Будем вас ждать, — сказала она на прощание.

Отключив телефон, Володя обратился к Игорю:

— Я вот что хочу предложить. В больницу тебе определенно надо, не то без ноги останешься. Мишу я отвезу на это время к одной замечательной женщине в детдом. Она там директором. Оформлять, ты уже слышал, не будем. Так что в этом плане никаких проблем у тебя не будет. А чтобы ты не боялся, что незнакомому дядьке ребенка доверяешь (мало ли кто я?), вот смотри мои права.

Видишь? Бондарь Владимир Иванович. И Зинаида Ивановна подтвердит мою личность.

— Конечно, Игорь, соглашайся, — охотно подтвердила учительница. — Это Вова Бондарь, мой ученик.

Володя быстро зашел в Интернет с телефона и набрал в поисковике свои данные.

— Ну что, видишь? — протянул он телефон Игорю. — Вот мое фото. Узнаешь?

Игорь внимательно посмотрел на фото, затем — на Володю и утвердительно кивнул головой.

Володя мягко положил ему на плечо руку.

— Видишь: заслуженный тренер России по лыжным гонкам, извини уж за нескромность, известный. Найти меня проще простого. По-хорошему, мне оно не надо вовсе — тебя, дурака, жалко, а больше мальчика. Ну, думай, решайся. Я уговаривать не собираюсь, просто останешься без ноги — и все!

Игорь находился в нерешительности, и Зинаида Ивановна поспешила подержать Володю:

— Игорь, ты не бойся, я Володю со школьной скамьи знаю, семь лет класной руководительницей была. Он очень ответственный человек. Если слово дал, то в лепешку расшибется, а сделает. Он с детства такой — надежный. Я тебе говорю, поверь мне. Это и в самом деле для тебя выход, а я, ты уж меня прости, никак не могу за Мишей присмотреть — оперируют меня завтра. И потом, — продолжала она убеждать, — они с Мишей уже и общий язык нашли, а это немаловажно. Доверься, Игорь, ты же меня знаешь, я плохого не посоветую.

Игорь, низко наклонившись, оглядел с хмурым видом обмороженную ногу.

— Ладно, тетя Зин, я согласен. Только телефон мне свой дай, — обратился он уже к Володе, — и директора детдома тоже.

Домой добрались быстро. Правда, таксист заломил цену в два раза выше обычной, но деваться было некуда. Открывая дверь, Володя переживал, как встретит его с чужим ребенком жена, и мысленно уже готовил защитную речь. В прихожей горел свет — Маша ждала, не ложилась.

— Ну, что за сюрприз, о котором ты говорил по телефону? — появилась она.

— А вот! Знакомься: Миша! Наш постоялец. Утром отвезу в детдом. Давай, жена, накрывай на стол — все расскажу.

Маша внимательно, как строгий врач, посмотрела на мальчика и приветливо улыбнулась ему, отстраняя мужа в сторону.

— Ладно, сюрпризник, иди отдохни. Я сама раздену мальчика. Отойди.

Сняв с малыша верхнюю одежду, она с грустью шепнула мужу:

— Как он похож на нашего Васютку — такие же белые, как сметана, волосики.

— Маша, да ведь в этом возрасте все дети похожи, — Володя крепко обнял жену за плечи.

Но и на следующий день Миша остался у них. Игорь, к которому Володя приехал вместе с малышом, охотно с этим согласился, услышав от племянника, что ему «у дяди Володи и тети Маши весело».

А Миша и правда быстро освоился в их доме; от серьезного поначалу выражения на его личике не осталось и следа. Особенно полюбились ему сказки, которые Маша читала по вечерам. Миша слушал с таким забавным выражением лица, какое бывает только у маленьких деток: округленные от восхищения глазки, приоткрытый ротик; и сам он вытягивался вперед, позабыв обо всем на свете и видя перед собой только доброго и отважного героя Ивана-царевича, преодолевающего страшные дремучие леса по пути к своей прекрасной Василисе.

«Наш Васятка был бы сейчас таким же», — с грустью улыбнулась про себя Маша и погладила мальчугана по головке.

— Читай, тетя Маша, читай скорее! Не отвлекайся! Что там с Иваном-царевичем? Он же со змеем драться сейчас будет, — смешно залепетал Миша.

Маша приобняла своего внимательного слушателя.

— Читаю, читаю. Никуда наш Иванушка от нас не денется. Мы в этой вот книжке везде его отыщем.

— Правда-правда? — детские глазки загорелись восторженным удивлением.

— Правда-правда, — рассмеялась Маша, еще крепче прижав к себе ребенка.

От ее первоначального желания сохранять вежливую доброжелательную дистанцию с мальчиком давно уже не осталось и следа. Поначалу сдерживало опасение прикипеть к Мишутке, ведь после ожидало расставание, да и мальчику это после смерти матери может разбередить душу; вдобавок ко всему она испытывала непонятную, странную вину перед умершим Васяткой, если кто-то из чужих детей вызывал у нее сильное притяжение, желание приласкать. И как-то само собой получилось, что именно теперь, когда это белоглазое озорное непоседливое чудо все время находилось рядом, не смогла все-таки устоять перед тем обволакивающим ее теплом, которое рождалось в ней при обращенных на нее совершенно распахнутых, как бывает только в чистых детских душах, взорах Мишутки. Машу тянуло к этому жизнерадостному сорванцу, и потому, в конце концов, не удержалась: а будь что будет! Какая дистанция?! Не слишком ли она и в самом деле понапридумывала себе!

За дверью послышалось бряцанье ключей. «Ой, Васят... — она осеклась на полуслове, — Мишутка, пошли дядю Володю встречать».

Не разуваясь, он сразу подхватил мальчика и, держа его на руках, крепко прижал к себе жену.

— Какое сегодня число, дорогая женушка?

— Десятое января.

— Запомни этот день навсегда — десятое января! Я сейчас, — Володя отстранился от Мишутки с Машей и, весь в каком-то лихорадочном возбуждении, быстро разделся и повел их в зал.

Маша в молчаливом ожидании смотрела на мужа, заинтригованная его поведением.

Володя вынул из портфеля папку и, глянув в напряженно устремленные на него глаза жены, просиял окончательно, не в силах более сдерживаться:

— А Васятка-то наш жив! Нашелся!

— Вова, ты что... ты что такое говоришь! Как он может найтись?! Откуда он может найтись?! Он же...

— Да вот же он! — Володя подкинул мальчика. — Это и есть наш Васятка!

Маша побледнела, выпрямилась в напряженную струнку: что там еще муж выдумал? А ведь и у самой проскакивала сегодня поддразнивающая фантазия о том, что как хорошо было бы, если бы вдруг этот самый мальчуган оказался ее собственным сыном. Мечтала об этом, как верят в сказки — добрые, светлые, в которых сбывается все, во что даже и поверить страшно, но в глубине все равно понимала, что это и в самом деле всего лишь простая и совершенно несбыточная греза, вроде тех, что бывают у детей-сирот: «а завтра за мной придет мой папа, и все узнают, что он главный начальник».

Однако сейчас что-то и в самом деле происходило необычное, она видела это по лихорадочно-счастливому возбуждению мужа, чувствовала разлетающиеся от него, как электрические разряды высокого напряжения, счастливые токи. Что-то произошло точно. Но что?

— Володя, что за шутки! Какой Васятка?! Нет уже Васятки, — губы ее дрогнули, но она сдержалась.

— Хорошо! Тогда фокус-покус номер один, — торжественно провозгласил Володя, раскрывая папку. — Ап-ле!

Мишутка в недоумении поворачивал аккуратную стриженную головку то в сторону дяди Володи, то в сторону тети Маши. Он ничего не понимал. Вначале дядя Володя был отчего-то странный и совершенно несолидный — не как всегда, а теперь что-то стало происходить с тетей Машей. Она разглядывала какую-то фотографию и отчего-то замерла, даже перестала дышать.

— Откуда у тебя этот снимок? Это же... — Маша откинула назад голову, устремив напряженный взгляд снизу вверх на возвышавшегося над ней Володю. Она не могла поверить. — Это же Васятка! Ну да, точно Васятка. Но у нас никогда не было такой фотографии. И одежда чужая. Где ты ее взял?

Мишутка тоже посмотрел на фото.

— Ой, да это же я! — и ткнул пальчиком на снимок. — Она у нас дома в серванте стоит. Это я когда еще маленький был.

Маша побледнела, руки ее бессильно свесились.

— Вова, этого не может быть! Мы же его... — губы ее задрожали.

Муж крепко сжал ей руку.

— Да, Маша, может. Я сам боялся поверить, но все сходится.

Мишутка совсем растерялся. Что с ними происходит? И почему они так странно смотрят на него?

— Вова, это все-таки фотография. А вдруг это всего лишь невероятное сходство? Я... я боюсь ошибиться, это будет невыносимо, — слабо прошептала Маша.

— Я тоже боялся. Поэтому и не стал тебе сразу рассказывать. А теперь смотри, — Володя приподнял на мальчике маечку. — Видишь?

Машины глаза наполнились слезами.

— Родинка... как у Васеньки — под лопаткой.

— Да, Маша, точно на том же месте. Это она самая и есть. Помнишь, когда он у нас родился, — Володя кивнул на мальчика, — я сразу сказал, что по этой родинке всегда смогу его отыскать. И, если бы не она, то... я когда мыл его в самый первый день, сразу ее заметил. Ты же обратила внимание, что я тебе Ми... Васятку мыть не давал и одевал сам, чтобы ты не переживала раньше времени, ведь и в самом деле: а вдруг? Я и сам поверить не мог, сам же хоронил. Сказать по правде, меня и раньше часто сомнения одолевали, просто не хотел говорить, чтобы не рвать понапрасну душу: почему так мало нам от нашего, — Володя запнулся, — от... останков ребенка дали, а главное — черепных костей? Ты же помнишь, нам тогда сказали, что тельце разорвало и кусочки смешались с разрушенным материалом; больше, мол, ничего не удалось собрать. Так вот, поехал я на следующий день после того, как нашего Мишутку-Васятку привел, на его квартиру. Я же тебе уже говорил, что соседка этого Игоря — моя бывшая классная руководительница. Ну, поговорил с ней по душам. Так вот она сказала, что сама толком не знает, потому что жила тогда полгода в Хорватии — у ее сына там квартира. Чтобы Ира была в положении (так ее покойную соседку звали, ну, ту женщину, с которой Васятка жил) — не помнит. И с мужем Ира в разводе была. К тому же она брюнетка... была. Видишь, Маша, вот уже первая зацепка, пока еще так себе. Теперь слушай дальше. У Зинаиды Ивановны ключи от квартиры Игоря хранятся. В общем, фотографию я там и взял. Это второе. Дальше: там же и метрики Васяткины на полке лежали. И вот тут вообще интересная картина складывается: жила женщина в таком большом городе, а рожала в крошечном райцентре. С какого перепугу? Там, что, сервис особенный? Или профессура обслуживает? Помнишь, я вчера по делам ездил. Так вот я туда и мотался. У меня же в милиции знакомых хватает, любую информацию дадут. Выяснил: тетка покойницы работала в ЗАГСе. Племянница ей рассказала всю правду, как она сама думала: что семья погибла и что жалко стало такого чудного малыша в детдом отдавать. Тетка тоже малыша пожалела — сделала на него документы.

— Вова, это что, правда? Неужто?..

— Да, Маша, «ужто», самое что ни на есть «ужто». Тетке этой я слово дал, что разговор наш никаких последствий для нее не составит, что это только для меня лично — не более. Ну, она мне все как было и рассказала. Ира в тот вечер проезжала мимо нашего дома на машине, взрыв на ее глазах произошел. Видишь, все сходится. Она сразу бросилась на помощь. Хорошая, видимо, женщина была. А Васятку нашего в сугробе нашла: волной выбросило в окно. Ни царапинки не получил, даже замерзнуть не успел. Ира его сразу же в машину отнесла, чтобы отогреть. Выскочила на минутку, когда Васятка уснул, чтобы у подъехавших медиков насчет него узнать, а тут рядом две женщины между собой сетуют, что в двенадцатой квартире...

— Это же наша квартира... — слабо выдавила из себя Маша.

— И я о том же! Так вот! Слышит эта Ира, как женщины говорят, что в ней даже младенчик годовалый — все погибли: и родители, и последняя живая бабушка (судьба, мол, такая: как раз на взрыв приехала). Ну, в общем, поняла Ира, что это они про Васятку говорят, и жалко ей стало его в детдом отдавать. К тому же у самой детей не могло быть.

— Да, да, — рассеянно ответила Маша мужу, веря и не в силах поверить, что жизнь гораздо на такие невероятные сюжеты с чудесным концом.

Радостное возбуждение теперь уже охватило и ее, и она заплакала от счастья.

Мальчуган дернул Володю за рукав.

— А что тетя Маша плачет?

— От счастья, сынок, от счастья.

Мальчик успокоился: все у нее хорошо. И ему тоже у них хорошо.

Обнимая жену и новообретенного сына, который, к его удивлению, прильнул к нему, Володя произнес:

— Да, Маша, послезавтра Олег Пименов должен получить результат теста на ДНК, я его очень попросил, чтобы в минимальные сроки, у них аппаратура сейчас новейшая. Но это уже для официального разбирательства, а нам уже и так все понятно.

Маша, сдерживая наворачивающиеся слезы, согласно кивнула головой:

— Да, Вова, нам все понятно.

И детский голосок подтвердил их слова, вызвав всеобщий смех:

— Да, Вова, нам все понятно.

А сам счастливый отец, машинально рассматривая иллюстрацию в лежащей на столе книге сказок, думал в эту минуту о том, что у каждой необычайной истории скрывается где-то кончик ниточки, за которую потяни — закрутятся вихрем события, покатаются клубком по тропинке и выведут к счастливому концу. А не потянешь... но это совсем другая история. Да и история ли, если она даже не началась? И при этой мысли Володя невольно передернул плечами от страха: а что было бы, если?..

Я — ДОМА

Ну вот, наконец мы и приехали. Трое суток одуряющей жары и духоты в галдящем на разных языках вагоне, да еще когда половина пути по Казахстану, с вечно шныряющими на каждом полустанке ментами то ли настоящими, то ли самозванными (риски тут разбираться!), — это вам не жизнерадостная поездка на Черное море. А казахские менты — это вам даже не московская милиция. В Москве все до неприличия прямо: денег дай, да! Дал — и иди, куда вздумается. Казахам так в лоб неинтересно. Все, как и полагается на юге: веселые, с анекдотами, открытыми улыбками и смехом расспросы; твои документы в руках мента крутятся, не раскрываясь, хлопают по раскрытой ладони — все так по-свойски, по-дружески (сейчас вернет, пожелает счастливого пути и пойдет дальше). Ан нет: встретишься случайно взглядом — и почудится в глубине глаз изготовившаяся к броску кобра — это тебе не шутки, Ваня: хочешь ехать дальше — денег дай, да! В общем, все, как и в Москве — только сценарий содержит иной колорит: должна бить ключом обоюдная радость и звучать счастливая песня в стиле индийского кино: «Джимми, Джимми, Джимми, ача, ача, ача», — а финал, понятное дело, тот же — часть твоих денег, небольшая, перекочевывает в карман мента. Хэппи энд. Мент счастлив, что клюнул еще пару-другую золотых зернышек, а ты счастлив, что где-нибудь в твоих вещах не обнаружилась наркота, и ты едешь дальше, до следующего полустанка. А там может повезти — и следующий быстрогокий мент метнет своим зорким глазом в другую жертву.

Короче, курс укрепления нервной системы благополучно завершен — я в родном Бишкеке. Приезжая домой, каждый раз оббегаю знакомых, узнаю, кто, где и как, записываю номера телефонов уехавших на заработки или навсегда в Россию. А вот мою маму не выманишь из Бишкека никаким пряником: «Я здесь всю жизнь прожила — здесь меня и похороните рядом с отцом», — это она так о моем бате. Мама после его смерти сильно сдала. Каждый раз, когда я приезжаю домой, сжимается сердце: у моей веселой мамы, нашего семейного энеджерджайзера, объевшегося порошка смеха, подседа батарейка и закончилось лекарство — она стала обычной, как все, стареющей пенсионеркой. К собственному стыду, я не уделяю ей столько времени, сколько должен уделять примерный сын, и всегда по приезде убегаю по знакомым. Так и в этот раз.

— Сынок, возвращайся поскорее, а то я буду скучать, — кричит она мне вслед в дверях, пока я сбегаю вниз по лестнице.

— Хорошо, мам, постараюсь прийти пораньше, — отзываюсь я, прежде чем выскочить на улицу, всякий раз веря, что и в самом деле порадую маму долгим разговором за ужином.

Первым делом отправляюсь к своему другу Кольку Серегину. Вот уж кому повезло больше всех — работает геологом по контракту в Австралии, получает хорошие деньги и подумывает остаться там навсегда. Не знаю, как мы будем

друг без друга, но у него семья, дети, которых хочется кормить и одевать как приличному специалисту-геологу высшего разряда, а не как бомжу из Киргизии. И родные горы, и Иссык-Куль пусть переходят в категорию счастливых сновидений — лишь бы только детям было хорошо в этой родной для них и чужой для самого Колька Австралии.

Иду я вообще-то к его маме — тете Нине. Она для меня как вторая мать, ведь наше с Кольком детство и первая юность разделились на два дома — его и наш. Если мы были не у него, то, значит, у меня; если не у меня, то, значит, у него. Тетя Нина — женщина редкостной души, красавица хохлушка-веселушка; а уж как засервирует стол для простой скромной встречи — учитесь, пока не поздно, господа рестораторы!

Она крепко обнимает, расцеловывает меня в обе щеки, вся лучась теплом и искренней радостью.

— Ну, рассказывай, что нового.

И я рассказываю. Тетя Нина притихает, восторженно слушающая о столице.

— Ты даже не представляешь себе, как мы тут соскучились по Москве, — говорит она, — столько лет не были и вряд ли уже теперь по такой жизни побываем.

Нам хорошо сейчас с тетей Ниной, как бывает при встрече давно не видевшихся родственников, и все же бес беспокойства, нашептывающий: «Ты должен отнести фотографии и письмо... ты должен отнести фотографии и письмо...», гонит меня вон, и я тороплюсь распрощаться.

Тетя Нина чуток расстраивается и, с легкой шутливой укоризной протяжно растягивая слова, говорит:

— Ну-у-у, Ванечка, что-то ты совсем мало посидел.

— Тетя Нина, да мне надо еще в пару мест забежать. Дело неотложное. Вы уж извините.

— Ну ладно, забеги только уж перед отъездом. Вы, молодые, себе даже не представляете, какая нам старикам радость, когда вы приезжаете.

— Обязательно забегу, — отвечаю я, целуя вторую маму в щечку.

Я иду по родному городу, но еще не чувствую, что дома. В Москве я чужак, гастарбайтер, хотя и русский. От Бишкека тоже уже оторвал свою пуповину. Болтаюсь, как неприкаянный, перекасти-подем между двумя столицами. Подует ветер в одну сторону — качусь, в другую задует — обратно понесло. Этакая лягушка-путешественница, разве что поездки далеко не халявные: билеты-то дорогие — часто не поездишь. У меня есть знакомые молодые киргизы в Москве, которые дома не бывают по два-три года. Отправляют деньги родным, и все. Я так не могу, каждый год все-таки езжу домой. Да мне-то что: я за пятнадцать тысяч улицы не подметаю: хорошие программисты в цене. Семьи нет, и не собираюсь заводить. А зачем? К детям дышу ровно, а баб на мой век хватит — зачем в наше-то время попусту напрягаться. Мама, правда, переживает, ну

да внуки у нее все равно есть — от моей младшей сестры Наташи. Так что в деле продолжения рода можно теперь и без моего участия обойтись.

Я поглядываю на часы — половина четвертого — и ускоряю шаг. В Бишкеке темнеет рано, а тем более в сентябре. Как-то не очень хочется возвращаться через частный сектор по темноте. Прохожу по улице Куренкеева — где-то здесь, помнится, года три назад хорошо провел время со своим тезкой, Иваном Полищуком — классный мужик.

Ну вот, а еще говорят, мысль нематериальна — стоило только подумать...

— Ваня, — окликает меня кто-то, и я уже догадываясь, кто это, оборачиваюсь на голос.

— Ваня! — восклицаю радостно; я сейчас рад любому знакомому лицу, а Полищуку тем более; да и он мне рад искренне, как-никак не так уж много нас, русских, осталось в городе. И ведь запомнил же меня! — Ну, ты как?

— Нормально, а ты как?

— Нормально.

— Пошли ко мне, посидим, поговорим по-человечески, пивка попьем.

— Вань, давай завтра, мне надо край в одно место зайти.

На лице тезки медленно растворяется радостная улыбка:

— Ты что, серьезно? Столько не виделись — какие могут быть дела?

Мне становится неудобно перед Иваном, но я знаю, чем закончится такой вечер, а надо еще не растерять фотографии и доставить в целости по адресу.

— Ваня, не серчай, завтра — железное слово — в это же время буду у тебя как штык. Ты, кстати, в этом доме живешь? А то я уже подзабыл, — показываю я на соседнюю двухэтажную коробку.

— Да, в этом. Только не забудь. Я буду ждать. Я тебе, кстати, новость расскажу.

— Какую еще?

— Да я в городской кенеш баллотируюсь.

— Ну ты дае-е-ешь! Давай... избирайся, мы за тебя голосовать будем. Ну все, бегу, Вань. До завтра.

— До завтра.

В первую очередь я разделяюсь с фотографиями. Теперь остается еще письмо, но с ним уже гораздо проще: лежит себе спокойно в кармане без риска потеряться, да и помнется — не так страшно, как с фотографиями. Тем более что отнести его надо в соседний двор. Отдал бы сразу, просто днем никого не оказалось дома.

Захожу в нужный мне двор — вот это да! Просто грузинский вариант общежительства в киргизском городе Бишкек. Прямо за столиком, за которым обычно мужики режутся в домино, Сашка Гусев, с которым я когда-то в детстве ходил на борьбу, занимается приемом пищи. Ну ладно, распитием двухлитровой бутылки пива во дворе пятиэтажного дома уже никого не увидишь. И не каждый раз обругают с лоджии за початую бутылку водки на столе для домино.

Ладно, сыр с лепешкой под пиво; куда бы ни шла еще зелень, даже помидоры; и даже при взгляде на тарелку с порезанной тонкими ломтиками колбасой не раскрылись бы так широко мои глаза. Но такого я еще в Бишкеке не видел. Сашка ел из тарелки борщ, рядом лежала вилка. То есть конкретный ужин во дворе современного пятиэтажного дома, как будто бы это происходило на собственной кухне.

Заметив мою отвисшую челюсть, Сашка впивается в меня взглядом и при-встает с места.

— Ванька, ты, что ли?

— Ну вроде я.

— Сколько лет, сколько зим. Садись, тьфу ты, присаживайся ко мне. Я тут со скуки одуреваю. Решил вот перекусить.

Растерянный, я не знаю, что и сказать.

— Давай, Вань, подсаживайся, столько не виделись. Давай, давай, — настойчиво убеждает он меня, и я уступаю.

В самом деле, уже вот-вот стемнеет — и кому мы будем нужны со своей экзотикой. Да и кто меня теперь тут может признать, если большая часть жильцов новые?

Мы выпиваем, закусываем, разговор оживает, и я отвечаю на Сашкины вопросы, а он рассказывает, кто куда, когда уехал, кто спился, кто умер.

— Оба-на, смотри, — кивает Сашка головой в сторону, — гордость нашего двора агрегат физкультуры Дуся.

Вдоль дома семенит трусцой в стиле бегущей цапли явно подвыпившая дамочка. На ней легкий ситцевый застиранный халатик серо-синего цвета и заношенные белые кроссовки. Поясок обтягивает еще неплохо сохранившуюся фигурку, но вот с вульгарной несвежестью подержанного Бахусом и друзьями тела ничего не попишешь. Во всяком случае, в натурщицы к Мухиной точно бы не попала, хотя и тужится сохранить форму прелестей. Не замечая почему-то нас, хотя мы и сидим неподалеку, физкультурница старательно машет руками, приседает, приподнимается на цыпочках, угловато подергиваясь, как девочка-даун. Большой нелепости трудно сыскать. Неожиданно она встает на четвереньки и потягивается, изгибается, как кошка. Прямо перед ней возникает мужик, — наверное, вышел из открытого настежь подъезда. Мужик тоже в том состоянии, когда абсолютно по барабану, каким тебя увидят окружающие, и преспокойно разглядывает ее трусы — халатик залазит на спину.

Наконец наши пристальные взгляды пробивают ее мощное биополе, и она, вдруг повернувшись в нашу сторону, замечает веселые физиономии наблюдателей.

— Ну что уставились, лучше бы налили, — кричит она нам.

— Ну иди — налью, я сегодня добрый, — добродушно смеется Сашка.

— А я сегодня не гордая, — жеманно пожимает физкультурница плечиками и подходит к нам. Вместе с ней к нам подсаживается и мужик:

— А мне нальешь, Сашок?

— И тебе налью, и себе налью. Только без борзоты: выпили — и по домам, чтобы не мешали нам разговаривать: сто лет корешка не видел.

Сашку здесь боятся: и силой не обижен, и, было время, подпрыгала его по своим делам какая-то бригада, в смысле не из тех, что каменщиками или на заводе вкалывают. Потом всех попересажали, кто-то свалил в Россию, а Сашка переквалифицировался в бизнесмены. Вроде как у него на Дордое два торговых павильона. Не круто, конечно, но я бы не отказался сменить свой компьютер в Москве на его павильоны. И думаю, не я один.

Большинство жильцов дома уже новые и поэтому не знают Сашку, однако личность его, обрастая все новыми и новыми деталями в пересказе одного соседа второму, второго — третьему и так далее, постепенно героизировалась, пока не стала окончательно легендарной в округе. Из перворазрядника он превратился в мастера, и сам уже был уверен, что фактически именно на мастера и тянул.

Сашка щедро наливает физкультурнице с мужиком. Те выпивают, благодарят и уходят. Физкультурница снова начинает свои дауновские подергивания. Падают. Мужик поднимает ее. Физкультурница, отряхивая свои и без того грязные ноги от пыли, громко ругается, затем они исчезают в подъезде.

В это время из-за угла дома выходит девушка лет двадцати. Я невольно засматриваюсь на нее: красивое лицо, красивые ноги, чуть прикрытые юбочкой, хорошо развитая грудь под легкой маечкой — все со знаком высшего качества, даже высоко поднятый обычный хвостик на аккуратной головке и тот лишь подчеркивает ее тотальное изящество. Думаю, на такую красавицу поглядываю не только я.

Делая пару шагов к раскрытым настежь дверям подъезда, она затем останавливается и вдруг, к моему удивлению, решительно направляется к нам. Я уже в таком состоянии расслабленности, когда все видится иначе, замечательнее. В багровых лучах закатывающейся раскаленной небесной сковороды девушка чудится мне принцессой из мультфильма «Бременские музыканты». Вот только принца с ней нет, а за нашим грубым столовищем и быть не может.

Между тем «принцесса» медленно подплывает к нам. Вблизи она еще красивее — большие голубые глаза даже, пожалуй, прекраснее, чем у героини «Бременских музыкантов». Ну почему я не художник!

Ладно, пока с ней нет принца, но вот-вот появятся осел, петух и кот со своими музыкальными инструментами. И польется чудесная песня. Внезапно лента замедляется, и на звуковую дорожку вместо нежного голоса накладываются грубоватые для принцессы звуки чужого, слишком твердого голоса:

— Сашок, налил бы и мне.

Мой воздушный замок падает с высоты и под звуки грохота исчезает в туче пыли.

Пыль рассеивается, и на земле обнаруживаются развалины старого шкафа.

— Вот же придурки, лень вынести.

— Что-то я не понял, — отхожу я от потрясения. — Что за дела?

— Это у нас переезд, Вань. Новые жильцы. Избавляются от хлама.

— И давно у вас такие переезды? А наверх мебель тоже забрасывают?

Сашка с «принцессой» смеются, переглянувшись между собой.

— Да нет, это у нас отдельный экземпляр, родственничек чей-то въехал.

Сам он почти не бывает здесь. Нанял каких-то крутых работничков из аула. Вот они ему и делают ремонт по-киргизски. Кстати, могу предложить каску со скидкой — по-свойски, — шутит Сашка.

— Светик, а ты чего не на тачке? — спрашивает он «принцессу», после того как мы все выпиваем за технику безопасности.

— Да въехала я в одного мента.

— Да-а, — протягивает Сашка, — ну ты и влипла! Уж лучше бы ты Бакиеву в зад въехала — он бы тебя хоть в гарем взял отработать, сама бы с него поимела, а так я тебе не завидую.

— Да я и сама себе не завидую.

— Ну и что он тебе сказал?

— Что-что! Забрал в отдел и предложил его обслужить. Пообещал большие неприятности.

— Ну и послала бы его куда подальше.

— Ага, пошлешь, особенно когда у тебя в машине траву найдут.

— Он тебе, что, подбросил, что ли?

— Если бы! Купила на свою голову. Курнуть дуре захотелось.

— Ну и?

— А что «ну и»? «Ну и» потом в сауне после этого козла два часа отмыть не могла.

— А протокол?

— Порвал при мне.

Сашка довольно улыбнулся:

— Ничего, Светик, ты еще легко отделалась. Считай, что тебя красота спасла. Помнишь, как нас в школе учили по Достоевскому: красота спасет мир. Видишь — правильную тему мужик прогонял. Другой бы чалиться пришлось или откупаться — мама не горюй. А у тебя что? Потерлась немного — и свободна.

— Ладно тебе... потерялась, — рассердилась Света. — Сам бы потерялся.

— А я, Светик, рожей не вышел. По мне тюрьма плачет.

Я снова вспоминаю про письмо и приподнимаюсь из-за стола.

— Сашка, я сейчас приду. Письмо надо отнести. Отнесу — и сразу же обратно, договорились?

— Да куда ты спешишь? Кому письмо хоть?

— В семнадцатую квартиру, сейчас посмотрю кому.

— В какую-какую? — переспрашивает Света.

— В семнадцатую, — отвечаю я и, достав из нагрудного кармана конверт, читаю: — Семнадцатая квартира, Грушевой Светлане.

— Так это же мне! — округляет свои и без того немаленькие глаза Света.

Она забирает у меня письмо и сразу же уходит домой. Сашка ухмыляется ей вслед:

— Вот же штука! Сама мужиков меняет как перчатки, а тут хоть ее кто-то приручил. То с одним богатым турком, то с другим.

«Бедный Юрик, если б ты знал, чем занимается твоя любовь», — сочувствую я про себя счастливому в своем неведении знакомому, который ждет не дождется в далекой Москве приезда подруги.

Кое-как мне удастся улизнуть от Сашки, пока я еще не пьян в хлам, ведь дома меня ждет мама, которой я обещал прийти пораньше.

Я останавливаюсь под окнами своего подъезда, чтобы оглядеть любимый двор, по которому сто лет назад бегал со своими теперь уже поразъехавшимися по всему миру друзьями. «Какой у нас был классный двор!» — расплываюсь я в счастливой улыбке, и в это время на мою отставленную в сторону ногу сверху падает блевотина. Отхожу подальше и всматриваюсь в окна, пытаюсь определить, кто бы это мог сделать.

На втором этаже виснет на перилах лоджии Васька Стриж, алконавт и дегустатор одеколona еще со времен моего детства. Я открываю рот, чтобы сурово крикнуть: «Ты что, Васька, охренел!» — и в это время дверь подъезда широко распахивается — прямо ко мне выбегает Васькина боевая подруга Верка.

— Ванюша, извини, Вася чуток перебрал. Ну с кем не бывает? — бросается она ко мне с тряпкой и пьяно бормочет как заведенная одно и то же: — Ты уж извини, с кем не бывает...

Вытирая мне штанину, Верка не замечает, что вплотную подобралась к причинному месту, и я, резко отстранившись, скрываюсь в подъезде от ее назойливой простоты.

Дома, прежде чем лечь спать, включаю в своей комнате выросшую вместе со мной старенькую настольную лампу и подхожу к окну. Во дворе темно, хоть глаз выколи, а я все смотрю и смотрю невидящим взглядом, не в силах отойти. Стекло запотеваает от моего дыхания, и я вывожу на нем пальцем: «Я — дома».

Целый месяц провел я в Бишкеке. И теперь, ожидая на вокзале поезда до Москвы, жалею, что слишком задержался, потому что никогда прежде расставание не давалось мне так тяжело. Словно целый мир рухнет за моей спиной, чтобы, когда я уже буду отъезжать со станции, превратиться в руины. Мне жаль остающихся здесь русских, но я не Бог — и я уезжаю, а они — нет. И мир почему-то рухнет только в моем ощущении, а так все по-прежнему.

Я вдруг замечаю, что почти все провожающие — старики. И опять тот самый дед, которого я вижу всякий раз, покидая Бишкек. Он ни с кем не обнимается, не целуется на прощанье, никому не машет и уж тем более не семенит

за вяло движущимся поездом. Просто, застыв на перроне, неотрывно смотрит вслед убегающему в Россию составу.

Русские старики. Здесь, в теплом Бишкеке, им нравилось жить, а умирать хочется там, где они раньше жить не хотели. Все в одночасье изменилось. Земля, притютившая их когда-то, вдруг оборотилась чужбиной.

Вместе со мной в вагоне весело галдят только-только превратившиеся в девушек миловидные киргизочки, белыми глазками ловящие каждое движение за окном и внутри вагона. Милые девушки-подростки, едущие на заработки в Москву! Тревога еще не умеет задерживаться в ваших глазах надолго, мелькнет и исчезнет, как не бывало. Только остающиеся на перроне матери прижимают к груди ладони.

Однако и это оказалось, как говорится, еще цветочками. Ягодки я увидел, проехав российско-казахскую границу в Елцке. В ветхих шалашах вдоль железной дороги расположилось целое таджикское поселение. Прямо на холодной земле, прикрытой грудой какого-то тряпья, отдыхали старики; дети носились друг за дружкой между кострами, на которых женщины готовили пищу.

Мир словно перевернулся с ног на голову. Неужели все они ночуют в Оренбуржье октябрьскими, с сильными заморозками ночами под открытым небом — и дети, и старики? Это ли не апокалипсис??? Можно ли представить себе спящего под холодным осенним небом малолетнего ребенка? Даже сама мысль об этом страшна. А маленькие таджичата ночуют. Каково же их отцам!

Если бы москвичей, весь этот сытый мегаполис, нередко чванливо самодовольный, поместить сюда хотя бы на пару ночей мановением волшебной палочки! «И что бы это дало?» — ехидно ухмыляется во мне внутренний голос. «Не знаю, но что-то обязательно бы дало, хотя бы ради справедливости», — отвечаю я.

А поезд выстукивает привычную песню: «Домой... домой... домой». Кому ты поешь эту песню, старик?

Сергей ШЕВЧУК

ЕССЕ НОМО

СТИХИ

КНИЖНАЯ ПЕСЕНКА

Мы в детстве все о подвигах мечтали,
О путешествиях на край земли.
Мы с Робинзоном остров обживали
И с Гаттерасом к полюсу мы шли,

Нам прелесть Одиссей открыл Итаки,
Нас Крузенштерн в Антарктику водил,
Учили мушкетёры нас отваге,
И Сайрес Смит нас мужеству учил.

С тех пор не дни, а годы пролетели,
Но живы наши прежние мечты,
Пускай мы их исполнить не сумели
В заботах повседневной суеты.

И кажется, дай мне сейчас свободу,
Я отыщу Полярную звезду,
Возьму рюкзак, пойду в огонь и воду
К своей мечте и, чёрт возьми, дойду!

Дойду, забыв про все радикулиты,
Про возраст, отложение солей...
Мы молоды по-прежнему —
джигиты,
Герои,
покорители морей.

Последний день богов слепой античности...
Уж стража наводнила всё окрест,
И будет надругательство над личностью,
И на Голгофе ждёт дубовый крест.

И ждёт меня Иудино лобзание,
Когда он припадёт ко мне на грудь.
Познаю я тупой толпы внимание,
Когда пойду в последний, смертный путь.

И муки эти мною предугаданы,
И крестный путь пройти мне суждено,
И превратится дух мой в запах ладана,
А кровь моя — в церковное вино.

И вы, что наслаждаетесь страданием,
Слезами из-под воспалённых век,
Когда-нибудь придёте к пониманию,
Что божий сын — он тоже человек.

И будет иль не будет воскрешение,
Но, ужас пред судьбой своей храня,
Я всё ж пройду дорогою мучения.
Так надо.
Чтоб поверили в меня.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Первый урок и последний урок,
Всех перемен и концы, и начала —
Всё отсигналил вам школьный звонок,
Сдав эстафету другому сигналу.

Он позовёт вас в неясную даль,
В жизнь, где другим обучают предметам,
Где за ошибки, как это ни жаль,
И за успехи не ставят отметок.

Всё это будет.
И надо признать,
Что, позабыв про уроков невзгоды,
Станете в жизни не раз вспоминать
Школьные годы как лучшие годы.

Сергей ПЕТРОВ

**ПРОСТО
ОДУВАНЧИК**

Рассказ

Сёма изнывал на раскаленном летним зноем асфальте у Курского вокзала. Подошвы липли и утопали в асфальте, как в мягком пластине. На одном месте не постоишь без риска расплавить в нём обувь, а потом и ноги. Вокруг еле ползали распаренные люди. На мокрых лицах читались безразличие и усталость. Душно пахло гарью. Рядом звонко вещала в мегафон женщина в пёстром платье до пят, предлагая совершить обзорную экскурсию по городу Москве. Но Сёма был уже не раз проездом в столице и побывал на подобной экскурсии. Больше не хотелось. Тем более в автобусе без кондиционера. Он видел, как сидящие в нем люди отчаянно размахивают газетами, платками, пытаясь хоть как-то охладить свои потные лица. Тем более до отхода его поезда оставалось уже меньше часа, какие уж тут экскурсии. Сёма глянул на свои мятые брюки и попытался их разгладить. Но, поняв безнадежность этого занятия, отошел к киоску. От стекла киоска отражались лучи солнца, образуя миллионы солнечных зайчиков, которые весело скакали по открытому кафе. Раньше бы это его позабавило, но сейчас он равнодушно отметил про себя это неумное мельтешение. И вдруг откуда ни возьмись ветерок, и сразу вслед за ним мимо прошла девушка. Ее лица он не заметил. Увидел только спину и длинные стройные ноги в облегающей бледно-кремовой юбочке. Чуть слышно поцокивая каблучками босоножек, она какой-то плавной, даже воздушной походкой двигалась мимо понурых прохожих. Девушка не сливалась с потоком толпы, а, наоборот, выделялась, как ангел, неожиданно сошедший с небес. Казалось, сам ветерок только её и сопровождал, она изящной рукой поправляла разлетавшиеся волосы. Ветер играл её светлыми локонами, которые красиво блестели на солнце. Завороженный этим зрелищем, Сёма машинально пошел следом за удаляющимися ножками. Тем более, что надо было как-то скоротать

время. Так почему бы и не прогуляться? Шествие за девушкой оживило двадцатисемилетнего Сёма. Вроде бы он ничего и не делал — просто шёл. Но в то же время он двигался за чудесным видением, что придавало хоть какой-то смысл его коротанию времени в ожидании поезда.

Но вот странные ножки остановились у троллейбусной остановки. Сёма притормозил и растерялся. Одно дело курсировать недалеко от привычного вокзала, а другое — ехать неведомо куда. Да и зачем? Спроси его кто-нибудь, хочет ли он познакомиться с девушкой, он бы просто пожал плечами.

Подошел троллейбус. Открылись двери. Сёма стоял как вкопанный. И тут он ощутил толчок в спину, и вслед за ним услышал недовольный женский голос:

— Заходи, наконец. Чего стоишь?

Он обернулся и увидел толстую, потную, деревенского вида женщину лет шестидесяти. Она держала в одной руке обшарпанный чемодан, а в другой — большую, почти квадратную корзину. Сёма послушно зашёл в троллейбус. Девушка тоже вошла и теперь стояла к нему спиной, держась за поручень. Тётка с вещами расположилась в углу, поставив у ног чемодан и корзину. После чего важно вынула газету и стала ею обмахиваться.

«Надо сойти на следующей остановке, — уже обеспокоенно подумал Сёма. — А то уеду неизвестно куда и на поезд опоздаю».

За грязным стеклом пробежали многоэтажки, мелькали вывески ресторанов, рекламных щитов. У прохожих были такие озабоченные лица, словно они пытались решить в уме какое-то математическое уравнение. Потокom шли автомашины, пытая выхлопными трубами.

«И что эта бабка в корзине притащила в Москву? Квашеную капусту или огурцы?» — снисходительно хмыкнул про себя Сёма и придвинулся к тётке, попытавшись заглянуть в корзину. Лучше бы он этого не делал. Женщина, бдительно присматривавшая за своими вещами, замерла и вдруг закричала на весь троллейбус:

— Люди добрые, ограбить хотят! Ирод! Милиция!!!

Сёма оторопел.

А женщина все не унималась:

— Водитель, вызовите милицию! Караул! Этот пройдоха с самого вокзала за мной шёл! Помогите!!!

Сёма хотел хоть слово вставить, но женщина не давала ему ни малейшей возможности объясниться. Верхняя губа у нее нервно подергивалась.

«Точно, — вдруг вспомнил он. — Когда я шёл за девушкой, справа всё время маячило это застиранное синее платье. Это она рядом шла. Вот тебе и фокус-покус».

— Да я вовсе не за вами, а за девушкой шёл! — выпалил отчаянно Сёма. И тут он увидел, что девушка обернулась. И её лицо было так прекрасно! Нежные, будто очерченные губы, синь больших выразительных глаз, тонкие брови. А на щеке маленькая обворожительная родинка.

Девушка улыбнулась ему краешками губ и незабываемым голосом возразила, будто пропела:

— Но он даже к вам не подходил! Зачем вы так, бабушка?

Но женщина ее и не слышала даже и все продолжала кричать.

Вдруг троллейбус резко взвизгнул и остановился. Сёму буквально отбросило в сторону, и они лицом к лицу столкнулись с девушкой, его обдало нежным ароматом духов. Хлопнула дверь водителя, и раздался громкий возглас:

— Сюда! Сюда!

Буквально сразу в салоне троллейбуса появились два молоденьких щуплых милиционера. На погонах у них красовались лычки сержантов. Увидев милицию, женщина ещё сильнее заголосила:

— Вор! Держите его!

У Сёмы ноги стали ватными, сердце заколотилось: «Вот влип ни за что ни про что». Оба милиционера уже стояли рядом с ним и грозно впились в него взглядом.

— Да он и близко к ней не подходил! — вновь вмешалась защитница.

Два сержанта, как по команде, повернулись к ней, при этом их юношеские лица озарились светом.

— Когда же мы поедем?! — стали раздаваться недовольные возгласы пассажиров.

— Давайте все втроем выйдем и разберемся! — наконец-то сообразил один из милиционеров. И все пятеро уже стояли на тротуаре, а троллейбус покатил дальше по маршруту.

Женщина, недовольно проводив глазами уходящий троллейбус, снова старательно запричитала.

— Что у вас пропало? — вежливо осведомился один из стражей порядка.

— Да ничего, — охнула женщина и растерянно замерла.

— Подождите! — уже грозно остановил её другой милиционер и, повернув голову к Сёме, картавя, спросил:

— Может, вы теперь объясните, что тут произошло?

Чувствовалось, что он комплексовал из-за своего недостатка и поэтому говорил громко и строго.

— Я шел за девушкой, — промямлил Сема.

— Зачем? — резко перебил милиционер.

И тут девушка снова пришла ему на помощь и, звонко засмеявшись, прошептала:

— Эх вы. Познакомиться он хотел!

Милиционеры заулыбались.

— Как-то не успел. Вот бабушка шум подняла, — растерянно вздохнул Сема.

— Эх ты! Растяпа! — пожалел его один из сержантов.

И теперь уже все четверо весело и юно рассмеялись, а бабушка заулыбалась.

— Ох, и что это на меня нашло, — оправдывалась она. — Вы уж, соколики, извините меня, старую. Я ведь первый раз в Москве. Вот к сыночку с внуком приехала. Пирожки везу. Пирожки у меня славные. Вся деревня хвалит. Давайте я и вас угощу! — спохватилась женщина и, приоткрыв корзину, угостила каждого пирожком.

Сержанты замаялись, но пирожки с коричнево-золотистой корочкой были такими с виду аппетитными, что никто из них от угощения не отказался, и все с нескрываемым удовольствием стали уплетать бабушкину стряпню.

— Ох! — всполошилась женщина. — А остановка троллейбуса-то где?

— Ещё метров пятьсот будет! — задорно хмыкнул милиционер. — Это водитель увидел нас и притормозил.

— Дура я старая, — сокрушалась бабушка. — Вы уж меня извините. И как же я с поклажей дойду?

— Так мы вам поможем! — выразили желание ей помочь все четверо.

И вот процессия, взяв у бабушки вещи, двинулась по тротуару в сторону остановки и весело знакомясь друг с другом на ходу.

Одного из милиционеров звали Николай, а другого — Владимир. Девушку — Олей. Бабушка назвалась бабой Маней.

— Так что же вас сын не встретил? — вдруг, спохватившись, недоуменно спросила Оля.

— А я и не сказала, что приеду. Сюрприз будет, — довольно пропела она. — Да и занятой он. Бизнесом занимается, — важно заключила бабуля.

— А вдруг он в отпуске или в командировке? — с тревогой в голосе спросил Сёма.

— Не-а! — убеждённо возразила баба Маня. — У меня месяц назад второй внук родился. Все дома. Куда они таким табором двинутся?

— Все равно тяжело вам такие тяжести одной таскать, — посочувствовал Сёма.

За разговорами процессия двигалась дальше.

— Тяжко, наверное, весь день на ногах? — теперь уже баба Маня сочувствовала милиционерам.

— Привыкли, — прокартавил Николай и тут же воодушевленно продолжил: — Но недолго нам тротуары топтать. На следующий год получим образование, и Владимир будет следователем, а я — опером. Будем наводить в городе порядок!

— Ой, в милиции нужны такие ребята, как вы, — стала причитать женщина. — А у нас в посёлке бардак. Вот у меня гусей украли. Пошла я к участковому. Пьянь он и бездельник. Воров не нашёл. А мне сказал, что якобы есть два свидетеля. Да я их знаю. Натуральные алкаши. И будто видели, что мимо моего огорода пролетали дикие гуси, и мои, услышав зов предков, тоже по-

летели за стаей. А то, что домашние гуси не летают, участковый и слышать не хочет.

Дружный задорный смех заглушил последние слова женщины.

— Нет! — отсмеявшись, воскликнул Владимир. — Мы будем всё делать по закону и совести.

— Правильно, детки, — довольно закивала баба Маня.

Вот и остановка. Подошёл троллейбус. Ребята посадили бабушку и растерянно приумолкли, глядя друг на друга.

— Ой, одуванчик! — воскликнула Оля.

И действительно, рядом с тротуаром, в запыленной траве, каким-то чудом показался белый пушистый одуванчик.

Все склонились над ним.

— А вы не замечали, что каждая тычинка одуванчика — это раскрытая в приветствии ладошка, как символ открытого сердца? — вдохновенно воскликнула Оля и тут же с детской мольбой выдохнула: — Только, ребята, не дуйте на него! Одуванчик — это существо, похожее на солнышко, но на него нельзя дуть, тогда оно исчезнет в пространстве и времени.

И тут же кротко спросила:

— Знаете сказку про девочку-одуванчик?

— Нет. Расскажи! — дружно попросили парни.

— Тогда слушайте! — начала Оля. — Жила-была девочка-одуванчик. Ходить она не могла. Все время стояла у берега синего моря и смотрела на плещущую морскую лазурь, отражавшую синеву неба и улыбающееся солнце. Кругом тишина и благоухание трав. Лишь иногда пролетит одинокая птица или прожужжит деловитая пчёлка. Больше всего девочка любила смотреть на закатное солнце. Она была счастлива тем, что живёт на белом свете. Счастлива тем, что она девочка-одуванчик. Что она похожа на солнышко. Такая же светлая и чистая. И ей казалось, что впереди у нее вечность. Ведь нельзя же жить без солнца? Но вот появились люди. «Ой, одуванчик!» — воскликнул неуклюжий мальчик. И, не задумываясь, вырвал с корнем одуванчик и дунул. Он же не знал, что это девочка-одуванчик. С предсмертной прощальной грустью тычинки вспорхнули и разлетелись кто куда... Все молчали.

— Но ведь тычинки могут попасть в землю, и прорастут новые одуванчики! — наконец, с надеждой в голосе, прервал молчание Николай.

— Так и будет, — убежденно ответила Оля и грустно закончила: — Только девочки-одуванчика уже не будет!

Ребята склонились над одуванчиком, и каждый думал о своем.

— Я хочу, чтобы вы знали, — с загоревшимся лицом сказала Оля. — Считается, что одуванчик символизирует чистоту, доброту, любовь. Во многих странах, в том числе во Франции, Латвии, Австрии, Китае, установлены памятники в виде одуванчика, которые созвездиями тычинок напоминают людям о силе и хрупкости доброты, дружбы, любви.

Неожиданно у Владимира заурчала рация.

— Есть! — ответил он и досадливо махнул рукой. — Срочный вызов. Жаль.

Затем, подумав, спросил:

— Оля, а телефон свой не оставишь?

Оля с сожалением улыбнулась и придвинулась к Сёме.

Сержантики понимающе вздохнули и, пожелав удачи, поспешили на вызов.

Николай явно прихрамывал.

Оля с Сёмой тепло посмотрели им вслед.

— А что ты делал на вокзале? — пытливо спросила девушка.

— Ждал поезда домой, — сказал Сёма.

— Домой, — эхом выдохнула Оля и сдвинула брови. — А где ты живешь?

— Далеко. И не в городе даже, а поселке, — эхом вторил он. — А ты живешь в Москве?

— Сейчас — да. Я учусь на первом курсе театрального училища. Буду нести людям разумное, доброе, светлое.

— Здорово!

— А ты где-то учишься?

— Пока нигде, — ответил Сёма и для солидности уверенно соврал: — Но на следующий год обязательно буду поступать в институт, и в Москве.

— А в какой?

— Пока думаю, — с важностью ответил он и тут же, взглянув на часы, спохватился: — Ой, садовая голова, до отхода поезда осталось меньше получаса.

— Бежим! — предложила Оля. И они, взявшись за руки, бросились перебежать проезжую часть дороги.

Троллейбус подошёл быстро, и озабоченный Сёма тут же вскочил в открывшуюся дверь. Оля махала ему рукой, шурясь от солнца.

«Эх, растяпа, — расстроился парень. — Даже телефон не взял. И не узнал, в каком училище учится. И как мне теперь ее искать?»

Но, успокоившись, решил, что обязательно на следующий год приедет в Москву поступать в театральное училище. Обязательно найдет Олю. Не так уж много в Москве должно быть этих театральных училищ. Он её обязательно найдёт. Все будет хорошо. А как же иначе? Они станут актерами. Будут играть в театре, а может, даже сниматься в кинофильмах и нести людям доброе, светлое. У него с Олей будет куча детей и много друзей. Они будут жить долго и счастливо и умрут в один день!

Спустя десять лет Сёма (ой, простите, Семён Александрович) находился в закрытом клубе на модной московской тусовке.

Собственно, в этом уверенном в себе человеке в костюме от Зайцева трудно было узнать прежнего Сёму десятилетней давности.

Сегодня, как говорится, был его день. На центральном российском канале телевидения начался многосерийный фильм с его участием в главной роли.

Успех сериала превзошёл все ожидания, его рейтинг побил все рекорды. И случилось чудо, которого Семё долго ждал: в одно прекрасное утро он проснулся знаменитым. Его стали узнавать на улице и в магазине, просить автографы. Поклонницы не давали прохода, дарили цветы, донимали звонками. И здесь, на тусовке, каждый хотел поздравить его с успехом. Подходили известные актеры, режиссеры, певцы, журналисты. Актеры снисходительно поздравляли, не скрывая зависти. Оно и понятно. Каждый наверняка в душе думал: мол, вот повезло, но я бы лучше сыграл. Режиссеры поздравляли, сверля его изучающим взглядом, как бы примеряли его на возможные роли в своих фильмах. Певцы расточали похвалы свысока. Тоже понятно. Для них актеры — люди второго сорта. Только вокал в их глазах достоин восхищения.

Семён Александрович чувствовал себя героем и фланировал от одной обособленной стайки тусующихся к другой. Там анекдотец расскажет, тут философски изречет какой-нибудь обиходный афоризм, с другими — о политике что-нибудь ввернет. И заметил, что если раньше его шутки вызывали дежурный сдержанный смех, то теперь любой его анекдот встречали взрывом служилого смеха. Мелочь, но приятно.

«Сладка даже не популярность, — размышлял он про себя. — Бабла много отсыпали за съемки. А сколько ещё приплывёт! Но главное — правильно этим распорядиться. Сначала прикуплю достойный особнячок. Можно и в Барвихе. Недвижимость не дешевет. Затем вложу деньги в бизнес. Деньги должны крутиться. Можно открыть ресторанчик. Это сейчас модно. Даже название уже есть. Допустим, «В гостях у Семьи». Официанты будут ходить в футболках, на которых будет его изображение. На стенах можно развесить большие фотографии или лучше кадры из его фильмов».

Семёна Александровича переполняло ощущение собственной значимости.

Между тем тусовка шла своим чередом.

Известный режиссёр, многозначительно улыбаясь, предложил Семёну Александровичу главную роль в своем будущем фильме. Но актер держал паузу, обещал подумать и дать ответ только после чтения сценария. А затем снисходительно заметил, что в конечном итоге всё решит размер гонорара.

Услужливо склонив голову, шествовал официант, держа на подносе бокалы с шампанским. Актер остановил его жестом, взял один из бокалов и, осторожно держа перед собой, устремил взгляд вдаль.

Затем он попал в бурную атаку нескольких журналистов центральных российских газет и журналов. Он торжественно и щедро раздавал интервью.

Изрядно устав от монологов, Семён Александрович решил пропустить рюмочку коньяка. Пригубив бокал, он вдруг увидел неподалеку кружок из трех человек. Его внимание привлекла стройная элегантная женщина. Она выделялась среди всех несуетливостью и редким достоинством. Да дело было даже не в этом. У него возникло ощущение, что где-то раньше её видел.

— Вы не знаете, кто та дама? — кивнув в сторону женщины, спросил актёр у стоявшей рядом журналистки.

— Актриса. Захудалого театра. На вторых ролях. В кино не снималась, — равнодушно ответила журналистка.

Интерес у Семёна Александровича к ней сразу пропал.

Тут к нему подошёл известный поэт-песенник и, заикаясь, спросил его мнение об одном актёре.

— Бездарь, — бросил он в ответ. Тот подобострастно кивнул и отошёл к своим.

«И все же где-то я её видел», — снова стали одолевать назойливые мысли. «Надо подойти», — решил Семён Александрович.

И вот он уже рядом с ней.

— Разрешите представиться? — галантно спросил он.

Женщина простодушно улыбнулась и мелодично пропела:

— Вы здесь в представлении не нуждается.

Уже вблизи он всмотрелся в её лицо. Нежно очерченные губы, синь больших выразительных глаз, тонкие брови. А на щеке маленькая обворожительная родинка. В голове у Семёна Александровича очнулись смутные воспоминания. Он о чем-то её спрашивал и что-то отвечал. Но вёл разговор на автомате, пытаясь вспомнить и осозная, что это может быть для него очень важно. И тут его осенила догадка: «Родинка. Курский вокзал. Бабушка. Пирожки. Одуванчик! Боже, когда это было? Лет десять назад — не меньше».

— Знаете, а мы ведь с вами встречались! — уже открыто, по-детски, сбросив маску притворства, радостно воскликнул он. — Помните? Десять лет назад. Троллейбус. Бабушка с пирожками. Милиционеры.

В её глазах он увидел сначала замешательство, затем недоумение и застывший непонимающий взгляд.

— Возможно, я ошибся, — растерялся Семён Александрович.

Тут к нему подошёл модный модельер и увлек в свой круг.

Однако актёру было не по себе. Словно его взяли и вдруг лишили мечты, чего-то светлого и чистого. Ведь он благодаря Оле через год поехал в Москву и поступил в театральное училище. И первое время пытался её найти, но потом московская жизнь закрутила, и прошлое отдалилось. Настроение у него испортилось. С подвернувшимся на тусовке бывшим однокурсником по театральному училищу он уединился, подналег на спиртное.

«В конце концов, всё, что ни делается, всё к лучшему, — думал захмелевший актёр. — Всё прошло. Быльем поросло. Оля, если это Оля, давно уже забыла тот случай. А я тут нюни распустил. У меня ведь всё в ажуре! Добрался до популярности и бабла! В личной жизни полный порядок. С Катькой нам удобно. Встречаемся два раза в неделю. В личную жизнь друг друга не лезем. Это устраивает обоих. Детей нет. Друзей тоже. Детей надо «поднимать», а сейчас на это нет ни сил, ни времени: надо расти, делать карьеру. Друзья — это тоже хлоп-

потно. Им надо уделять время, внимание, встречаться, а то и помогать. Вон все мне рукоплещут! Всё отлично! И что на меня нашло? К чему мне это всё теперь?» Уже изрядно опьяневший Семён Александрович решил ехать домой.

Шатаясь, как маятник, при выходе из клуба он снова увидел женщину, похожую на Олю. Она стояла на ступеньках. «Наверное, своего бой-френда поджидает», — подумал актёр. Но она, восторженно взглянув на него и взволнованно заговорила:

— Я вас вспомнила. Вы — Семёна. Мы лет десять назад ехали в троллейбусе от Курского вокзала. Бабушка тогда подняла панику.

Но актёр, величественно взмахнув рукой, двинулся к своей машине и пьяно просипел:

— Чур не я. Вы ошиблись. Я домой.

— Всё равно я вам оставлю свой телефон, — выпалила Оля. Затем сунула ему в карман клочок бумажки с телефоном и твердым голосом заявила: — А вот садиться за руль в таком состоянии я бы не советовала.

— Без вас разберёмся, — рыкнул Семён и полез в машину.

Сначала он ехал не спеша, повторяя скороговоркой: «Пьяный за рулем — причина аварий». Но затем пьяная удаля взяла своё, и он стал давить на газ. При этом бубнил себе под нос: «У меня и так всё клёво. Ничего мне не надо. Зачем мне какая-то Оля?»

Он уже свернул с Садового кольца, когда вдруг запела милицейская трель, и его остановил патруль ГИБДД.

«Влип», — безразлично подумал он, опуская боковое стекло и высовывая голову.

— Старший сержант ГИБДД Бадаев, — картавя, представился худосочный мужчина. Чувствовалось, что он комплексовал из-за своего недостатка и поэтому говорил громко и строго.

«Такого не бывает в один день. У меня уже глюки от коньяка пошли! — восторженно Семён. — Но факт, что один из тех сержантиков, с которыми я трескал десять лет назад пирожки, тоже картавил. Как его звали? Не помню. Сейчас проверим, глюки у меня или нет».

Между тем Бадаев сурово чеканил:

— Превысили скорость. В состоянии опьянения за рулем. Будем составлять протокол и лишать вас водительских прав.

— А я вас видел! — выпалил нарушитель.

Гаишник напряженно замер и вопросительно посмотрел.

— Помните? Десять лет назад. Троллейбусная остановка у Курского вокзала. Бабушка. Пирожки. Одуванчик, — заикаясь, произнес Семён.

Бадаев нахмурил брови и встревоженно спросил:

— Вы не в себе? Что за околесицу вы несёте?

«Чудес не бывает. Да и мало ли картавых гаишников. Точно, глючит меня. Но надо как-то выкручиваться», — думал Семён и торжественно воскликнул:

— А вы меня узнаёте?

Тот пожал плечами.

— Марков. Главная роль в сериале «Банда». Не узнали? — спрашивал гордо Семён.

— Я сериалы не смотрю, — отчужденно казенным тоном ответил Бадаев и подытожил: — Давайте водительское удостоверение. Будем освидетельствовать на алкоголь и составлять протокол.

Поняв, что может реально лишиться водительских прав, Семён решил подойти с другого конца:

— Командир, может, договоримся без протокола?

Гаишник, помявшись, назвал сумму.

— Нет проблем, — ответил Семён и отсчитал ему несколько долларовых купюр.

— Будьте осторожны. Не забывайте, что вы под кайфом, — предупредил Бадаев и, прихрамывая, отошёл от машины.

Через минут пять Семёна вдруг осенило: «Ведь один из тех тоже прихрамывал. Какое-то наваждение сегодня! Или, может, какой-то знак свыше? Бред! Перепил просто. Один из них ещё хотел стать опером, а другой — следователем и работать на совесть. Вышло всё по-другому. Взятки берёт. А сам-то кем стал? Погоня за деньгами. Тошнотворные роли в кино. Помпезные тусовки. Лицемерные лица. Интриги. Сплетни. Разве к этому я стремился лет десять назад? Разве это главное в жизни?»

И вдруг прямо на лобовом стекле, словно в мистическом триллере, проступило изображение одуванчика.

Семён испуганно схватился за голову и остановил машину.

Снова посмотрел на стекло. Видения не было.

Он вдруг встрепенулся, стал рыться в карманах, наконец нашёл клочок бумаги с номером телефона и изящным почерком написанным именем Оля.

В памяти возникли фразы: «Каждая тычинка одуванчика — это раскрытая в приветствии ладошка, как символ открытого сердца. Своими созвездиями тычинок они напоминают людям о силе и хрупкости доброты, дружбы, любви».

И вновь на стекле, как в сказке, возникло изображение одуванчика.

Но теперь оно уже не пугало Семёну.

Ирина ШАЛОМОВИЧ

**МОЯ
ЗИМНЯЯ
СКАЗКА**

Стихи

ДЕНЬ В НОЯБРЕ

Маэстро серых будней — дождь, ловушки — лужи,
Дырявый лист, дырявый зонт, преддверье стужи.
Будильник, кофе, сонный кот, таксист на «Волге»,
Каблук-зараза, люк открытый с пастью волка.
Водоворот стандартных дрязг, проблем солянка,
Начальник-демон, сроки, план, в субботу пьянка.
Друзья, как будто бы друзья, кто настоящий?
Бесплатный сыр, бесплатный дым для некурящих.
Сосед-стервец, квадратный лоб, неандерталец,
Застрявший лифт, ни сил, ни ног, мозоль меж пальцев.
Ринит, бронхит, ринит по-новой, зной в пустыне,
Что на конфетном «Кара-Куме» и поныне
С горячим чаем и луной под вопли ветра
Без нежных ласк, без милых рук по трафарету.
Холодный хлопок простыни, работа в восемь,
Журавль с синицей далеко...
Ноябрь... Сплин... Осень...

СТОЛЬКО ЛЕТ

Столько лет выхожу на конечной трамвая,
Через шпалы шагаю привычно домой.
Улететь бы, да крылья болят... не летаю,
Обожгла? Застудила? Живу — выживаю,
За стеною соседи, года за спиной.

Под ногами пылятся остывшие звёзды
И ночами на небо вернуться хотят.

Праздник буден течёт, всё как будто бы просто
Для таких же, как я, в эту, сущность проросших,
Только снится мне море и рыжий закат,

И кричащие чайки... А ты мне не снишься,
Ты давно из разряда сплошных миражей.
Белый мартовский лёд, показавшийся чище,
Оказавшийся тоньше подгнившего днища.
Мой трамвай завтра в семь — значит, встать надо в шесть.

* * *

Ночь, зима, луна-приблуда,
Млечный Путь на белом блюде,
А в окошко тихо бьются,
Прилетев из ниоткуда,

Хлопья снега... Чай остывший,
Неотступная дремота.
И высматривает что-то
Столб фонарный в тёмной нише.

В кухне, словно в заточенье, —
Может, это ночь такая?.. —
Память прошлое цепляет,
Не давая утешенья.

Сердцу прошлое понятно,
Но уму непостижимо.
А несбыточное живо
И ко всем запретам кратно.

От несбыточного мёдом
Истекаю, не иначе...
Ветер плачет, я с ним плачу,
Глупо плакать, но есть повод.

* * *

Уже надеть так хочется перчатки,
И ахать, и наивно удивляться,
Подрагивая горестно плечами:
«Промчался май, сорвав цветы акаций?»

И август, что вчера дарил нам щедро
Своих садов роскошные картины,

Сбежал за горизонт немилосердно,
А я глотаю первую ангину?

Сентябрь в плену сюрпризов, майна — вира,
Как рано вдруг пришло похолоданье!
Откуда это чувство пассажира,
Познавшего всю горечь опоздания?»

Осенний дождь прокляцает по веткам,
По школьным ранцам, зонтикам и крышам.
А на мои вопросы нет ответов,
По крайней мере, мне их не услышать...

* * *

Хочу лазоревое утро,
Окно на кухне в серебре,
А законный интерьер
В январском белом перламутре.

Хочу тепло стены домашней,
Чтоб сон, слетающий с ресниц,
Не падал льдинкой стылой ниц.
А день стал лучше, чем вчерашний.

Хочу горячий чай с лимоном,
Овсянку точно не хочу.
А вот янтарному лучу
С его дорожкой золочёной

Всегда я рада... В поцелуях
Хочу тонуть без лишних слов.
И в рук кольцо, в конце концов,
Упасть, от счастья обезумев.

Хочу твою измерить нежность
Глазами, сердцем, тишиной.
Да просто чтобы был со мной
Земной мой ангел, безгрешный...

МОЯ ЗИМНЯЯ СКАЗКА

А каждая снежинка — балеринка,
Летит ко мне, танцую па-де-де.

В серебряной ажурной пелеринке,
Похожа на замёрзшую слезинку,
Там, за окошком, крутит фуэтэ...

А я совсем немного приболела,
Горячее глотаю молоко.
Так маме рассказать с утра хотела
О снежной балеринке. Не посмела,
А то закроет шторами окно...

А во дворе зима слепила сцену,
И сказочная фея по пути
Рассыпала там жемчуг драгоценный.
Сама танцует. А Мороз степенный
Ей кланяется в пояс. Мудр и тих...

* * *

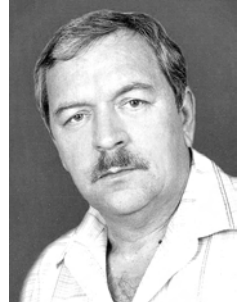
Суббота по окнам с утра дребезжит:
Дождём или снегом? Зимой, однозначно!
Январь, нагулявшись, ушёл без обид,
Развевая по ветру дух винно-коньячный.
А жизнь закрутилась февральским сюжетом
Под крепкий эспрессо и дым сигаретный,
И, думаю, вряд ли могло быть иначе.

На кухню бреду, и неловкая дрожь
Ознобом стучит и танцует по нервам.
Две чашки, две ложки (а вдруг ты зайдёшь?) —
Наивность, присущая даже Миневрам,
Но чаще всем дурам, поклонницам Блока,
Восторженным, преданным и одиноким.
И как я хочу позвонить тебе первой!

Но чувствую: будет кружение вьюг,
И, видно, поэтому ты недоступен.
И всё так логично, и всё так не вдруг,
Раз «я не люблю», носом нечего хлюпать.
Обычная повесть, обыденность речи,
И эта обыденность давит на плечи,
И я улетела бы, пусть даже в ступе...

Юрий АРБЕКОВ

**«ЧЁРНЫЙ
БАНЩИК»**

Рассказ

Каких только баек не наслушаешься, общаясь с мудрым деревенским человеком! О зверье, домашней живности, о нечистой силе... Кто-кто, а сельчане лучше других знают, есть ли на свете домовые, водяные, лешие, кикиморы — они к селу ближе... Не моргнув глазом, поведает вам рассказчик об их кознях. Возможно, и приврёт слегка для красного словца, но всё остальное — истинная правда!

1

В нашем селе, на самом краю, живёт чета Угловых — бывший колхозный конюх Семен Фомич да жена его Полина Алексеевна (Полюшка, как ласково зовёт её Фомич, когда мечтает опохмелиться). Она всю жизнь телятницей работала в колхозе.

А по соседству, «в шабрах», проживают Сычёвы — баба Глаша с дочкой Тamarой; у Томки малыш четырёхлетний, Дениска, а всего их, стало быть, трое.

Живут обе семьи небогато, но похвастаться есть чем и тем, и другим.

Предметом гордости Угловых является банька — не сказать чтобы большая, но уютная, тёплая — сутки держит жар, не меньше. В субботу протопит её Семен Фомич, сам напарится до малиновой красноты, потом женщины намоются, ребёнка искупают, а наутро в воскресенье ещё и тепло в ней, и вода в котле горячая — стирай что хошь, Полина Алексеевна!

У Сычих другая радость — цветной телевизор, доставшийся Томке на память от бывшего мужа (лучшая память, конечно, Дениска, но и телевизор тоже ничего). Экран большой, антенна высокая, так что показывает он очень даже неплохо для сельской местности. По крайней мере, лучше угловского чёрно-белого, и когда идут лю-

бимые обеими семьями передачи про животных, баба Глаша открывает окно и кричит соседям:

— Поли-ина! Семё-он! Идита крокодилов смотреть!

И старики, всю жизнь свою отдавшие домашней скотине, с жадным любопытством смотрят на заморскую живность.

— Ишь ты! Ишь, что творят! — приговаривают все трое, а Тамарка насмеяется над ними:

— Дорвались до своей Африки — за уши не оттащишь.

— Так ведь страсти-то какие! — говорят старики, не отрываясь от экрана.

— Загрызли зебру, ироды. Чтоб им подавиться!

— Зебру пожалели! — горько ухмыляется Тамара. — Да в нашем колхозе всё стадо председатель съел — и ничего, не подавился. Сейчас районом командует.

Все трое глубоко вздыхают. Богатый был колхоз!

Сегодняшняя пенсия у стариков — курам на смех. Если что и выручает, так это скотина и огороды. Угловы до нынешней весны держали овец и гусей, Сучёвы — бурёнку и уток. Но объявилась вдруг птичья зараза, и почти всех пернатых пришлось заколоть от греха подальше: по телевизору каждый день об этом талдычили, компенсацией пугали — мол, не заплатят, если что. Но кур пожалели и те, и другие: без куриного яйца ни блин не испечёшь, ни кулич пасхальный. А Пасха на носу была...

Потом пришли ветеринары, прививку курам сделали, и всё обошлось.

Сразу за Пасхой началась посевная страда. Слава Богу, огороды у стариков пока не обрезали, хоть и грозили — за неуплату каких-то сумасшедших кадастровых сборов. Но ежели весной не отняли, то летом вряд ли, а потому засадили свои сотки обе семьи до самой межи. Старики ещё помнили те времена хрущёвские, когда вот так же пригрозили — да и сделали, отрезали по пол-огорода у каждого. И колхоз ничего не сеял на них, и колхозникам не разрешали. Заросли «отреза» бурьяном, с него семена летели по всей округе, но даже косить сорняк не велено было. Почему? Никто того не знал, но «любая власть от Бога», а потому терпели и молчали.

2

Наступило лето, пора сенокосная. Чуть свет выходил из дому Семён Фомич, звенел косой-литовочкой по местным лужкам, пустырям, лесным полянкам. Не отставала от него крепкотелая, ладно сбитая Тамарка, так что и Поли-на, и баба Глаша едва поспевали за ними сено ворошить.

— Эх, годков бы мне поменьше! — вздыхал Фомич. — Сколько травы кругом пропадает!

Он помнил годы молодые, довоенные, когда село было большим, многолюдным, покосы делили строго, случалось, что и дрались на меже из-за клочка поляны... А сейчас? Коси не хоч!

К концу сенокоса выдохлись все. У Тamarки на руках кровавые мозоли, у старика спина отнимается, у старух — ноги. Да тут ещё, как назло, Дениску пчела съехала в лоб, всё личико у мальчика вспухло; коршун цыпленка унёс; кошка сычёвская пропала... Всё одно к одному.

— Все напасти — к нашей Насте, — невесело шутил старик. — А это потому, девки, что в бане мы давно не парились, вот что. Бабушка Баня все печали обманет.

На следующий день была суббота. Дед Семён с утра позавтракал плотно, чтобы потом не отвлекаться, и отправился баню топить. В этот день он ничем другим уже не занимался.

Перво-наперво Фомич натаскал воды из пруда во все имеющиеся ёмкости: в пятиведерный котел, вмурованный в печь, в кадлушки и молочные флаги, стоявшие вдоль стены...

Затем настала очередь огня. Семён Фомич заранее припас сухих стружек, бересты, наложил сверху тонких ольховых дровишек, затем потолще, зажёг всё ловко, с одной спички, и прикрыл дверцу. На первых порах появился дымок, не без этого, дровишки слегка постреляли, потрещали, но потом всё загудело ровно и мирно, будто большой добрый шмель забрался в кирпичную нору.

Теперь можно и отдохнуть, решил старик: печь сама своё дело знает.

Фомич выбрался наружу, сел на порожек предбанника и потянулся, как старый кот на завалинке. До чего же жить хорошо, господи! Ведь всего и делов-то — баньку затопил, а как весело на душе! Напарится сегодня всласть, выпьет пару рюмок первача (после бани не выпить грех, это даже Поинка понимает), плотно поужинает и растянется на койке во всем чистом, глаженном: супруга никогда не даст ему мятую рубаху, аккуратная попалась старуха... Хотя какая же она была старуха, когда ему «попалась»? Десять девятнадцать годков было девке, самый цвет!

Старик подивился тому, как быстро проскочили полвека, и подумал: а ведь надо бы свадьбу сыграть золотую. Глядишь, и повод будет собрать всех своих «бродяжек» — детей, внуков-правнуков... «Следующий раз соберутся, а ты и не увидишь, старый пень!» — подначил он себя.

Фомич вздохнул глубоко и полез обратно в баню. Как раз вовремя явился: первые дрова прогорели, оставив после себя золотую россыпь угольного жара с синими огоньками там и тут.

Теперь старик совал в горячую глотку печи всё подряд: и коряжки, и поленья потолще. На такой жаре сгорит любое!

Закрыв дверцу, он обернулся к выходу — и застыл в восхищении. В солнечном проёме двери стояла Тamarка — русоволосая, босая, в одном лёгком ситцевом сарафанчике. Июньское солнце било из-за её спины так, что сарафан

просвечивал насквозь, и казалось, будто нет на девке ничего, кроме солнечных лучей.

— Помочь, дядя Семён, или как? — спросила соседка, лениво потягиваясь.

«А пожалуй, что и нет ничего», — подумал он.

— Да всё уж, — ответил вслух. — Тебя или послал кто?

— Ну, — буркнула она и одернула свой короткий сарафанчик. — Иди путешественников смотреть, зовут тебя.

«Клуб путешественников» был одной из любимых передач «хуторян».

...Старик вошел в горницу, когда глупенькая реклама сменилась зелёными ландшафтами Финляндии.

— Иди быстрее, про бани ихние говорят, — позвала баба Глаша.

— Ишь ты! — удивился Фомич. — Я из бани, и тут про бани.

Присел на табурет и стал смотреть да слушать с большим вниманием, отмечая про себя каждую мелочь...

Любят финны париться, молодцы! На каждую семью по бане приходится. И даже есть такие, которые по-чёрному топятя, но и те внутри чистые, добела отмытые — любо-дорого посмотреть!

Искренне позавидовал дед Семён большим дубовым кадушкам с прохладной водой, в которых финны отдыхают после парной. Заслушался, когда стали рассказывать легенду о духах-невидимках, «чёрных банщиках», которые живут, дескать, в каждой финской сауне.

— Наподобие наших домовых, только банные, — пояснил Фомич старухам.

«Не любит чёрный банщик, когда кто-нибудь моется слишком долго, у него время отнимает, — загробным голосом говорил ведущий. — Рассказывают, что одна нерадивая служанка отправилась в баню в поздний час, а наутро нашли её мёртвой. Лишь кожа да кости остались от бедняжки».

— Господи, помилуй! — перекрестилась Сычиха. — Страсти-то какие.

— Это я теперь и в нашу баню забуюсь идти, — отозвалась Полина, трусиха известная.

— Вот ещё! — ухмыльнулся дед. — Выдумки всё это.

— Как сказать, дедуля, — вмешалась Тамарка. — Учёные говорят, что всё на свете есть: и лешие, и домовые, и барабашки всякие. Только разглядеть их дано не каждому человеку.

На этот раз Фомич смолчал. Из всех четверых Томка была самая учёная: закончила десятилетку и бухгалтерские курсы, до рождения ребёнка в сельпо работала... Да ведь и то сказать: а вдруг она права? Начнёшь насмехаться над нечистой силой, она тебя и накажет.

3

Шёл он в баню и всё думал об этом. Вспоминал разные случаи... Бывало, и в конюшне ночью вдруг вскинутся лошади, захрипят, затопчут копытами, на-

чнут шарахаться в своих денниках... В чем дело? Кто их напугал? Зажжёт Фомич лампу, оглядится — нет никого. Только тень мелькнёт под крышей. То лимышь летучая, то ли «ночной табунщик», «хозяин конюшни»...

Войдя в предбанник, Фомич невольно перекрестился, сплюнул трижды через левое плечо, постучал по дереву. Принял свои меры безопасности.

В бане стоял полумрак и тот особый жар, который дед называл «лёгким», еще не настоящим. «Настоящий» таится в камнях-голышах, которыми была забита большая чугунная бочка, увенчанная печной трубой. Старик подкинул в печь ещё одно беремья дров и с удовольствием послушал, как загудел огонь, облизывая камни...

Вода в котле казалась той же, что была, но легкое волнение на её поверхности показывало, что теперь это — кипяток, который принято называть крутым, до того он горяч.

Вот теперь можно «колдовать», решил Фомич. Из-под лавки он выкатил двухведерную липовую кадушку, сполоснул её кипятком, бросил на дно пучок трав, стакан мёда не пожалел и всё это, ковшик за ковшиком, залил водой огневой. Закрыв плотно крышкой — тоже липовой, «своей» — и взялся за приборку. Порядок в бане всегда был морской, но перед самой помывкой бывший матрос ещё раз, начисто, споласкивал полки и лавки кипятком, придиричиво оглядывал пол: не закатился ли куда печной уголёк?

Долил холодной воды в котёл, кинул в печь ещё одну охапку дров — последнюю на сегодня — и приподнял крышку кадушечную. Оттуда пахнул такой аромат, что голова пошла кругом. Всё, что собирала его Полинка в саду, на луговинах и лесных полянках, отдало настою свой единственный неповторимый запах. Зверобой, душица, мята, Иван-чай, смородиновый лист, липовый цвет, какие-то особые, ею лишь известные корешки, цветки и листья создали умопомрачительный букет, а луговой разнотравный мёд добавил свой сладковатый оттенок.

Старик зачерпнул из кадушки половинку ковша и плеснул на камни. Они сердито зашипели, и горячий ароматный пар вырвался наружу. Фомич присел, чтобы пар не обжёг, втянул в себя воздух и даже причмокнул от наслаждения: — Райский запах!

Оставалось запарить веники. Они висели на чердаке, и старик, выйдя в предбанник, стал подниматься вверх по ступенькам шаткой лестницы.

Чердачок был низким, в полный рост не встать, и Фомич полез вдаль на четвереньках. Мало уже оставалось прошлогодних веников, лишь в самом конце подложки, за трубой... Но ничего, скоро можно будет новые заготовить: в конце июня у берёзы самый крепкий лист.

Старик был почти у цели, когда странные звуки донеслись из полутьмы чердака. Кто-то зашуршал в листве, зашипел, запищал... «Чёрный банщик!» — мелькнуло в голове Фомича, и он шустро попятился назад, нащупал ногой ступеньку, кубарем скатился вниз.

Отдышавшись, старый матрос устыдил сам себя и поднялся по лестнице вновь, держа в руке длинную палку. Ею он подцепил пару веников и, чувствуя дрожь в ногах, потащил их к себе.

— Пш-ш-ш! — зашипел вновь «чёрный банщик», но на этот раз моряк довёл дело до конца.

В бане он внимательно оглядел все углы. Присутствия нечистой силы не ощущалось. Но припомнил слова соседской Томки — «разглядеть её не каждому дано» — и ещё раз суеверно перекрестился.

Впервые за многие годы баня не доставила ему той полноты ощущений, какая бывала прежде. Фомич и жару напустил дай боже, и отхлестал себя за милую душу, а всё одно: лезла в голову мысль о «чёрном банщике». Хоть ты лопни! Даже в самый благостный момент отдыха, когда лежал на лавке весь распаренный, расслабленный, умиротворённый, нет-нет да вроде как слышались наверху подозрительные звуки: пiski, шорохи, шуршанье...

— Вы вот что... Не задерживайтесь там долго, — наказал старик супруге, когда пришла вторая смена — женщины с ребёнком.

— Это почему же? — сразу насторожилась жена.

— Да так... Знаю я вас. То да сё — развезёте до ночи, а мальчонке спать пора.

— Мы всегда подолгу мыслишь, и ничего... А малец днём выпался, — возразила жена. — Что-то ты темнишь, Семка... Никак банный дух объявился?

— Сама ты... нечистый дух, — обругал её Фомич. — Чёрт с вами, мойтесь сколько хотите. А я домой пойду.

— Ага! Пойдёт он... Сначала напугал до смерти, а потом в кусты?

— Да когда же я вас пугал?

— А только что.

Соседки вступились за старика:

— Это не он. Это телевизор нас «чёрным банщиком» застрашал, — пояснила баба Глаша.

— А ты оставайся, Семён Фомич, — сказала невинно Тамарка, снимая с сарафана пояс. — Заодно попаришь нас.

— Дрыном тебя парить, бесстыжая! — беззлобно ругнулась мать.

Фомич махнул рукой, вышел из бани, но домой не пошёл. Сел на крылечко и стал караулить свой «колхоз». От кого и от чего, непонятно, но уйти совсем он посчитал делом, недостойным мужчины.

4

Был великолепный летний вечер. Солнце закатилось за горизонт, но совсем не ушло, подсвечивало высокие слоистые облака своими закатными лучами, и в небе творилось великое смешение красок. Нижний слой горел зо-

лотом, верхний пурпуром, а между ними ярко проступали синие полосы неба, всё более тёмные к востоку. Оттуда уже наступала матушка-ночь, поплёскивая свозе синеву первыми робкими звёздами.

Стояла удивительная тишина, присущая этому времени года. Насвистевшись и накрывавшись за весну, птицы сидели по гнёздам, грели под крылом своё потомство и старались не произвести ни шороха, поскольку и лиса свой выводок имеет, бродит голодная где-то рядом. Лишь рыба на пруду нет-нет да плеснёт хвостом, гоняясь за мальками.

Среди этой тишины отчётливо слышались голоса моющихся. Бабоньки визжали, поддавая на камни духмяный настой, Дениска радостно вопил, купаясь в кадушке, — одним словом, весело было всем.

Старик глядел на небо, наблюдал, как уходит с него вечерняя заря, съёживается до узенькой красной полоски на горизонте, и думал о том, что вот так же съёживается наша жизнь на закате дней. Всё лучшее отгорело уже: и розовое детство, и солнечная юность, и знойная зрелость, и вечерние пурпурные годы. Осталась лишь узенькая полоска, отделяющая нас от смерти...

Странно, но в этот благодный вечер даже о ней, костлявой, думалось легко, без страха, как о долгожданном отдыхе, который, право же, заслужил старый конюх своим многолетним трудом. Скольких жеребят он принял-вынянчил на своём веку! Какие табуны гонял в ночное!

Вкатилась на небо полная луна, залила округу бледным светом, и Фомич подумал, что загробная жизнь должна быть, наверное, такой же: немножко сумеречной, немножко прохладной, но в целом благодной и спокойной, как эта тихая летняя ночь. Особым праведником старик себя не считал, но и злодеем не был, никого не убил, не ограбил, — почему бы не впустить его после смерти в такой вот благодный лунный рай?

Он размышлял об этом, когда счастливые распаренные старушки вышли наконец из бани, ведя за руки Дениску.

— Ты ещё здесь, отец? — спросила супруга.

— А куда же я денусь? — миролюбиво отозвался Фомич.

— Исстрадался, поди? Выпить хочется?

Удивительно, но как раз об этом и не думал сейчас Семён Фомич. Совсем другие, возвышенные мысли блуждали в его голове.

— Спасибо за баньку, сосед, — поклонилась Сычиха. — Уж до того славно попарились — слов нет!

— Ну и гоже... Малец не устал?

— Чуть было не уснул в своей кадушке. А вылезать ни в какую не хочет!

— Моряком будет! — одобрил старый матрос. — Любит воду, шельмец.

За разговором они шли потихоньку в гору, к своим домам, то и дело оставившаяся и поджидая Тamarку. Она, как всегда, оставалась последней: прибирала за всеми.

— Тихо-то как! — сказала Полина. — Божья благодать!

И договорить не успела, как ночную тишину прорезал истошный Томкин вопль:

— Чёрный банщик! Чёрный банщик!

Она пронеслась мимо них в чём мать родила, подхватила на ходу Дениску и умчалась в ночную тьму, к дому.

— О Господи! — испугались старушки и потрусили следом.

На что Фомич был не робкого десятка, но и он прибавил шаг, нет-нет да оглядываясь на белеющую внизу баньку. Что за напасть вдруг объявилась в их тихом, богопослушном уголке?

5

Собрались у Сычих. Уложили спать Дениску, а сами уселись за стол, смотря на Тамарку.

— Ну?.. Чего было-то, дочка?

Молодка уже набросила на голое тело тёплый халат, кутаясь в него не столько от холода, сколько от страха.

— Сама не знаю, маманя. Ушли вы, я прибираться начала, Денискины игрушки собирать... Вдруг наверху ка-ак зашуршит, ка-ак зашипит! Ещё и пищит при этом! Вспомнила я про служанку, которую чёрный банщик убил, и дёру оттуда, и дёру!

— Господи, помилуй! — перекрестились старушки.

Посидели молча, соображая. Ничего подходящего на ум не шло.

— Вот что, мать. Наливай-ка! — скомандовал Фомич. — Без пол-литра в этом деле никак не разберёшься.

Полина достала припасённый первачок, баба Глаша выставила на стол закуску...

— Говорила я, что бывает всякая нечисть, а вы не верили, — укоряла Тамарка.

— Так ведь... семьдесят годков тут живём, и ничего не было, — оправдывалась Полина.

— Для нечисти семьдесят лет ваших — тьфу! Они бессмертные. Пожили у одних лет сто, теперь у нас будут жить.

— Тоже сто лет? — сокрушалась баба Глаша.

Фомич хватанул ещё стаканчик для храбрости и решительно встал из-за стола.

— Пойду гляну, что за нечисть такая.

Его пытались отговорить, но куда там! В отдельные моменты старик бывал очень упрям.

— Чем сто лет под страхом ходить, лучше разом покончить с этим делом. Или я его, или он меня!

Старик взял с собой берданку и фонарь. Тамарка, тоже «повторив», пошла следом — на всякий случай.

Их провожали как на войну, с причитаниями.

До бани дошли молча.

Уняв волнение в груди, Фомич стал подниматься по шаткой лесенке, ведущей на подловку. Забрался по грудь, в одной руке фонарь держит, в другой — ружьишко.

— А ну вылазь, банщик хренов!

Пошуршало в сухих вениках... и уставились на Фомича из тьмы два круглых сверкающих глаза! Вскинул он ружьё, прицелился, но на крючок спусковой не нажал, смотрел, что будет дальше. А дальше зубки блеснули белоснежные, шипенье послышалось, сзади писк жалобный на разные голоса, шуршание в листве...

— Ах ты, сволочь этакая! — ласково сказал Фомич. — Чуть я грех из-за тебя не принял на старости лет.

Услышав мирный голос старика, снизу робко кашлянула Тамарка:

— Ты с кем говоришь, Семён Фомич?

— С чёрным банщиком, — хитро ответил дед, спускаясь по лесенке. — Хочешь посмотреть?

— Ещё чего!

— Да не бойся ты, трусиха, — ухмыльнулся старик и не стал больше мучить соседку, спросил: — У вас кошка пропадала?

— Пропадала...

— Чёрная?

— Чёрная... Молоденькая совсем...

— Ну вот. Была *одна* кошка, а теперь готовь лукошко!

Соседка похлопала глазами, догадалась — и бросилась к лестнице.

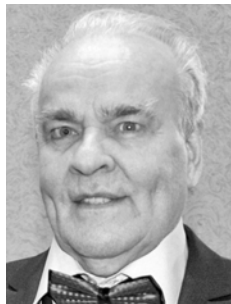
— Мурынка моя, зараза ты этакая! — донеслось с подловки. — Да как же ты нас напугала, бродяжка чёртова! А уж Дениска как скучал без тебя! То-то обрадуется!...

Даже внизу слышно было, как громко мурлычет кошка под ласковой ладонью молодой хозяйки.

— Да с котятками... Сколько их у тебя?...

Фомич слушал воркование соседки и поглядывал на восток. Там, между небом и землёй, уже прорезывалась то-оненькая розовая полоска будущей зари.

«Значит, поживём ещё!» — весело подумал старик.

Геннадий МУРЗИН

**ГВАРДИИ
РЯДОВОЙ**

Очерк

1

ЗНАКОМСТВО

Заканчивался май 2014 года. Обычная палата областной больницы. Нас — шестеро бедолаг, нуждающихся в экстренной медицинской помощи. Общество — разношерстное, но почему-то вызывает особый интерес тот старичок, чья кровать стоит в углу. Шустренький такой, настоящий живчик. С наушниками не расстанется: слушает радионовости, ловит каждое слово, особенно когда диктор или комментатор заводит речь о событиях на Украине. В паузах — заговариваю, пытаюсь узнать что-нибудь о старичке. Разговаривать трудно: проблемы, ко всему прочему, у того со слухом, и мне приходится говорить громко, что другим явно не нравится.

И вот делаю первое открытие: старичку — восемьдесят девять (от удивления чуть не ахнул); в больнице он по поводу проблем с глазами и, между прочим, не первый раз: полгода назад сделали операцию, но, очевидно, не совсем благополучно, и теперь это обстоятельство больного беспокоит; пробует поймать врача, который оперировал, проконсультироваться, но тот под разными предложениями ускользает.

На другой день делаю еще одно открытие: оказывается, тот самый старичок, от которого ускользает хирург, — солдат-пехотинец Великой Отечественной войны, получивший в бою на Орловско-Курской дуге тяжелое осколочное ранение и признанный из-за этого инвалидом. Таких реально единицы на всю Пензу, но тем не менее судьба постаралась, чтобы мы непременно встретились.

2

ПЕСЧИНКА В ОКЕАНЕ

С той поры прошел год. Тем временем отгремели салюты по случаю юбилея Победы, то есть 70-летия. Интересно, был ли на торжества приглашен и увенчан славой мой новый знакомый?

Чтобы ответить на вопрос, надо встретиться. Возникла проблема: в блокноте нет домашнего адреса, а также забыл спросить номер телефона. Стал искать: как-никак, но в моих записях, сделанных впопыхах, есть помета: а) живет неподалеку от площади Победы; б) в качестве ориентира служит магазин «Магнит».

Брожу. Уже середина дня, а так и не нашел. Присел на одну из дворовых скамеечек и стал перебирать в памяти прошлогодние разговоры. И тут в голове мелькнуло: «Мужичок что-то говорил про встречу со школьниками. А что, если эта встреча была в школе, находящейся неподалеку? Что, если там знают ветерана, если не адрес, то хотя бы телефон?»

Пошел по этому пути. Подказали, что недалеко средняя семнадцатая школа. Пришел. Не сразу, но спустилась завуч: сказала, что пороется в бумагах и, возможно, что-то найдет. Ближе к вечеру Ольга Анатольевна Бычкова, заместитель директора школы, позвонила и назвала номер домашнего телефона Перфилова.

Тут же позвонил. Взял трубку, на мое счастье, сам Николай Михайлович. Напомнил, что год назад познакомились; сказал, что хотел бы встретиться и поговорить. Спросил:

— Если подъеду завтра к двенадцати, устроит?

Одним словом, договорились.

Оказалось, был во дворе (!) именно того самого дома и того самого подъезда, где живет Перфилов. Живет здесь, кстати говоря, без малого сорок лет — стало быть, должны были знать жильцы. Может, это из-за того, что слишком скромн и, как выражается нынешняя молодежь, не любит светиться?

Встретились. Погода прекрасная, поэтому вышли во двор, нашли свободную скамейку по сенью отцветшей сирени, присели и... Состоялся разговор... Он оказался не слишком радужным. Впрочем, все изложу по порядку.

3

ДЕТСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Жизнь малыша Коли началась с того, что он сначала потерял отца, которого не помнил, а потом ушла из жизни и мать. Остались двое сирот: он, то есть Колька, и сестра, на несколько лет старше.

Николая приютила у себя тетя, но однажды, рассердившись, выгнала щупленького и маленького росточком Николая на улицу, сказав, что видеть его, нахлебника, не хочет.

Мальчуган так оказался беспризорником. Хорошо, что среди деревенских жителей нашлись сердобольные, которые позвонили в район и сообщили, что оборванный и грязный ребенок живет на улице, что питается лишь тем, что дадут соседи. Время было трудное (шел 1930 год), таких брошенных детей было много (впрочем, в наше вполне благополучное время беспризорников не меньше), но на этот раз власть среагировала: приехала, забрала ребенка и поместила в Саратовский детский дом.

Не мог не спросить:

— Как жилось?

Николай Михайлович, помрачнев, махнул рукой:

— Так... Вспоминать не хочется.

Из этого понял: если бы жизнь в детском доме была сладка, то он бы охотно этим поделился. Впрочем, жизнь на улице все-таки была еще хуже.

Беседа продолжается. Н.М. Перфилов рассказывает:

— После шестого класса из детского дома выгнали, точнее, отправили в ремесленное училище. Определили в группу электриков.

Николай в учебе отличался прилежанием, за что воспитатели ремесленного училища и преподаватели ценили и поощряли. А он? Еще больше старался. Ему ведь надеяться было не на кого и не на что. Да, в деревеньке живет сестренка, но ей самой пока что нужна помощь.

Годы идут, но парень по-прежнему не отличается богатырским видом. Так, извините, природой заложено. Мечтает о чем-то? Да, но... Он еще не знает, что вот-вот и ступит на порог еще больших испытаний...

Июньское погожее воскресенье. Николай и еще несколько парней из ремесленного пошли в местный парк культуры и отдыха: там весело, там музыка, там многолюдно. Пришли. Отдыхали. Но после трех часов полудни все затихло. Заговорило радио на столбе: это было выступление Молотова... Это была война.

В тот момент Николай меньше всего понимал опасность случившегося, как, впрочем, и взрослые. Потому что пропаганда трубила всю о том, что враг будет сокрушен, что победоносная Красная армия готова в считанные дни разгромить любого противника.

А потом? Стало твориться на фронтах совсем иное: Красная армия откатывалась от западных границ все дальше в глубь страны, и к октябрю 1941 года враг стоял уже на подступах к Москве.

4

МОБИЛИЗОВАННЫЙ

Итак, идет война, а Николай Перфилов по-прежнему в ремесленном. Он рассказывает:

— Пошел семнадцатый год, когда мне и другим учащимся дирекция сообщила о направлении из училища на авиационный завод, который находился в Балашихе.

Н.М. Перфилов

— Служил в Ульяновской области, — делает паузу и уточняет: — Десантника не получилось... Триста восьмая стрелковая дивизия была разбита под Сталинградом, ее стали почти заново формировать... Из таких, как я...

Рассказ Николая Михайловича прерываю, чтобы представить некоторые исторические сведения о названной дивизии. Считаю необходимым сказать, что для этого воспользуюсь воспоминаниями фронтовика Василия Михайловича Черкасского, автора краткого исторического очерка.

«...308-я стрелковая дивизия была сформирована в Омске приказом по войскам Сибирского военного округа 23 февраля 1942 года, в котором было указано: к 15 июня 1942 года сформировать в Омске 308-ю стрелковую дивизию.

Выполнение приказа было поручено начальнику Омского военно-пехотного училища имени М.В. Фрунзе полковнику Гуртьеву Леонтию Николаевичу.

В сражающийся Сталинград дивизия Л.Н. Гуртьева вступила в ночь на 2 октября 1942 года в распоряжение командующего 62-й армией генерала В.И. Чуйкова и заняла боевые позиции в районе завода «Баррикады». За целый месяц воины не отступили ни на шаг.

3 ноября 1942 года Гуртьев получил приказ передать оборону завода 138-й дивизии Людникова, а самим перейти на отдых и доукомплектование».

Здесь прерву очерк Черкасского и процитирую воспоминания маршала Чуйкова:

«Стрелковая часть по времени меньше всех сражалась в городе, но по действиям, по количеству отраженных атак и по стойкости не уступала другим соединениям 62-й армии. В самые жестокие бои в заводском районе она сра-

Я киваю:

— Нехватка рабочих рук...

— Мужчины ушли на фронт, их надо было кем-то заменить. А кем, если не стариками и необученными подростками?

— Назовем вещи своими именами: вы были мобилизованы на трудовой фронт.

— Получается, что так... Ведь нашего согласия никто не спрашивал... За нас другие всё решили.

На трудовом фронте пробыл парень больше года. И вот повестка — явиться с личными вещами в райвоенкомат. Пришел срок послужить Отечеству. Конечно, рановато, ведь недавно исполнилось лишь восемнадцать, но военное время устанавливает свои правила и порядки.

— Сначала определили в десантные войска, — далее рассказывает мой герой.

жалась на главном направлении удара фашистских войск и отразила не менее 100 атак озверелых захватчиков».

Добавлю: за боевые заслуги при защите Сталинграда 308-я стрелковая дивизия награждена орденом Красного Знамени.

Вот в какой легендарной воинской части предстояло нести службу Н.М. Перфилову.

5 ПУТЬ НА ФРОНТ

Н.М. Перфилов продолжает:

— Переехали в Мелекес... Рядом там. Недалеко... Немного нас подучили и направили дивизию под город Калинин. На станции Осташков нас разгрузили... Там опять началась учеба. Одели нас прекрасно. Но там же болота, сырость, решили просушиться. Поступила команда: «Туши костры! Налетят немцы и забросают бомбами!» Потом нас направили в район, как потом уже мы узнали, в места Орловско-Курской дуги, будущей знаменитой битвы. Не доезжая до Тулы двадцать пять километров, высадили, и оттуда пешком шли. Шли ночью, только ночью. От леса до леса. Чтобы маскироваться. От авиации...

После паузы он продолжил:

— Наконец дошли, кажется, до Мценска. В поле начали рыть траншеи. Это, как потом узнал, готовился второй эшелон будущей битвы. Снова учеба. На нас пускали танки, учили забрасывать машины гранатами — точнее, их муляжами, некими болванками.

Цитирую:

«В конце июня и в начале июля советская разведка — войсковая, оперативная и агентурная — продолжала пристально следить за действиями врага, особенно за перемещением его танковых соединений... Вскоре удалось установить не только день, но и час атаки — 5 июля, 3 часа утра... Советское командование получило необходимые сведения для проведения заранее спланированной контрподготовки, которая началась на рассвете 5 июля в войсках Центрального и Воронежского фронтов». (История второй мировой войны, том 7, страница 145.)

Н.М. Перфилов продолжает свой незатейливый рассказ, который для меня важнее любых архивных документов, потому что это воспоминания одного из последних реально живущих фронтовиков:

— Пятое июля... Несмотря на то что находились мы во второй линии обороны, спать не пришлось: были разбужены грохотом нашей артиллерии... Вторая половина дня... Раненые пошли через нас. Кто как передвигался. Мы понимали, что и нам скоро придется вступить в первый бой... 12 июля дошла и до нас очередь. Пошли мы. Днем, через овраги. Немец бомбит. Убитые и раненые. Одному на моих глазах ноги оторвало. Просит: «Братцы, пристрелите меня!» Ну кто же стрелять в своего будет?.. Перебежки. Наступление... Да... Я был пулеметчиком. Ручной пулемет Дегтярева. Во время наступления — у

меня осечка. Пришлось воспользоваться оружием убитого, и вперед. Теперь отступлений у нас не было. Шли только вперед...

Цитирую:

«Летом 1943 года 308-я дивизия была направлена на орловский выступ в состав 3-й армии. Наступление на Орловско-Курской дуге началось 12 июля 1943 года. Дивизия Гуртьева с ходу прорвала оборону противника северо-восточнее г. Орел и 2 августа подошла к его окраинам...» (Из воспоминаний, которые уже цитировал, фронтовика Василия Михайловича Черкасского.)

6

ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД...

И вновь рассказ Н.М. Перфилова:

— Немец бьет по нам из минометов, пулеметов, автоматов, а над головами — «мессеры». Пытаешься спрятаться от бомб, мин, снарядов и пуль. Ну спрячешься, а что дальше? Встаешь и бежишь. Тут надо все делать быстро: если будешь ползать еле-еле, то... пропадешь быстро. Шли, наступая...

Почти месяц воины прославленной 308-й стрелковой дивизии, среди которых был и рядовой пехотинец-пулеметчик Перфилов, шли вперед, с боями освобождая русскую землю, теряя на каждом километре десятки красноармейцев.

29 июля 1943 года. Бой за очередную высоту закончился. Задача выполнена. И...

Цитирую:

«Стрелок Перфилов Николай Михайлович награжден приказом по 347 полку 308 стрелковой дивизии от 31 июля 1943 года ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ МЕДАЛЬЮ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ». Командир 347 стрелкового полка подполковник Чамов». (Временное удостоверение № 947070.)

Кстати, гибли не только рядовые красноармейцы, но и офицеры, даже генералы...

3 августа 1943 года. Командный наблюдательный пункт дивизии (у поселка Нижняя Калиновка). Идет бой. Работает гитлеровская артиллерия. Один из снарядов разрывается вблизи. Осколком смертельно ранен генерал-майор Гуртьев Леонтий Николаевич, командир дивизии.

К Перфилову судьба благосклонна. Пока... Скольких боевых товарищей потерял, а сам по-прежнему в строю, более того, ни одного серьезного ранения. В самом деле, пуля — дура, а осколок — вдвойне.

16 сентября 1943 года. Уже два с половиной месяца Перфилов участвует в боях. Он уже закаленный боец, опытный, успел нанюхаться пороха, а ведь ему всего лишь восемнадцать лет и пять месяцев.

Короткая передышка. Погода замечательная. Дивизия заняла новые позиции. Бойцы веселы. И есть отчего: надеются на горячее питание и, возможно,

если старшина подсуетится, на наркомовские сто граммов спирта. Его батальон расположился на опушке леса.

— Утром, — рассказывает Перфилов, — меня откомандировали в распоряжение начальника штаба нашей части. Получаю приказание: доставить горячий обед командирам.

Интересуюсь:

— Почему выбор пал на вас?

Н.М. Перфилов, отвечая, разводит руками:

— Честное слово, не знаю... Привык уже не задавать лишних вопросов. Понимаю, что любое приказание в армии не обсуждается, а исполняется. Исполнил приказание, доставил обед.

От себя добавлю: тогда уже широко практиковалось, что горячую пищу прямо на передовую доставляли специально откомандированные с оружием в руках бойцы, за плечами которых были специальные термосы.

Н.М. Перфилов продолжает повествование:

— Командование моего батальона расположилось на обед. Не знаю как, но фашисты заметили и из миномета ударили по нам. Первая мина разорвалась неподалеку. Командира батальона ранило в ногу, начальнику штаба осколок угодил в спину. Со мной — ничего... Судьба... Слышу вой. Чувствую, что следующая мина летит на меня. Инстинктивно прикрыл голову рукой. Интуиция не подвела: мина попала в вершину большого дуба и там разорвалась... Один из осколков и попал в руку. Собрал вещмешок... Собрал ведь, хотя кровь хлещет. Вытащил пакет, в котором был бинт, добежал до солдат, они перевязали мне руку. Приехала подвода, раненых погрузили. Я сел рядом с возчиком. Сажу. Пить хочется. Клонит ко сну... от потери крови... Чтобы я не упал, возчик одной рукой правил, а другой меня поддерживал за бок. Доехали до медсанбата. Оказывается, не нашей дивизии. Там меня уже по-настоящему перевязали. И мы поехали дальше, искать свой медсанбат. Привезли. Положили. Прямо на пол. Снова перевязали. Потом дали мне немного вина. И я уснул. Просыпался. Опять давали вина, и я снова засыпал. Трое суток отсыпался.

— Почему сразу не отправили в тыл?

— Не знаю... — отвечает Перфилов и качает головой. — Возможно, не было машин в наличии... Вот и сплю... Тут тихо... Какой сон на передовой?.. Потом всех раненых, в том числе и меня, погрузили на машины и повезли уже в тыл. Какая-то казарма. Очевидно, бывший немецкий госпиталь. На топчане, который стоял на улице, наложили на лицо маску и...

— Прямо на улице?

— Именно на улице и сделали операцию. Отвезли потом в длинную такую палатку, метров тридцать-сорок, наверное. Вижу стол, а на нем чай и саратовские калачи... После сухарей на передовой так захотелось... Встал, подошел, хотел отрезать от калача, но не смог, сил не было, упал. Медсестры подняли и уложили на место. Я снова уснул. Потом повезли до Тулы.

— Там медсанбат был?
— Нет. Это уже был настоящий военно-полевой госпиталь. Там гипс наложили. Три месяца таскал «самолет», то есть загипсованную руку.

Цитирую:

«В боях за советскую родину красноармеец 347 стрелкового полка Перфилов Николай Михайлович 16 сентября 1943 года был тяжело ранен — сквозное осколочное ранение правого локтевого сустава с повреждением локтевой кости...» (Из справки о ранении, выданной военно-полевым госпиталем № 1433.)

Таким образом, битва на Орловско-Курской дуге осталась позади. Родная дивизия пошла вперед, но уже без Николая Михайловича Перфилова. Не знал он, что за боевые заслуги, мужество и героизм красноармейцев в ходе этой самой битвы 308-я дивизия 29 сентября 1943 года была преобразована в 120-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Обидно, что мой герой, увы, официально не успел стать гвардейцем. Ему не хватило всего двух недель. Это, по моему мнению, формальность, поэтому своего героя считаю настоящим гвардейцем, показавшим себя в грандиозном сражении с наилучшей стороны.

— Из Тулы, — продолжает рассказ Н.М. Перфилов, — тяжело раненных отвезли в Киров. Здесь спустя месяцы, под Новый год, дали третью группу инвалидности и отправили домой. А куда? Где мой дом? Его нет. Сестра у меня была. Она жила в Белинском районе Пензенской области... Приехал... Нашел все же дом сестры. Вечером на чарочку гости пришли... Сразу определили меня учетчиком тракторной бригады в местном колхозе. Стал доверенным лицом: кладовщица ключи от склада мне даже доверяла.

7

УЧЕБА, ТРУД И ЕЩЕ ОДНА БЕДА

Николай Михайлович рассказывает:

— Надо учиться... В техникум сразу не поступишь... Куда с шестью классами?.. С 1948 и по 1950 год жил в Моршанске, учился и работал сапожником. Учеба что дала? То, что по истории, литературе и русскому языку, математике подучился, — говорит Николай Михайлович и с гордостью добавляет: — После выпуска из ремесленного мне присвоили самый высокий разряд — седьмой. Двоим — шестой, а остальным второй или третий, — после короткой паузы продолжил: — Пошел все-таки в техникум. Завуч поговорила со мной, приняла документы. Познавала вопросы, — мой герой улыбается. — Наверное, проверяла мои знания.

— А знания были не очень.

— Конечно... Все-таки приняли, зачислили на первый курс.

— Смею предположить, что учли боевые заслуги и проявили к инвалиду снисходительность.

— Возможно... Учился трудно. До двух ночи не спал. Десять лет перерыв в учебе. Все, что знал, позабыл.

От себя уточню: в 1950-м поступил, а в 1954-м Н.М. Перфилов закончил, преодолев все трудности, строительный техникум сельского хозяйства.

— Приехал в Пензу, — продолжает рассказ мой герой. — Поступил на велозавод. И проработал ровно сорок лет. Был сначала строительным мастером, потом прорабом, потом старшим прорабом. Должен был уйти на пенсию раньше, но после наступления пенсионного возраста работал еще четырнадцать лет... Трудно пришлось...

Посочувствовал:

— Еще бы... Ни детства, ни юности настоящей... Все загублено войной.

Николай Михайлович кивнул, но дальше продолжать рассказ не стал, оставив за бортом воспоминаний немало личного, в том числе радостного и горького.

Да, у меня сведения отрывочные, но не полез человеку в душу и не стал спрашивать. Потому что об этом он, как мне показалось, не был расположен вспоминать. И все же считаю возможным и необходимым добавить кое-какие штрихи.

Начну — с радостного.

Николай Михайлович однажды познакомился с девушкой по имени Мария. Несколько свиданий, и понял: его! Не знаю, любовь это или что-то иное, но живут, скрашивая старость, мирно до сих пор. Мария Васильевна Перфилова, педагог с тридцатилетним стажем, была бы совершенно счастливой (как и сам Николай Михайлович), если бы не одно «но». Горько писать об этом, но надо...

Молодые почувствовали себя на седьмом небе, когда узнали, что будет ребенок. И ребенок появился. Мальчик здоровеньким родился. Ничто не предвещало беды, но она случилась. Прямо в роддоме, перед выпиской. Видимо, одна из нянечек, перепеленывая крошку, уронила. Ребенок ударился головой об пол. Советские врачи утешали Перфиловых: ничего, мол, страшного и дитя со временем придет в норму.

Увы! Чуда не случилось: сын — инвалид детства; он почти не говорит и с отсталым умственным развитием. А теперь, читатель, представь себе, что это для Николая Михайловича и Марии Васильевны?! Даже страшно подумать! Особенно теперь, когда они в преклонном возрасте, когда они сами нуждаются в уходе, а тут на руках беспомощный большой ребенок, с которым приходится буквально нянчиться, нянчиться уже много-много лет.

Героические родители, отказавшиеся отдать мальчика на попечение государства. Мучаясь, живут вместе. Живут, совершая, по сути, каждодневный подвиг.

8

ГРУСТНО ВСЕ ЭТО

...Сию в двухкомнатной малогабаритной квартирке дома-хрущевы, что на проспекте Победы (в трехстах метрах от величавого памятника воинам-победителям). Сию и озираюсь. Сию и удивляюсь: нет, не таким мне представлялось жилище инвалида Великой Отечественной войны, инвалида второй

группы, фронтовика, награжденного орденом Отечественной войны первой степени, медалью «За боевые заслуги» и другими юбилейными послевоенными знаками доблести и отваги, человека, отметившего чуть больше месяца назад свое девяностолетие, человека, у которого в солидном возрасте жена-пенсионерка и сын инвалид детства, человека, в конце концов, отбарабанившего ровно сорок лет на одном и том же предприятии.

Грустно видеть. И обидно. За нашу Родину, которая не может (а может, не хочет?) создать элементарно приемлемые условия проживания, сделать так, чтобы оставшееся время семья защитника Отечества не нуждалась ни в чем.

Николай Михайлович догадывается о произведенном впечатлении. Он тяжело вздыхает и, как бы оправдываясь, разводит руками.

— Нужен ремонт... Давно уже, — говорит он. — Нет сил — ни физических, ни моральных, ни, извините, материальных.

Понимаю: семья в полном составе живет на российские пенсии (а о том, какие они, россияне прекрасно знают) и других доходов не имеет, и иметь, как бы ни старалась, не может. Да, у главы семьи, как у фронтовика, пенсия побольше, чем у жены или того же сына, но и на нее хорошего ремонта не сделать.

Возникает, как мне тогда показалось, резонный вопрос, и я его задаю:

— Вы обращались за помощью?

Глава семьи, вижу, хмурится и с ответом не спешит. Видимо, для него это большая тема, но все-таки жду ответа. Дождался-таки.

— Ходил... Однажды был у главы администрации района...

— И... Что?..

— Отказали.

— На основании чего?

— Получил стандартный ответ: нет возможности.

Звучит убедительно, не так ли, читатель? Мог упрекнуть Николая Михайловича в том, что он, смиренно приняв бюрократический аргумент власти, не проявил настойчивости и не пошел выше. Язык не повернулся упрекнуть фронтовика. Как ему, так и мне известно: на любом уровне власть одинакова и, чтобы из нее выцарапать гражданину что-либо, надо пуд соли съесть. На это нет ни времени, ни сил — всё растратил Николай Михайлович Перфилов на нашу Советскую Родину. Родина и ее олицетворение — власть — не спешит. Наверное, надеется... На то, что на поверхности, на то, что она, то есть та самая Родина, с нетерпением и, возможно, с вожделием ждет: вот-вот и наступит счастливый час, в который бесшабашно продолжит чествовать живых и беззаботно предаваться скорби по части павших. Живых, собственно, не будет, а скорбеть по павшим так легко и настолько безответственно, что...

P.S. Увы, но так получилось, что до сих пор о Николае Михайловиче Перфилове, о скромном труженике и фронтовике, ни одна газета Пензы и Пензенской области не удосужилась рассказать.

Пенза, май 2014 — апрель 2016.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Дмитрий КЕДРИН

* * *

Это смерть колотит костью по разверзшимся гробам:
«Дранг нах Остен! Дранг нах Остен!» — выбивает барабан.
Лезут немцы, и пойми ты: где изъяны в их броне?..
«Мессершмиты», «Мессершмиты» завывают в вышине.
Шарит враг незванным гостем по домам и погребам...
«Дранг нах Остен! Дранг нах Остен!» — выбивает барабан.
Толпы спят на полустанках, пол соломой застеля.
Где-то близко вражьи танки пашут русские поля.
Толстый унтер хлещет в злости баб смоленских по зубам...
«Дранг нах Остен! Дранг нах Остен!» — выбивает барабан.
Рвутся бомбы. Дети плачут. Первой крови горек вкус.
Воет пьяный автоматчик: «Рус капут! Сдавайся, рус!..»

1941

Семён ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют, а перед этим можно плакать,
ведь самый страшный час в бою — час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг и почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг. И, значит, смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед, за мной одним идет охота.
Ракеты просит небосвод и вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит. И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать. И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда, штыком дырявящая шею.
Бой был коротким. А потом глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую.
1942

Давид САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые, военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные и перестуки эшелонные.
Гудят накатанные рельсы. Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы кочуют с запада к востоку...
А это я на полустанке в своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная, а вырезанная из банки.
Да, это я на белом свете, худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете, и у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю, и больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю, и всё на свете понимаю.
Как это было! Как совпало — война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало и лишь потом во мне очнулось!..
Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России, а мы такие молодые!

Муса ДЖАЛИЛЬ

СЛЕЗА

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.

И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.

Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за все жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.

И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз,
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.

Февраль 1942 г., Волховский фронт

Александр МЕЖИРОВ

С ВОЙНЫ

Нам котелками
нынче служат миски,
Мы обживаем этот мир земной,
И почему-то проживаем в Минске,
И осень хочет сделаться зимой.

Друг друга с опереттою знакомим,
И грустно смотрит капитан Луконин.
Поклонником я был.
Мне страшно было.
Актрисы раскурили всю махорку.
Шёл дождь.
Он пробирался на галёрку,
И первого любовника знобило.

Мы жили в Минске муторно и звонко
И пили спирт, водой не разбавляя.
И нами верховодила девчонка,
Беспечная, красивая и злая.

Гуляя с ней по городскому саду,
Друг к другу мы её не ревновали.
Размазывая тёмную помаду,
По очереди в губы целовали.

Наш бедный стол
всегда бывал опрятен —
И, вероятно, только потому,
Что чистый спирт не оставляет пятен.
Так воздадим же должное ему!

Ещё война бандеровской гранатой
Влетала в полуночное окно,
Но где-то рядом, на постели смятой,
Спала девчонка
нежно и грешно.

Она недолго верность нам хранила, —
Поцеловала, встала и ушла.
Но перед этим
что-то объяснила
И в чём-то разобраться помогла.

Как раненых выносит с поля боя
Весёлая сестра из-под огня,
Так из войны, пожертвовав собою,
Она в ту осень вынесла меня.

И потому,
однажды вспомнив это,
Мы станем пить у шумного стола
За балерину из кордебалета,
Которая по жизни нас вела.

Юлия ДРУНИНА

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Лидия БЕЛОВА

ЛЕРМОНТОВ И БЕЛИНСКИЙ: ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

**К 175-летию со дня гибели
М.Ю. Лермонтова**

«Биография Лермонтова неизвестна», — сказал мне один знакомый литературовед в ходе спора о личности поэта. С этим можно согласиться. Слишком мало прожил Михаил Юрьевич (1814 — 1841), чтобы какой-либо авторитетный исследователь успел создать его жизнеописание, сверяясь с его собственными свидетельствами, а не только с воспоминаниями современников да с небольшим количеством документов.

Ну и пусть бы (имею в виду исследователей), — куда важнее сохранность его произведений. Но беда в том, что при жгучем интересе к Лермонтову читателей многих поколений недобросовестные люди пользуются фактическим отсутствием выверенной, объективной его биографии, выдавая свои домыслы за неоспоримые факты. Это касается и современников поэта, и журналистов, а то и «лермонтоведов» нашего времени.

Одна из самых загадочных страниц короткой жизни Лермонтова — его отношения с женщинами: и с барышнями, и с замужними и незамужними дамами. Сам он делился с друзьями своими сердечными переживаниями только в подростковом возрасте, в московский период жизни (это период, с перерывами, с сентября 1827 г. по июль 1832-го). Тогда он еще был открыт миру, верил в возможность искренней, верной дружбы со многими сверстниками. При этом не раз был разочарован и огорчен, а потому учился закрытости. О горьких разочарованиях в дружбе он написал в 1829 году четверостишие (в виде «вольного перевода» из Шиллера) от имени друга, который не желает никому сочувствовать:

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.

Но ты мне душу предлагаешь;
На кой мне чёрт душа твоя?

Со времени переезда в Петербург (август 1832 г.) Лермонтов открывал душу только самым близким друзьям; на первом месте здесь долгое время были Лопухины, оставшиеся в Москве. А в Петербурге даже друзья и доброжелатели всё-таки «сумели» его подвести.

Рассказываю. «Мороча свет» (из «Валерика»: «Добро б еще морочить свет...»), Лермонтов однажды сказал редактору журнала «Отечественные записки» Андрею Краевскому (в начале 1840 г.), что теперь у него множество поклонниц в «большом свете». В действительности у него в это время в самом разгаре был роман с Александрой Смирновой-Россет и оба они тщательно скрывали свои отношения (об этом — моя книга «Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова». — М., Профиздат, три издания: 2005, 2008, 2014).

Краевский поделился «откровенным признанием» поэта с Виссарионом Белинским: высший свет и общение с «аристократками» были для того и другого совершенно недоступны, а потому тема для них интересная, интригующая. А Белинский «в красках» сообщил о столь скандальном факте своему московскому приятелю, литератору Василию Боткину. Да еще и как сообщил! Вот цитата из его письма:

«Большой свет ему надоел, давит его, тем более что он любит его не для него самого, а для женщин, для интриг. Е... себе вдруг по три, по четыре аристократки, и не наивно и пресерьёзно говорит Краевскому, что он уж в бордель не ходит, потому-де, что уж незачем». (Письмо от 16 апреля 1840 г.; все даты в моей статье даны по старому стилю; исключение — дата в письме Белинского к Гоголю, из-за границы, поставленная автором письма по новому стилю.)

Что это? Простодушная наивность человека, который и не подозревает о возможном вскрытии писем на почте? Тем более писем «неблагонадёжного» человека, каковым и сам Белинский числился в университетских времён, а затем еще и в связи с закрытием в 1836 году журнала «Телескоп» (из-за публикации «Философического письма» Чаадаева), в редакции которого он состоял.

Нет, это вовсе не простодушная наивность! Посмотрим широко известное письмо Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»; оно отправлено из Зальцбрунна (Германия) в Остенде (Бельгия), и в нём содержится такое признание: «Живя в России, я не мог бы этого сделать [«писать к Вам без церемоний»], ибо тамошние Шпекины распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов». (Письмо от 15 июля н. ст., 1847 г.; *Шпекин* — персонаж «Ревизора», почтмейстер.)

То есть «писать без церемоний» из России, пусть даже и за границу, он *не мог бы*, а вот из Москвы в Петербург *смог*, притом уж точно безо всяких церемоний!

Понять это трудно, зная Белинского как восторженного поклонника Лермонтова. Его отзывы о произведениях поэта и в прессе, и в личных письмах переполнены похвалами: «На Руси явилось новое могучее дарование!», «Какой роскошный талант!», «Пушкин умер не без наследника», «Что за вещь! — пушкинская, лучше пушкинских» (о стихотворении «Родина»); а стихотворение «И скучно, и грустно...» он, по собственному признанию, без конца твердил наизусть, настолько оно запало в душу.

То есть подозревать Белинского в плохом отношении к Лермонтову нет никаких оснований. Но тогда почему же он в апреле 1840 года — именно тогда, когда в «высших сферах» решался вопрос о мере наказания поэта за дуэль с Барантом, — *осознанно* написал донос? Может быть, им руководила зависть к ранней славе земляка и ровесника? (Напомню: Белинский с пяти лет жил в городе Чембаре той же Пензенской губернии, где находятся и Тарханы; годы жизни Белинского: 1811—1848.)

Я бы, наверное, остановилась на этой версии: *зависть*, — если бы не близкие отношения Белинского с Владимиром Соллогубом, который в марте 1840 года опубликовал в «Отечественных записках» роман-пасквиль «Большой свет». Пасквиль на Лермонтова был ему заказан великой княгиней Марией Николаевной (старшей дочерью Николая I), в чём Соллогуб откровенно признался позднее в своих воспоминаниях.

Герой «Большого света» — молодой офицер Михаил Леонин, который «только что был прикомандирован к одному из гвардейских полков»; у него есть высокопоставленные родственники; в нём души не чаёт его бабушка, время от времени приезжающая в Петербург из своего имения, и т. д. Узнаваемость, как считал автор, обеспечена. Тем не менее многие современники «не узнали» в этом герое Лермонтова: Михаил из романа вовсе не похож на своего реального тёзку и психологически, и по своему значению в «большом свете». А сам Лермонтов высказался об этом романе только однажды — как о «друзей клевете ядовитой», — в стихотворении «Тучи», прочитанном на прощальном вечере у Карамзиных в первых числах мая 1840 года.

Соллогуб приступил к созданию романа «Большой свет» в начале 1840 года. При этом он постоянно общался с Белинским, «литературным обозревателем» журнала «Отечественные записки». Так, может быть, донос Белинского родился не сам по себе, а под влиянием Соллогуба, выполнявшего заказ великой княгини в широких масштабах? А Белинский помог ему, тем самым упрочивая свое положение за счёт репутации поэта? Вот и появилась «друзей клевета ядовитая»...

Но независимо от подоплёки письмо Белинского к Боткину рисует нравственный облик самого Белинского — как сплетника и человека, недостойного

называться *интеллигентом*. Может ли порядочный человек распространять такие «сведения», да еще и письменно, да еще из Петербурга в Москву, то есть поставляя пищу для сплетен не только петербургским, но и московским литераторам!

Сравним содержание и лексику отвратительной и по смыслу, и по тону сплетни Белинского с признанием самого Лермонтова о своем отношении к любви (стансы, публикуемые по дате создания: «1831-го, Июня 11-го дня»):

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она —
Желанье, порождённое в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! Любить —
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

В стремлении оберечь репутацию Александрины Лермонтов, видимо, и в самом деле сказал что-то Краевскому о нескольких своих романах одновременно (но уж никак не в стиле Белинского!), на минутку забыв о сохранении собственной репутации. А в результате эта невинная выдумка, возможно, и стоила ему жизни (о чём ниже).

Тот Лермонтов, о каком «со вкусом» сообщает Белинский своему московскому приятелю, не написал бы гениальных произведений *реального* Лермонтова, ибо неотъемлемое качество гения — сила чувств, а не «порхание с цветка на цветок» в поисках любовных приключений.

Еще раз вспомним о письме Белинского к Гоголю, написанном после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Современник», 1847, № 2). «Неистовый Виссарион» понял наконец, что его интерпретация творчества Гоголя далека от мировосприятия и идеалов самого писателя. Для него это означало: как же так?! все, кого я считал достойным внимания, *обязаны* разделять мои демократические убеждения! (Точно по нынешним нравам в среде иных литераторов и политологов.)

Так же кардинально он готов был поменять и свое высокое мнение о творчестве Лермонтова, как только ему не понравилось новое стихотворение поэта, «Последнее новоселье», — о перенесении праха Наполеона в декабре 1840 года с острова Святой Елены в собор Дома инвалидов в Париже. (Кстати, первоначальное значение слова *инвалид* — «ветеран войны»; оно сохраняется в названии Дома инвалидов во Франции, сохранялось и у нас в XIX веке, например в названии газеты «Русский инвалид».)

Стихотворение «Последнее новоселье» было опубликовано в 1841 году в майском номере «Отечественных записок». И вот отзыв Белинского в двух его

письмах в Москву от 28 июня — всё тому же В. Боткину и литератору П. Кудрявцеву: «Какую гадость написал Лермонтов о французах и Наполеоне...»; «Какую дрянь Лермонтов написал о Наполеоне и французах — жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков». (Цитирую по изданию: Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова в 10 томах. — М., изд-во «Воскресенье», т. 7, 2002, с. 247. По этому же изданию даны все письма, цитируемые в моей статье.)

Не исключено, что и с Лермонтовым «неистовый Виссарион» со временем резко разошёлся бы во взглядах. Ведь мировоззрение Лермонтова — это не позиция либерала или консерватора, западника (каковым был Белинский) или славянофила. Мировосприятие Лермонтова гораздо шире и глубже, он с ранней юности с горечью размышлял о судьбах мира, человечества, он воистину *гражданин мира* в высшем значении этих слов, а можно сказать и так: *гражданин планеты Земля и Космоса*. Мне иногда представляется, что Лермонтов — комета, «на свою беду» залетевшая на Землю...

Ну а если без мистики, — наверное, дело в том, что Белинский — предтеча тех, чьим лозунгом стало: «Весь мир насилья мы разрушим // До основанья...». А Лермонтов, как и Гоголь, видел будущее России не в разрушении, а в движении к правде и справедливости. Разрушение Лермонтов воспринимал как трагедию: «Настанет год, России *чёрный год*, // Когда царей корона упадёт...» Таким образом, на стадии критики все трое вместе, а далее их пути кардинально расходятся.

Последствия доносительского письма Белинского к своему московскому другу оказались для Лермонтова роковыми. Об этом письме, конечно же, было доложено А.Х. Бенкендорфу — начальнику «Третьего отделения Его Величества канцелярии», шефу жандармов. Невозможно не прийти к такому заключению, сопоставив даты: письмо отправлено *16 апреля* (и в тот же день или вскоре после этого вскрыто), а *20 апреля* Бенкендорф предпринимает попытку ужесточить наказание Лермонтова. Напомню: дуэль между Лермонтовым и Барантом состоялась *19 февраля*, то есть к тому времени уже два месяца шло «следствие по делу»; более того, *13 апреля* император отдал распоряжение о мерах наказания дуэлянтам, — и вдруг Бенкендорф выступает с новой инициативой! Конкретно о его действиях не говорю, поскольку это увело бы нас в сторону от основной темы.

Именно с этого времени Александр Христофорович резко меняет свое отношение к Лермонтову (в 1837 г. он был не просто «сторонним наблюдателем», а даже горячим защитником поэта). Следом за тем резко меняет отношение к Лермонтову и император, хотя и не возвращается к уже наложенной резолюции о мерах наказания. Позднее у Николая I добавилось еще и недовольство романом «Герой нашего времени» (царь прочитал его в конце июня 1840 г.) — и это недовольство легло на подготовленную почву.

Император, естественно, не скрывал своего отношения к поэту, тем более от таких «доверенных лиц», как председатель Государственного Совета И.В.

Васильчиков — отец организатора дуэли Мартынова с Лермонтовым. Вот мы и получили срок жизни гения — менее 27 лет от роду... Кстати, Владимир Соллогуб находился в родстве с Васильчиковыми, так что цепочка «друзей» с «клеветой ядовитой» на устах выстраивается вполне логичная и плотная...

О встрече Белинского с Лермонтовым 14 апреля 1840 года, после которой Белинский сочинил свое доносительское письмо, рассказал писатель Иван Панаев; он вместе с В.Ф. Одоевским создавал обновлённые «Отечественные записки», публиковал там свои произведения и часто бывал в редакции. «Литературные воспоминания» Панаева не раз печатались и полностью, и в отрывках — в любом издании сборника «М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников» (как и цитируемые мною ниже воспоминания Н.М. Сатина). Панаев пишет: «Когда Лермонтов сидел в Ордонанс-гаузе после дуэли с Барантом, Белинский навестил его; он провёл с ним часа четыре с глаз на глаз и от него прямо пришёл ко мне».

И дальше Иван Иванович обстоятельно пересказывает восторженные впечатления Белинского, при этом ни слова не говоря об отношениях поэта с «аристократками». То есть в устном разговоре с приятелем по свежим впечатлениям Белинский не упоминал об этом, — сведения о якобы откровенном поведении Лермонтова в свете были включены в поток похвал позднее, причём включены даже «в два захода» (я процитировала основную часть сплетни, первая часть была, видимо, «для разбега»). В контексте письма, переполненного похвалами уму и чуткости собеседника, эти вставки выглядят неорганично, вне логики всего письма с его *лафосом восторга*.

Конечно же, Лермонтов не мог говорить о своих успехах у дам высшего света с едва знакомым ему человеком. Оба они с 1839 года часто бывали в редакции «Отечественных записок», но, по свидетельству А. Краевского, почти не общались. А до этого, в 1837 году, случайно встретились на Кавказе у общего знакомого, и Белинский был возмущён высказываниями Лермонтова о Вольтере, особенно — шутивными заключительными словами: «Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере: если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернёры!» (из воспоминаний Н.М. Сатина).

В период пребывания в Петербурге в 1841 году Лермонтов тоже не общался с Белинским — несмотря на задушевный «четырёхчасовой» разговор перед ссылкой. Вот свидетельство Панаева: «Белинский после возвращения Лермонтова с Кавказа, зимою 1841 года, несколько раз виделся с ним у г. Краевского и у Одоевского, но между ними не было никаких дружеских отношений, а и серьёзный разговор уже не возобновлялся более...»

Не удивительно ли? Ведь к этому времени была опубликована восторженная статья Белинского о «Герое нашего времени» (июньский и июльский номера «Отечественных записок» 1840 г., о первом издании романа). А в феврале 1841 года, когда Лермонтов находился в Петербурге (с 5 февраля до 14 апре-

ля), была опубликована не менее восторженная статья Белинского о сборнике его стихотворений. Так почему же и после этого «между ними не было никаких дружеских отношений»?

Видимо, остановившись в Москве по дороге на Кавказ, Лермонтов узнал о содержании письма Белинского к Боткину: ведь в Москве у поэта оставалось много друзей. Вспомним к тому же торжество в честь именин Гоголя 9 мая 1840 года, в котором принимал участие и Лермонтов: в дом М.П. Погодина на Девичьем поле, где проходило чествование Гоголя, съехалась тогда вся литературная Москва (были и гости из Петербурга).

Еще раз посмотрим, как разворачивались события в их последовательности. Начало их — заказ великой княгини Марии Николаевны Соллогубу: чем-то насолил ей молодой поэт, после возвращения из кавказской ссылки ставший «сверхмодным» даже в высших кругах общества. Существует гипотеза о причине недовольства Марии Николаевны: столкновение с Лермонтовым на бале-маскараде, когда Михаил Юрьевич слишком вольно обошёлся с дамой в маске, о которой в высшем свете знали, кто она. Сторонники этой гипотезы ссылаются на различные косвенные свидетельства и на стихотворение Лермонтова «1-е января (1840)» — «Как часто, пёстрою толпою окружён...».

Но подлинной причиной заказа на пасквиль могло быть и другое: до Марии Николаевны дошли слухи о романе между Лермонтовым и бывшей фрейлиной Александрой Смирновой-Россет, а возможно, даже и не слухи — признание самой Александрины, близкой подруги вел. кн. Марии Николаевны. Это — угроза разглашения дворцовых тайн, тщательно оберегаемых высшим светом, придворными.

И великая княгиня нашла способ обезопасить свой мир (у «великих» отпрысков императорского семейства была уйма свободного времени для плетения интриг) — заказать пасквиль на поэта. Суть заказа — изобразить человека с внешне узнаваемыми чертами «прототипа», который бы трусливо отказывался от дуэли. Вот уж тогда «прототип» точно не откажется от навязанной ему дуэли! А требуемый ее исход (после уже состоявшейся первой ссылки на Кавказ) будет обеспечен в любом случае: его либо убьют, либо вновь сошлют на Кавказ, где по-прежнему идут ожесточённые сражения. В романе, кстати, такой исход реализован: в конце повествования автор отправляет Михаила Леонина на Кавказ.

Именно по этому плану и развивались события в реальной жизни — по времени параллельно с написанием романа «Большой свет»: Соллогуб приступил к созданию романа в начале 1840 года, а в феврале, вследствие светских интриг, произошла ссора между Лермонтовым и Барантом и дуэль.

Остановлюсь на одном внешне парадоксальном выводе из событий вокруг Лермонтова: его убили ненавистники из *Петербурга*, хоть и произошло это на Кавказе. Так же, как «из Петербурга» превратили Благородный пансион при Московском университете в ординарную гимназию с разрешением розог для

воспитанников (чего Лермонтов не позволял даже для крепостных в Тарханах и отчего подал прошение об отчислении из пансиона). Из Петербурга же пришло распоряжение более строго наказывать студентов университета — участников «маловской истории», и вскоре после этого Лермонтову было «посоветовано уйти» — именно во избежание ужесточения наказания. Да, недаром он не любил этот город, «с его туманом и водой»...

Сплетники очень постарались обеспечить столкновение между поэтом и сыном французского посла Эрнестом де Барантом, ссылаясь на якобы оскорбление всей Франции, содержащееся в стихотворении «Смерть Поэта». В разговоре, затеянном Барантом, он негативно отозвался о Пушкине, чего Лермонтов не стерпел. Существовала и другая версия о причине дуэли: конфликт произошёл из-за дамы, за которой оба ухаживали, — княгини Марии Щербатовой (ей посвящено стихотворение Лермонтова 1840 г. «На светские цепи // На блеск утомительный бала...»).

Сама Щербатова отрицала возможность ссоры двух ее поклонников из-за нее: «...Свет и прекрасные дамы оказывают мне слишком много чести, столько занимаясь мною! Предполагают, что я — причина этой несчастной дуэли. Я же уверена, что два собеседника и не думали обо мне во время их ссоры». (Письмо Марии Щербатовой к своей приятельнице Антонине Блудовой от 21 марта 1840 г., из Москвы в Петербург. Цитирую по уже упоминавшемуся Полному собранию сочинений М.Ю.Лермонтова, т. 7, с. 191. В этом же томе содержится и письмо Белинского к Боткину, с. 202—203.)

Но дело даже не в конкретном поводе к дуэли, а в том, что светские сплетники без устали настраивали Баранта против Лермонтова и добились своего. Царедворцы никогда не забывали о последних 16 строках стихотворения «Смерть Поэта» с характеристикой «жадной толпы» у трона. Они нашли бы способ расправиться с Лермонтовым и без участия Белинского. Так что напрасно он портил свою репутацию в глазах истинных друзей Лермонтова и потомков, помогая Соллогубу в очернении поэта — точно по пророчеству Лермонтова 1837 года: «...и хитрая вражда // С улыбкой очернит мой недоцветший гений».

Роман Соллогуба «Большой свет» был с одобрением встречен Белинским; его оценка: «славная вещь». При этом многие читатели отзывались о романе как о скучном и бездарном, а его автора характеризовали, например, так: «Соллогуб [...] негодяй по своим низменным инстинктам и по цинизму, с которым он насмехается надо всем» (высказывание князя М.Б. Лобанова-Ростовского; цитирую по книге Э. Герштейн «Судьба Лермонтова», неоднократно переиздававшейся).

Внимание общества к роману Соллогуба уже в апреле того же 1840 года было отвлечено изданием полного текста «Героя нашего времени» (до этого отдельные повести печатались в «Отечественных записках»). Сравнение двух романов оказалось отнюдь не в пользу пасквилянта, до конца жизни (как и Белинский) выдававшего себя за друга Лермонтова.

О роли доносительского письма Белинского к Боткину, пожалуй, впервые сказала Светлана Андреевна Бойко, сотрудница Государственного литературного музея. Ей принадлежат комментарии к седьмому тому Полного собрания сочинений Лермонтова, на который я здесь не раз ссылалась, — тома с письмами Лермонтова и письмами современников к нему и о нём. Мнение С.А. Бойко о роли письма Белинского в судьбе Лермонтова сходно с моим.

Написана эта моя статья отнюдь не специально с целью разоблачить мнимое благородство Виссариона Григорьевича. Собиралась я писать о любимых женщинах Лермонтова, а для начала обратилась к письму Белинского на эту тему, — и вот что получилось при его осмыслении... Меньше всего хотелось мне говорить о печальном, но, к сожалению, судьба Лермонтова с самого детства складывалась так, что редкий период его жизни можно назвать *светлым*.

Думаю, анализ событий, не последнюю роль в которых сыграло письмо Белинского к Боткину, заинтересует читателей, равнодушных к истории русской литературы и критики. Ну а статью о любимых женщинах Лермонтова — по возможности светлую, с цитированием его прекрасных стихов о любви, — можно написать к очередному дню его рождения.

Татьяна КОЛЪЯН

**ПЕНЗЕНСКИЕ
ДВОРЯНЕ
МАРТЫНОВЫ**

О РОДЕ МАРТЫНОВЫХ

Многие дворянские роды гордятся своими выдающимися представителями. В роду Мартыновых тоже были известные и заслуженные люди. Но прославился этот род крепко благодаря Николаю Соломоновичу Мартынову.

Николай Соломонович вошел в историю как убийца М.Ю. Лермонтова. Он убил поэта на дуэли в Пятигорске 15 июля (по ст. ст.) 1841 г. Современник, К.А. Бороздин, писал в своих воспоминаниях: «В 1837 году благодаря ненавистному иностранцу Дантесу не стало у нас Пушкина, а через четыре года то же проделывает с Лермонтовым уже русский офицер; лишиться почти зараз двух гениальных поэтов было чересчур тяжело, и гнев общественный всю силою своей обрушился на Мартынова и перенес ненависть к Дантесу на него; никакие оправдания, ни время не могли ее смягчить. Она преемственно сообщалась от поколения к поколению и испортила жизнь этого несчастного человека, дожившего до преклонного возраста»¹.

Генеалогическое древо рода Мартыновых составил А.Н. Нарцов — председатель Тамбовской ученой архивной комиссии, действительный член Русского Генеалогического Общества — в своем труде «Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями» (Тамбов, 1904). Его бабушка, урожденная Мартынова, была двоюродной сестрой Николая Соломоновича. Интереснейшие «Материалы для истории...» А.Н. Нарцова опираются на документы из дворянских собраний, семейных архивов, мемуарные свидетельства современников.

В Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) хранится значительное количество документов, относящихся к роду Мартыновых. Мартыновы — коренной пензенский род, внесенный в шестую часть дворянской родословной книги Пензенской губернии.

Многие Мартыновы, связанные близким кровным родством с Николаем Соломоновичем, жили в Пензе, и некоторые из них оставили о себе память в воспоминаниях современников. Нам показалось интересным сопоставить архивные и мемуарные источники о пензенских Мартыновых, чтобы представить «образ» этой семьи, а заодно выявить их связи с семьей М.Ю. Лермонтова — Арсеньевыми и Столыпинными, которые существовали задолго до знакомства поэта с Н.С. Мартыновым и, может быть, преопределили это знакомство.

Михаил Ильич Мартынов (дед Николая Соломоновича) в составленной им поколенной росписи рода утверждал, что предки его пришли из Польши в Москву при великом князе Василии Васильевиче².

Основателем рода по родословному древу Мартыновых считался Савлук Федоров сын Мартынов, который в разрядном архиве по Ржеву Володимирову написан в числе новиков дворян и детей боярских в 1, 2, 3 и 4 десятнях. Ему в 1619 г. за участие в действиях против королевича Лжедмитрия было дано в вотчину «из его ж поместья пять деревень да без трети деревня да полдеревни»³.

У Савлука Мартынова было два сына, Федор и Иван. Иван Савлуков сын в 1647 г. служил государеву службу «на Ливнах», «на добром коне, с саблей, да пара пистолей, да карабин, да человек 6, кому с саблей да пищалью», и «за ливенскую службу к старому его окладу 50 четы и денег 3 рубля» ему прибавлено. Федор Савлуков в справке разрядного архива в это время «показан мал и в службу не поспел»⁴. Но именно его сын, Григорий Федорович, положил начало пензенской ветви рода Мартыновых.

Григорий Мартынов проявил себя «славно» в числе рейтар во время войны «с салтаном турецким и с ханом крымским с 7181 по 7189 год» (с 1673 по 1681). Спустя десять лет, в 1691 г., он получил жалованную грамоту от великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, в которой «его милостиво похвалили и пожаловали, похваляя службу, и промыслы, и храбрость в роды и роды»⁵. Поместный же оклад, 1000 четвертей земли, ему был пожалован в Пензенском стане. Один из его сыновей, Борис Григорьевич, с 1696 г. служил в канцелярии пензенского воеводы. За участие в подавлении стрелецкого бунта в 1698 г. он получил от Петра I табакерку, усыпанную бриллиантами, на которой была надпись: «Нюхай из этой нюхательницы и помни Петра». По свидетельству А.Н. Нарцова, «табакерка эта перешла от бездетного Бориса Григорьевича к Илье Григорьевичу, его брату, а от него к сыну его Михаилу Ильичу, после его смерти передана вдовой его Екатериной Ивановной ее сыну Соломону Михайловичу, у которого она пропала в 1812 году во время бегства из Москвы в Нижний»⁶.

Борис Григорьевич был, видимо, убит в Севском походе в 1709 г. В марте 1710 г. его брат Илья Григорьевич «после умершего брата» получил в оклад его вотчинную и поместную землю «с людьми и со крестьяны» по берегам речки Кучук Пор. Сержант лейб-гвардии Семеновского полка Илья Григорьевич Мартынов (? — 1722) был женат на Фекле Ивановне Палеолог (? — 1725), в его

владении в Пензенском крае находились села Палеологово (Сергиевское), Липяги и Кучки (оно же Кучукпор Михайловское тож), которые стали пензенскими родовыми гнездами Мартыновых⁷.

Любопытно, что в село Кучукпор Пензенской округи в конце XVIII века тарханские крестьяне Е.А. Арсеньевой ездили по своему тарханному (торговому) промыслу «для закупки коровьего масла»⁸.

У Ильи Григорьевича было два сына: Егор и Михайла (1719 — 1788). Егор Ильич, его жена Евфимия Яковлевна, сын Сергей Егорович с женой Прасковьей Андреевной (урожденной Араповой), его дочь Александра Егоровна с мужем Н.П. Вителевым были убиты пугачевцами в селе Кучки 1 августа 1774 г. Вместе с ними от рук бунтовщиков погибли и два малолетних сына Михайлы Ильича: Николай Михайлович (р. 1760) и Савва Михайлович (р. 1762)⁹. Наследниками убитого Сергея Егоровича остались его дети Андрей (1772 — 1848) и Марья¹⁰.

Ф.Ф. Вигель, хорошо знавший своих современников Мартыновых, заклеил пензенского казначея (в 1812 г.) Андрея Мартынова такими словами: «Андрей Сергеевич Мартынов, помещик весьма достаточный, известный губернарторский и архиерейский угодник, самый добрый и откровенный из подлецов и трусов».

Эта краткая характеристика в других местах Записок представляется и более объемно: «Некто Андрей Сергеевич Мартынов, весьма еще не старый помещик и богатейший жених в провинции <...> любил без памяти власть; но светской ему было мало: он прибавил еще к ней духовную и был всегда на бессменных ординарцах как у епископа, так и у начальника губернии. В его гостиной, на первом месте, всегда висело изображение архиерея между портретами губернатора и губернаторши, разумеется, господствующими: по мере как назначаемы были новые, высылались они в залу, где, по прошествии двух десятков лет, составила презанимательная портретная галерея»¹¹.

Верный своей политике А.С. Мартынов был в «ординарцах» и у пензенского губернатора (1816 — 1819) М.М. Сперанского, который доверил ему управление своим пензенским имением Хоненевкой. Об этом мы узнаем из письма М.М. Сперанского, уже сибирского губернатора, от 28 июля 1820 г., к дочери Елизавете Михайловне. О Хоненевке он писал: «Управление остается по-прежнему у Андрея Сергеевича Мартынова, и я все причины имею быть им довольным»¹².

Андрей Сергеевич был двоюродным дядей Николаю Соломоновичу Мартынову.

МИХАИЛ ИЛЬИЧ И ЕГО ПОТОМСТВО

Во время пугачевского бунта деду Н.С. Мартынова Михаилу Ильичу с частью семьи удалось спастись.

Сохранились воспоминания внучки Михаила Ильича Елизаветы Соломоновны Шереметевой, урожденной Мартыновой, в пересказе ее внучки Зубо-

вой, как раз об этом периоде семейной хроники. Эти воспоминания, в частности, проливают свет на то, почему ее отец получил при крещении такое непривычное для русских имя — Соломон. Зубова писала:

«Расскажу случай с моей семьей, происшедший в те смутные времена «пугачевщины» и переданный устно мне моей бабушкой Шереметевой, когда мне было приблизительно двенадцать лет. <...> Вот что я помню об ее рассказах о Пугачеве. Ее дед, Мартынов, был помещиком большого имения Липяги. Он был женат три раза и имел тридцать восемь детей, многие из них умерли младенцами. (В книге А.Н. Нарцова перечислены 25 детей Михаила Ильича, которые родились в период с 1737 по 1780 г., из них 13 детей умерли в младенчестве и два мальчика погибли от рук пугачевцев. — Т. К.) Его же третья жена была на много лет моложе его старших детей, так что был оригинальный случай: в одной и той же люльке лежали два младенца — дед и внук. И вот к этой многочисленной патриархальной семье вдруг донеслась ужасающая весть о приближении Пугачева и его необузданных войск. <...> В доме случилась ужасная суэта и невыразимый переполох, тем более что меньше недели перед этим жена Мартынова родила сына. Напуганные, все кое-как собрались и решили бежать из имения прямо в лес, а оттуда куда глаза глядят. Возли с собою молодую мать, но оставили новорожденного сына с мамкой-кормилицей, а также, что было очень необдуманно, двух мальчиков от второй умершей жены. Одного из них звали Савва, другого не помню, — было им по 4 и 6 лет. И вот неизбежное случилось. К вечеру того же дня усталые, злые всадники-разбойники подъехали к имению. <...> Мамка-кормилица затряслась. «А это что? — крикнул Пугачев, дергая ребенка за голову из ее рук, — барчонок, что ли? Давай его!» «Не тронь! — закричала кормилица. — Не тронь его, это мой сопляк!»

Тут бабушка остановливалась, кашляла и прибавляла улыбаясь: «Этим скверным словом она спасла моего отца... Тот маленький ребенок был моим отцом!» <...> «Почему твоему отцу дали такое странное имя?» — спрашиваю я. Бабушка смотрит на меня: «Странное? Нет, но неожиданное». Напуганная мамка решила окрестить ребенка до возвращения родителей. Пошла в церковь. «А как назвать его?» — спрашивает священник. «А Бог весть! — отвечает мамка. — Уж и не знаю». «По-святому назовем, — решил священник. — На сей день святой будет Соломон-царь — так и назовем». Так и называли»¹³.

Среди пострадавших во время бунта была и одна из старших дочерей Михаила Ильича Дарья Михайловна: она оказалась в плену у пугачевцев. Ее спас поручик Н.В. Новиков (племянник знаменитого просветителя и масона Н.И. Новикова), за которого она в 1776 г. вышла замуж. Их сын Михаил Николаевич Новиков, будучи в чине коллежского асессора, в трехлетие 1808 — 1811 гг. в Пензенской губернии служил Мокшанским уездным предводителем дворянства¹⁴. Его мать постриглась в монахини с именем Доротея и стала игуменьей Крестовоздвиженского женского монастыря в Нижнем Новгороде. В семье Мартыновых к ней относились как к святой¹⁵.

В Списке служащих и не служащих дворян Пензенского наместничества 1791 — 1796 гг. о семье Михайлы Ильича показано (данные, вероятно, до 1788 г.):

«Секунд-майор Михайла Ильин сын Мартынов жительство имеет в Инзарской округе селе Липягах, женат на благородной третьим браком Катерине Ивановой дочери Нелюбовой. Детей имеет сыновей Алексея 45 <лет>, находится в Харьковском наместничестве вице-губернатором; Федора 30, находится Пензенского наместничества верхнего земского суда в 1 департаменте председателем, оной вдов; Григорий 20, Саламон 12, Савва 4, дочери Прасковья 25, Анна 18, Наталья 15 — оные находятся при отце. Людей и крестьян имеет Шишкевской округи в селе Резановке 136 душ, а протчих неизвестно»¹⁶ [т. е. о других имениях давший информацию, вероятно управляющий, сведений не имел].

Ф.Ф. Вигель, мать которого была племянницей второй жены М.И. Мартынова, А.Г. Кривской, в своих Записках дал характеристики некоторым членам этой большой семьи. Михаил Ильич был известен в Пензе второй половины XVIII века своим богатством и гостеприимством. При непритворном тогда образе жизни пензенских дворян, когда «ни у одного из них не было фаянсовой посуды, у всех подавали глиняную, муравленную», «у одного только Михаила Ильича Мартынова, — писал Вигель, — владельца тысячи душ, более гостеприимного и роскошного, было с полдюжины серебряных ложек; их клали почетными гостями, а другие должны были довольствоваться оловянными»¹⁷. Но «потомство этого Михаила Ильича Мартынова от всех трех браков, при многих похвальных качествах, отличалось одним общим пороком — удивительным чванством, которое проявлялось в разных видах, смотря по характеру, положению или образу воспитания каждого из происходящих от него лиц».

Уже после смерти Михаила Ильича (он умер в 1788 г.), в сентябре 1793 г., в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии были вписаны его сыновья: Алексей, Федор, Дмитрий, Григорий, Соломон и Савва. Последний родился уже после пугачевского бунта и был назван, вероятно, в честь погибшего брата. Алексею в 1793 г. было 53 года, он был статским советником в отставке и проживал со своим семейством: женой Степанидой Степановной, урожденной Лавровой, и детьми: Михаилом, Дмитрием, Марьей, Варварой, Натальей и Анной — в своей харьковской вотчине, в слободе Левендаловке¹⁸.

Федор Михайлович (1751 — 1819) вступил в службу солдатом в Измайловский полк в 1767 г., с 1769 по 1772 служил «в заграничной армии» в Астраханском пехотном полку, затем был переведен в Астраханский карабинерный полк, принимал участие в русско-турецкой войне во «многих против неприятеля сражениях» и в 1777 г. «за болезнь от воинской службы отставлен с чином секунд-майора»¹⁹. Затем он служил в костромском губернском магистрате провинциальным прокурором, а в 1780 г. переведен в Пензенское наместничество прокурором, где дослужился до чина надворного советника и председателя

верхнего земского суда; позднее был пожалован коллежским советником. В декабре 1804 г. во время дворянских выборов он получил должность губернского вестовного судьи, обогнав несколькими избирательными баллами М.В. Арсеньева — деда М.Ю. Лермонтова²⁰.

Федор Михайлович известен своей дружбой с А.В. Суворовым. Будучи прокурором Пензенского верхнего земского суда, он отстаивал интересы Суворова в его многочисленных земельных спорах с соседями-помещиками. В 1794 г. Ф.М. Мартынов по доверенности от А.В. Суворова, находившегося в Польше, управлял пензенскими имениями полководца²¹.

О семье и недвижимом имуществе Ф.М. Мартынова в документе показано:

«Федор Михайлов сын Мартынов, 42 лет, женат третьим браком на девице Татьяне Александровне Беликовой. А первым браком был женат на девице Варваре Егоровне Пучковой, вторым же на девице Настасье Александровне Лосевой. Детей имеет от первой супруги двух дочерей, Марью девяти и Римму семи лет, и обе они состоят для воспитания в Смольном монастыре.

За ним имения по Пензенскому наместничеству Пензенского округа в селе Михайловском Кучукпор тож наследственного и благоприобретенного мужеска 130 душ, женска 119, да в приданое полученных за женою его Татьяной Александровной по отце Беликовой Городищенского округа в селе Керенке мужеска 43, женска 43, в сельце Саласклее Назарка тож мужеска 70, женска 74 души. Симбирского наместничества Корсунской округи в селе Озимках мужеска 51, женска 50, да купленных оной женою его Саратовского наместничества Саратовской округи в деревне Арбузовке муж. 15, жен. 14 и Петровской округи в селе Чардым муж. 49, жен. 53 души. Жительство имеет в губернском городе Пензе [...] служит Пензенского Верхнего земского суда в первом департаменте председателем»²².

Ф.Ф. Вигель вспоминал: «Федор Михайлович Мартынов <...> был не последний в Пензе чудак. О нем нельзя говорить, не объяснив наперед, что такое была супруга его».

А супруга его постоянно проживала в селе Кучки. «Там, среди сельской тишины, почти ежедневно свирепствовали бури ее гнева; там все трепетало перед ней, там была она девок, секла мужиков и терзала словами двух взрослых падчериц».

«Муж ее был совсем тому противное, — продолжал Ф.Ф. Вигель, — ни к кому не ласков, ко всем доброжелателен. В обществе иногда бывал он довольно неприятен, всех прерывал, говорил громко, хохотал во все горло. Самый добрый и честный крикун, часто врал, а иногда и лгун по легковерию, потому что готов был повторять всякий слышанный им вздор, всякую умышленно сказанную нелепость, нужно ли к этому прибавить, что в Пензе был он первым вестовщиком? С такими склонностями и с такою женою ему не очень весело было оставаться в деревне, и оттого большую часть времени проводил он в

городе, где имел скромную квартиру: зачем ему большая, когда с утра до ночи разъезжал он по гостям, собирал и развозил новости?»

Дом Федора Михайловича из восьми комнат с состоящими при нем двумя старыми флигелями в 1807 г. находился на Новотроицкой улице. Потом, видимо, этот дом унаследовала дочь Ф.М. Мартынова надворная советница Марья Чубарова: она значится хозяйкой дома на этой улице в ведомости о домах г. Пензы за 1829 г.²³

Далее Вигель писал: «Федор Михайлович чванился тем, что остался старшим в роде Мартыновых <...> требуя от членов сего семейства знаков не только покорности, но и подобострастия, и тем не только не раздражал, даже потешал их тщеславие. Другое было в нем еще забавнее: это притязание на ученость, хотя в Пензе, и в то время, немногие превосходили его в невежестве. В доказательство просвещенного вкуса и любви к наукам завел он у себя в деревне кабинет редкостей. <...> Для сего драгоценного собрания не было однако же особенного помещения; все это громоздилось в трех низеньких приемных его комнатах, столовой и двух гостиных; поворотиться бывало трудно и особенно неприятно обедать посреди чучел. Странно в нем и то, что он уверен был и других уверял, будто читал всех иностранных писателей, которого бы при нем ни назвали, только не помнит содержания их творений; когда же начнут ему доказывать, что они никогда не были переведены на русский язык, а другого, кроме его, он не знает, то других возражений, кроме грубостей, он не находит».

«Кабинет редкостей» Ф.М. Мартынова вспоминал и другой мемуарист, И.М. Долгоруков, служивший в 1793 г. в Пензе вице-губернатором. «Принесло мне некоторое удовольствие тогда посещение Палласа, — писал он. — Сей ученый человек, известный в Европе натуралист, ехал в Астрахань и намеревался объехать в пути своем Пензу и Саратов. <...> Он не много нашел пищи для своего любопытства. Г. Мартынов, громогласно похваляющийся своим кабинетом и собранными минералами, показывал ему оный с большим высокомерием, и, действительно, Паллас признавался, что он штуки две нашел замечательными. Довольно было для тщеславия владельца; везде, где он ни встречался с кем, везде твердил о Палласе и о своих двух редкостях. Виват, просвещение!»²⁴

Тем не менее у Федора Михайловича была приличная библиотека, которая потом по наследству досталась его дочери Марье. В 1892 г. часть этой библиотеки, «составленной для того времени со знанием литературы», была пожертвована наследниками в фонд Тамбовской ученой архивной комиссии²⁵.

Ф.М. Мартынов умер 7 апреля 1819 г. 68 лет от роду. Его отпевали в Казанской церкви г. Пензы²⁶.

В Пензе же жила и сестра Федора Михайловича Наталья Михайловна Загоскина (1769 — 1833), которая, по характеристике Ф.Ф. Вигеля, была «гораздо моложе его, не совсем была чуждою мартыновской спеси; но сия спесь

едва была заметна среди любезности ее, приветливости во всем». Известный писатель М.Н. Загоскин был ее старшим сыном.

Брат Федора Михайловича капитан Дмитрий Михайлович Мартынов (1759 — 1809) был женат на Елизавете Петровне Сабуровой. В 1793 году у него были дети: Николай 8, Иван 7, Александр 6, Сергей 4 лет, Алексей 1 года, дочери Анна 5 и Варвара 3 лет²⁷. В 1802 г. в этой семье родилась Елизавета Дмитриевна, будущая бабушка А.Н. Нарцова.

Дмитрий Михайлович вышел в отставку в 1784 г. Живя помещиком в Тамбовской губернии, он избирался сначала уездным (1798 — 1800), потом губернским (1800 — 1803) предводителем дворянства. Любопытен документ, который опубликован в книге А.Н. Нарцова и который может свидетельствовать о знакомстве деда М.Ю. Лермонтова М.В. Арсеньева с Д.М. Мартыновым. Это Аттестат (1800 г.) «бывшему предводителю дворянства коллежскому асессору Дмитрию Михайлову Мартынову», данный ему благородными дворянами Кирсановского уезда с благодарностью в том, что он, «проходя служение свое со всевозможным тщанием и попечением о пользе дворянской... с величайшим рвением исполнял Высочайшую Волю Государя Императора» (С. 37 — 38). Среди двадцати двух подписей кирсановских дворян десятая — «гвардии поручик Михаил Арсеньев». (В это время село Тарханы относилось к Кирсановскому уезду Тамбовской губернии.)

Ф.Ф. Вигель был знаком и с этим семейством. В 1814 г. проездом из Пензы в Москву он навестил вдову Д.М. Мартынова в ее имении Оржевка в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. В Записках Ф.Ф. Вигель писал: «Кто из читателей моих вспомнит чудака Федора Михайловича Мартынова, двоюродного брата матери моей, тому скажу я, что у него был брат Димитрий Михайлович, уже умерший, который оставил по себе вдове Елисавету Петровну, урожденную Сабурову, и что к ней я заехал. Ничего не могло быть добродушнее ее самой и многочисленного ее семейства; у нее было четыре молодца сына, все в отставке, и четыре красотки дочери, все невесты».

Беззаботность, веселое простодушие, патриархальность нравов и широкое гостеприимство хозяев Оржевки в то время понравились Вигелю. «Их жизнь была совершенно праздная, — вспоминал он о Мартыновых и их соседях, — однако же они не скучали, беспрестанно посещая друг друга, пируя вместе. За обедом и по вечерам шли у них растабары о всякой всячине <...>. Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съезжались вместе, то маленьким злословием и сплетнями <...>. Шутихи, дураки, которые были принадлежностью каждого довольно богатого дворянина, также много способствовали к увеселению особ обоего пола и всех возрастов».

Спустя четырнадцать лет в недалеком соседстве с Оржевкой в Кирсановском уезде в селе Умет поселилась семья Николая Васильевича Чичерина, по жене состоявшего с Мартыновыми в отдаленном свойстве. Хозяевами Оржевки в это время уже были двоюродные братья Николая Соломоновича

Мартынова Иван и Сергей Дмитриевичи, но уклад жизни, видимо, сохранялся прежний. Сын Николая Васильевича, Б.Н. Чичерин, профессор Московского университета, о Мартыновых вспоминал так: «Старший, Иван Дмитриевич, добродушный хлебосол, жил в соседнем с Оржевкою селе Хилкове. Сюда в день его рождения или именин, 1 августа, стекались толпы народа, не только из Кирсановского уезда, но даже из соседних губерний. Тут с утра до ночи был пир горой, театральные представления, музыка, бал, продолжавшийся до восхода солнца, когда все разъезжались. Второй брат, Сергей Дмитриевич, был, напротив, скряга; он ездил по гостям с огромным пукон ассигнаций, завернутых в грязный платок, и, играя по маленькой в карты с дамами, как бы нечаянно приделывал хвостики к записанным им нулям <...>. Об этой Оржевке ходили бесчисленные анекдоты, которые забавляли соседей. Помню, между прочим, достойный пера Гоголя рассказ о разговоре между братьями Мартыновыми. После долгого раздумья Сергей Дмитриевич обратился к старшему брату с вопросом: «Не правда ли, братец, как это странно, что все реки впадают в Волгу? Например, Цна впадает в Оку, Ока в Волгу; Ворона впадает в Хопер, Хопер в Волгу». Иван Дмитриевич был совершенно озадачен этим неожиданным открытием. Поразмыслив хорошенько, он отвечал: «Да, в самом деле, это очень странно»²⁸.

Видимо, не случайно Б.Н. Чичерин вспомнил Н.В. Гоголя. В его мемуарах оржевские Мартыновы действительно напоминают персонажей гоголевских «Мертвых душ».

Прежде чем поведем речь о Соломоне Михайловиче Мартынове и его семье, посвятим несколько слов его младшему брату Савве. Савва родился 17 декабря 1780 г.²⁹. В 1793 г., когда его имя было внесено в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии, он владел недвижимым имением Пензенского наместничества Инсарской округи в селе Пятницком Липяги тож наследственных мужского пола 50, женского пола 47 душ. В этом же селе и имел жительство «для окончания наук»³⁰.

О Савве Мартынове Ф.Ф. Вигель писал: «Отец его, Михаил Ильич <...> будучи уже стар, вступил <...> в третий брак с дочерью какого-то подьячего Дрындына, и последним плодом одного был этот Савва. (А.Н. Нарцов поправляет Ф.Ф. Вигеля: за Дрындыным была замужем сестра последней жены Михаила Ильича, Екатерины Ивановны, урожденной Нелюбовой.) С ребячества был он примечателен гнусным безобразием и чрезмерным самолюбием; в первой молодости, получив первый офицерский чин и владея только ста душами, оставил он службу и начал думать о средствах заменить искусством скудость даров фортуны. Он начал, как говорится, служить четырем королям и веровать в одного Вольтера, которого, выучившись по-французски, он одного только прочитал: можно посудить о его правилах и религиозных чувствах. Посвященный наконец во все таинства картежной игры, он приметно начал разживаться; удачно и расчетливо выставляемая им роскошь и смелая болтовня дали в Пен-

зе большой ему вес. Но он оставил ее, ибо Москва представляла ему гораздо богатейшую добычу».

Когда началась война с Наполеоном, Савва Мартынов и его приятель Жедринский вернулись из Москвы в Пензу. «Оба они в Пензе щеголяли французским диалектом, — вспоминал Вигель. — У Жедринского был выговор лучше, зато Мартынов говорил бегло и безошибочно: это, вероятно, дало им надежду, что Наполеон, покорив Россию, назначит их, прапорщика и титулярного советника, префектами в завоеванной им провинции. Вот к каким людям побежал я за известиями, может быть, утешительными! Я нашел их в самом веселом расположении духа; на вопрос мой отвечали они мне, что оставили Москву, так сказать, почти накануне ее сдачи. «Согласитесь, — улыбаясь, сказал мне Мартынов, — что смешно и безрассудно противиться великому человеку, у которого полмиллиона войска и две тысячи пятьсот пушек». Негодование оковало мне язык <...>. Не говоря ни слова, встал я и вышел, и долго молчание мое с ними не прерывалось».

После войны Савва Михайлович вновь переселился в Москву, потом окончательно поселился в Петербурге. Он был известен как страстный игрок на карты; однажды выиграл у князя Голицына (по прозвищу «Рябчик») целое имение под Петербургом — Тосно, которое отдал младшей дочери Нине, в замужестве княгине Багратион. Савва Михайлович скончался в Петербурге 3 мая 1864 г.³¹

С.М. Мартынов был женат на Марье Степановне Поскочиной и имел пятерых детей. Его первенец Николай родился 26 марта 1813 г. в Пензе³².

Николай Саввич Мартынов учился в юнкерской школе одновременно с Лермонтовым. Бытописатель порядков и нравов этой школы начала 1830-х гг. И.В. Анненков, отмечая пристрастие юнкеров к карточной игре, в своих мемуарах упоминал Николая Мартынова и его отца: «Я очень хорошо помню, что к одному из наших юнкеров, конно-пионеру Мартынову, вышедшему потом в офицеры в Гусарский полк, часто приходил отец его, известный игрок Савва Михайлович Мартынов. Сам он не играл с юнкерами, но любил следить за их игрой, делал наставления и с увлечением объяснял им теорию вероятности. Юнкера смотрели на него с особым уважением, а он разливался перед нами о прошлом старом времени, и нужно сказать, что он знал или, лучше сказать, пережил многое, так что рассказы его были очень занимательны, забавны и остроумны. В то время средства его и денежные дела были в самом блестящем виде, он жил открыто, давал музыкальные вечера, балы, куда съезжались все знаменитости городские, но потом я его видел уже дряхлым старичком, разорившимся, не имевшим даже возможности вести обыкновенную игру в Английском клубе, и, как кажется, сын его, к которому он приезжал в Школу, помог ему разориться»³³.

По словам А.Н. Нарцова (С.79), Николай Саввич служил в конной артиллерии, «имел дуэли, играл чудно на рояле» и пользовался большим успехом у

женщин, но умер холостым. Он вошел в историю также как пианист и композитор, стоявший у основания музыкального общества в Петербурге.

Видимо, этого Николая по ошибке имела в виду Екатерина Аркадьевна Столыпина (вдова Дмитрия Алексеевича Столыпина, брата бабушки М.Ю. Лермонтова), сообщая в письме к своей сестре Е.А. Верещагиной в Штутгарт 26 августа 1841 г. о свадьбе дочери: «Наталья Алексеевна [Столыпина] намерена была, как я тебе писала, прибыть на свадьбу, но несчастный случай, об котором, видно, уже до вас слухи дошли, ей помешал приехать, Мишеля Лермонтова дуэль, в которой он убит Мартыновым, сыном Саввы <...>»³⁴.

«НИЖЕГОРОДСКИЙ ОТКУПЩИК МАРТЫНОВ»

Столыпина, братья и сестры бабушки Лермонтова Е.А. Арсеньевой, родовыми корнями связанные с Пензой, видимо, хорошо знали детей Михаила Ильича Мартынова. О старинном знакомстве Мартыновых и Столыпиных были осведомлены и дети Николая Соломоновича. Его сын, Сергей Николаевич, например, писал: «Семейство отца, живя постоянно в Москве и имея так же, как и бабка Лермонтова, Арсеньева, имения в Пензенской губернии, издавна находилось в прекрасных отношениях с семьей поэта с материнской стороны. Неудивительно поэтому, что Михаил Юрьевич Лермонтов, живя в Москве в конце двадцатых и начале тридцатых годов, часто посещал дом моего деда...»³⁵.

Соломон Михайлович Мартынов родился 15 октября 1772 г. в селе Липяги Пензенского уезда. По свидетельству А.Н. Нарцова, он «был в детстве помолвлен с дочерью Суворова, которая умерла ребенком» (С. 50). В документе 1793 года о Соломоне Михайловиче Мартынове показано: «Соломон Михайлов сын Мартынов, 19 лет, холост, за ним имение Пензенского наместничества Шишкевской округи в селе Троицком Инициы [оно же Резановка] тож наследственных мужеска 50, женска 45 душ. В отлучке. Чином капитан. Служит в Севастопольском полку»³⁶.

Выйдя в отставку полковником, Соломон Михайлович вернулся в Пензу, намереваясь определиться к «статским делам». В 1804 г., во время дворянских выборов, он пробовал баллотироваться на должности инсарского уездного судьи и инсарского земского исправника, но набрал мало баллов. По случаю баллотировки в Дворянское депутатское собрание им был подан «аттестат» следующего содержания: «Объявитель сего, служивший в Гренадерском генерал-майора Мамаева полку подполковник Соломон Михайлов сын Мартынов, в службу вступил из российских дворян Пензенской губернии Шешкеевского уезда, в коем состоит за ним мужеска пола восемьдесят пять душ крестьян, 782 мая 23; лейб-гвардии в Преображенский полк сержантом 790 декабря 8; выпущен в армию капитаном 793 октября 31; майором 795 июня 22, подполковником 799 ноября 2. В походах находился 794 октября 24 при штурме и взятие местечка Праги, при завладении неприятельского ретранжемента, батареи и всей его артиллерии, и при занятии города Варшавы 799 августа 1; на кораб-

лях до галандских берегов того ж года сентября 1 при десанте на оные под Текселем; сентября 8 в сражении в Голландии под местечком Бергеном против французов, где и ранен пулей в правую руку. В штрафах не бывал. Холост. А в прошлом 1800 года по Высочайшему Его Императорского Величества приказу, отданному декабря в 7 день, уволен от полковой службы к статским делам»³⁷.

В 1807 г. С.М. Мартынов вновь выставил свою кандидатуру — на должность инсарского уездного предводителя дворянства, однако не получил ни одного голоса. В этом же году он значится и в списках баллотировавшихся на должность депутата от Инсарского уезда для составления дворянской родословной книги, но тоже не был избран по количеству баллов³⁸.

Материальное положение Соломона Михайловича также было не блестящим. В Приходной книге дворянской казны Пензенского дворянского депутатского собрания от 13 октября 1808 г. есть такая запись: «Принято от полковника Соломона Михайлова сына Мартынова при внесении занятых им в 1805 году июня 10 дня пяти сот рублей за просрочку сего года июня с 10 октября по 14 число процентных восемь рублей шездесят копеек, добровольных восемь рублей шездесят копеек и за невнос в срок капиталных штрафных по копейке с рубля за три месяца пятнадцать рублей. Итого тридцать два рубли дватцать копеек»³⁹. Через три дня после выплаты просроченных процентов, 16 октября 1808 г., Соломон Михайлович вновь занял у дворянской казны 500 рублей на три года. Поручителями его были прапорщик Савва Михайлович Мартынов и коллежский асессор Михаил Николаевич Новиков⁴⁰.

В связи с займами в дворянской казне Соломон Михайлович вместе с Александром Алексеевичем Столыпным, братом бабушки М.Ю. Лермонтова, в 1809 — 1810 гг. попали в неприятную историю: они оба стали поручителями некоего господина Ванникова, который по каким-то причинам перестал платить долги. Погашение задолженности дворянское собрание в октябре 1809 г. переложило на поручителей заемщика. Саранский земский суд должен был взыскать с полковника Соломона Мартынова и коллежского асессора Александра Столыпина двести рублей с процентами, но поручители оплачивать чужие долги готовности не проявляли и еще в декабре 1810 г. числились среди должников⁴¹.

Во время дворянских выборов на трехлетие 1811 — 1814 гг. С.М. Мартынов свою кандидатуру на должности уже не выставял. В списке дворян Инсарского уезда в графе «Кто из них [дворян] пребывает в жительстве в своих деревнях, а кто где во временном или всегдашнем отсутствии» против фамилии Соломона Мартынова написано: «При откупах»⁴². Видимо, к этому времени (январь 1811 г.) дальнейший жизненный путь полковника в отставке С.М. Мартынова уже определился.

О Соломоне Михайловиче Мартынове Ф.Ф. Вигель воспоминаний не оставил, но один раз в своих «Записках» его все-таки упомянул. В январе 1812 г. в своем пензенском имении Симбухино умер отец Филиппа Филипповича, быв-

ший пензенский губернатор (с 1801 по 1809 г.) Филипп Лаврентьевич Вигель. Семья Вигелей оказалась в затруднительном материальном положении. В связи с этим Ф.Ф. Вигель писал: «Один нижегородский откупщик Мартынов, за проданную и поставленную ему водку, был должен пятнадцать тысяч рублей отцу моему, но под разными предложениями отказывался уплатить сии деньги, как ни просили его и на него, так что долг сей почитали мы пропавшим. Видно, вдруг ему стало совестно, ибо он прислал мне эту сумму сполна, при письме, в котором объясняет, что, узнав о стесненном положении нашего семейства, хотя и сам находится в затруднительных обстоятельствах, далее откладывать уплаты не хочет».

Известен факт близкого знакомства С.М. Мартынова с Аркадием Алексеевичем Столыпиным.

А.А. Столыпин, впоследствии сенатор, с юности был дружен с М.М. Сперанским. Когда Сперанский попал в опалу и был сослан в Нижний Новгород, жил под полицейским надзором, Столыпин его неоднократно навещал. 11 апреля 1812 г. нижегородское губернское начальство доносило министру полиции: «7-го числа приехал из Пензенской губернии отставной сенатский обер-прокурор Столыпин, остановился в доме содержателя питейных сборов отставного полковника Мартынова и пробудет в Нижнем до последних чисел апреля для получения следующих с Мартынова за поставку вина 60 000 рублей. Он имеет ежедневное свидание с Сперанским и, по-видимому, короткое с ним обращение». 6 июня в другом донесении сообщалось: «27-го мая опять приехал Столыпин и опять остановился в доме Мартынова, который 28-го выехал с семейством в Москву. Он располагает пробывать в Нижнем недели три и каждый день проводит время с Сперанским <...>»⁴³. Сперанский и Столыпин в это время, вероятно, часто встречались в доме Мартынова.

О нижегородском доме С.М. Мартынова А.Н. Нарцов писал: «Деревянный дом его в Нижнем Новгороде на улице, носящей его фамилию, был в 1825 году куплен у него для больницы приказа общественного призрения. <...> В 1830 году мартыновский деревянный дом сгорел. В Нижнем Новгороде С.М. часто бывал ради сестры своей игуменьи Дорофеи <...> с которой был очень дружен» (С. 50 — 51). А.Н. Нарцов же свидетельствовал, что преимущественно Соломон Михайлович с семейством жил в Москве в собственном доме в Леонтьевском переулке, который впоследствии унаследовал Николай Соломонович.

А в процитированном донесении министру полиции от 11 апреля 1812 г. С.М. Мартынов назван содержателем питейных сборов. Винными откупами в Пензенской губернии занимались очень многие предприимчивые помещики. Соломон Михайлович, получив от многодетного отца, как мы видели, совсем небольшое наследство, чтобы поправить состояние, также занялся винными откупами. В возрасте 39 лет, в 1811 г., он выгодно женился на Елизавете Михайловне Тарновской (которая была моложе его на 17 лет), взяв за ней хорошее приданое, которое также было вложено в винные откупа. Дело, видимо,

шло с переменным успехом. Если в 1812 г. долг Мартынова казне по винным откупам составлял 60 000 рублей (для получения которых и приезжал к нему в Нижний Новгород сенатский обер-прокурор А.А. Столыпин), в 1817 г. сумма недоимок превысила 500 000 рублей. Об этом свидетельствует «доношение» самого Соломона Михайловича и его жены в Пензенскую дворянскую комиссию: «...но как должным я состою по казенному взысканию винных откупов по недоимке более пятисот тысяч рублей с залогом как моего, равно и жены моей имения <...> следующих с доходов процентов предоставить мы не можем, о чем имею честь известить. Октябрь 12-го дня 1817 года. Нижний Новгород»⁴⁴.

В 1831 г. Соломон Михайлович обратился в Пензенское дворянское депутатское собрание с просьбой внести в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии его детей. К прошению были приложены, как полагалось, «список по форме», в котором давалась информация о самом просителе, его семье и недвижимом имуществе, а также метрические свидетельства о рождении четверых его детей: Михаила, Николая, Юлии и Дмитрия.

В «списке по форме» значится (март 1831 г.): «Соломон Михайлов сын Мартынов <...> 59 лет. Женат на дворянской дочери Елизавете Михайловне Тарновской. Детей имею: Елизавету 18 <лет>, Екатерину 17, Михаила 16, Николая 15, Наталью 12, Июлию 9, Дмитрия 6, Марью 2 <года>. Имение за мною состоит Пензенской губернии Инзарской округи в селе Резановке и деревне Дмитриевке мужеска пола 283, женска 317 душ и Пензенской округи в селе Кучук Паре мужеска 81, женска 84 души. Взятых мною в приданое за женою моею Санкт Петербургской губернии Саркосельского уезда в деревне Соснице мужеска 204, женска 216 душ, Пензенской губернии и округи в селе Кучук Паре и деревне Бартеневке мужеска 93, женска 107 душ. Инзарской округи в деревне Дмитриевке мужеска 72, женска 78 душ, Симбирской губернии Ардатовского уезда в селе Сырсах мужеска 23, женска 27 душ, Новгородской губернии Тихвинского уезда в деревне Заозерье мужеска 38, женска 42 души. Жительство имею в столичном городе Москве. Чином полковник. В отставке. К сему списку полковник Соломон Михайлов Мартынов руку приложил»⁴⁵.

Таким образом, по данным на 1831 г., в собственности семьи Соломона Михайловича в четырех губерниях страны находились 794 крепостные души мужского пола и 871 душа женского, причем более половины этих крепостных принадлежали его жене (433 души м. п. и 470 душ ж. п.).

Соломон Михайлович в Москве продолжал заниматься винными откупами. Московский лермонтовед Д.А. Алексеев пишет: «А.Б. Абаза, С.М. Мартынов и компания держали винный откуп в Москве с 1827 по 1835 гг., выплачивая в казну ежегодно огромную сумму (после 1830 г.) 600 тысяч рублей». За злоупотребления по Московскому питейному округу С.М. Мартынов и статский советник А.В. Абаза, по доносу мещанина Малявина, были оштрафованы на 16 000 рублей. Приговор был вынесен Московской палатой уголовного суда и утверж-

ден Правительствующим Сенатом. Деньги с виновных взысканы. Партнер С.М. Мартынова А.В. Абаза жаловался в апреле 1832 г. на необыкновенный упадок продажи «откупных питей» в Москве по сравнению с предыдущими годами, который угрожает им «совершенным разорением»⁴⁶. Возможно, по этой причине Соломон Михайлович направил свои устремления на новые земли — великую российскую Сибирь, где вознамерился построить винокуренный завод. Он решил заняться в Сибири винными откупами.

Д.А. Алексеев показывает, что 28 сентября 1834 г. С.М. Мартынов заключил в Правительствующем Сенате контракт на содержание с 1835 по 1839 г. питейного откупа в Омской губернии под залог из своих и жениных имений 387 ревизских душ на сумму 96 750 рублей. В это же время он берет откупы и в г. Верхоуральске Оренбургской губернии⁴⁷. В документах ГАПО эти факты отражения не нашли. Зато в Пензе было заведено дело, связанное с винными откупами С.М. Мартынова в Томской губернии.

В том же 1834 г. С.М. Мартынов выиграл торги на содержание питейных сборов в г. Канске Томской губернии на период 1835 — 1839 гг. На это предприятие он заложил в казну еще 188 крепостных душ крестьян из своих пензенских имений и 66 душ, вверенных ему пензенским помещиком Ахматовым, — всего на сумму 24 750 рублей. По этой причине Томская казенная палата завела переписку с Пензенской палатой гражданского суда «о доставлении свидетельства по имению полковника Мартынова» и его делового партнера помещика Ахматова и удостоверении о «целости и благонадежности тех имений».

Таким образом, Соломон Михайлович, занимаясь винными откупами, заложил в казну большую часть своих и жениных пензенских имений. Винокуренный завод в Сибири он построить не успел. Он умер «от каменной болезни» 20 марта 1839 г. в Москве⁴⁸, вероятно, оставив своей жене многочисленные непоплатенные долги и не разделенное между детьми имение.

«НАШ ДРУГ МАРТЫШ НЕ СОЛОМОН, НО СОЛОМОНОВ СЫН»

Сыновья Соломона Михайловича хотя и были записаны в 6-й части Дворянской родословной книги Пензенской губернии, но фактически в этой губернии не жили.

Михаил Соломонович учился одновременно с Лермонтовым в юнкерской школе и в 1834 г. был выпущен корнетом в Лейб-Кирасирский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. В ГАПО хранится послужной список М.С. Мартынова, из которого следует, что в 1839 г. Михаил Соломонович находился при Отдельном Кавказском корпусе в экспедиции против горцев и «за отличие, против их оказанное», был награжден орденом Св. Владимира с бантом, а за взятие приступом укрепленного замка Ахульго имел серебряную медаль. Продвигаясь чинами по служебной лестнице, в 1842 г. получил звание ротмистра. В этом звании уволился в отставку «по домашним обстоятельствам» 8 января 1843 г.⁴⁹ Он умер до 1856 г.⁵⁰ Его вдова, Анна Петровна, урож-

денная Ушакова, проживавшая в Москве, в мае 1860 г. начала хлопотать о внесении своих сыновей Соломона и Петра в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии⁵¹. По свидетельству А.Н. Нарцова, оба сына Михаила Соломоновича потомства не оставили.

Дмитрий Соломонович Мартынов в 1856 г. ходатайствовал о зачислении его в дворянскую родословную книгу Калужской губернии, объясняя это тем, что женился на девице Демидовой, за которой получил в приданое имение с 274 душами крепостных в Жиздринском уезде, где и располагал иметь жительство⁵².

Николай Соломонович учился вместе с Лермонтовым в юнкерской школе, из которой был выпущен в 1835 г. корнетом в Кавалергардский полк. Судьба их сводила еще несколько раз и в последний раз свела в Пятигорске летом 1841 года: Н.С. Мартынов убил М.Ю. Лермонтова на дуэли.

Здесь мы не считаем нужным воссоздавать мемуарный портрет Николая Соломоновича: в лермонтоведческой литературе о нем написано много. Наша задача — показать его связь с Пензенским краем. Но, видимо, связь с отчинами своих предков для Николая Соломоновича не была дорога.

В 1855 г. Н.С. Мартынов начал хлопотать о внесении его в дворянскую родословную книгу Московской губернии. Среди документов, которые были скопированы в Пензенском дворянском депутатском собрании для пересылки в Москву, была и справка о недвижимых имениях Мартынова в Пензенской губернии: «Инсарского уезда в селе Резановке имение Николая Саламонова Мартынова числится по скаскам 9 ревизии дворовых людей мужеска пола 22 души, крестьян 302 души. При них земли пашенной 1644 десятины 1600 сажень, сенокоса 25 десятин 1408 сажень, лесу строевого и дровяного 475 десятин, под поселением, огородами, гумянниками и конопляниками 80 десятин 800 сажень, под выгоном 8 десятин, под речкою Юницею [Иницею — К. Т.], ручьями, дорогами и неудобной 4 десятины, всего 2278 десятин 1408 сажень. Имеется специальный план <...>. При имении заведений, рыбных ловлей, фабрик, заводов и прочих угодий нет <...>. Городищенского уезда в селе Ново-Бартеневке также есть имение за г. Мартыновым Николаем Саламоновым, заключается по 10 ревизии в

*Н.С. Мартынов.
Акварель Томаса Райта, 1843 г.*

26 душах, а по 9 ревизии состояло 20 душ. При имении земли удобной и неудобной 237 десятин; прежде она принадлежала отцу настоящего владельца, покойному Саламону Михайлову Мартынову»⁵³.

А в 1867 г. Николай Соломонович обратился к самарскому губернскому предводителю дворянства с ходатайством о перечислении его из Пензенской в Самарскую губернию в число дворян по Новоузенскому уезду⁵⁴. Как известно, у Н.С. Мартынова было 11 детей, но в пензенских дворянских родословных книгах они уже не числились.

В настоящее время в некоторых публикациях делаются попытки создания привлекательного образа Н.С. Мартынова, попытки представить его жертвой плохого характера М.Ю. Лермонтова. Однако каким бы плохим характером М.Ю. Лермонтов ни обладал, убийцей стал не он, а Мартынов. И каким бы хорошим ни был Н.С. Мартынов, клеймо убийцы гениального поэта он носит по праву.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 356.

² Тюстин А.В. Дворянский некрополь Пензенского края. // Журнал местной истории «Земство». 1995, № 5 (9). С. 71.

³ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 35, 36.

⁴ То же, л. 36, 36 об..

⁵ То же, л. 37.

⁶ Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 322 — 323. Нарцов А.Н. Материалы для истории родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Тамбов. 1904. Гл. «Мартыновы». С. 9 — 10.

⁷ Тюстин А.В. Дворянский некрополь пензенского края. С. 71.

⁸ Лермонтовский заповедник Тарханы. Документы и материалы. 1701 — 1924. Пенза, 2001. С. 33, 34.

⁹ Тюстин А.В. Дворянский некрополь Пензенского края. С. 71. А также: Тюстин А.В. Пензенский некрополь. Отформатированный вариант книги. С. 121, 122. С любезного разрешения автора.

¹⁰ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 40.

¹¹ Вигель Ф.Ф. Записки. В 2-х книгах. М., 2003. Кн. 2. С. 615, 661; кн. 1. С. 298. Все последующие цитаты из Записок Ф.Ф. Вигеля приводятся по этому изданию.

¹² Русский архив. 1868, № 11. Столбец 1773.

¹³ Цит. по кн.: Захаров В.А. Загадка последней дуэли. М., 2000. С. 207, 208.

¹⁴ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 320, л. 99, 102.

¹⁵ Белохвостиков Е. Странички пензенской истории. В 2-х частях. Часть 1. Пенза, 2008. С. 14 — 15.

¹⁶ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 85, л. 64 об.

¹⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 1. С. 22.

¹⁸ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 30.

¹⁹ Там же, л. 38 об.

²⁰ Волков А.В. Новые находки в лермонтоведении. // г. Улица Московская, № 23, 17 июня 2011. С. 12 — 13.

²¹ Тюстин А.В. Дворянский некрополь Пензенского края. С. 71; А.В. Тюстин. Пензенское дворянство. К 200-летию восстановления губернии. Пенза, 2001. С. 62.

²² ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 42, 42 об.

²³ ГАПО, ф. 108, оп. 1, д. 243, л. 109.

²⁴ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 2004. С. 313 — 314.

²⁵ Курмаев М. В. Библиофилы Пензенского края (конец XVII — начало XX века). // Краеведение. Пенза, 1999. Вып. 2. С. 3, 4.

²⁶ ГАПО, ф. 182, оп. 6, д. 52, л. 271 об.

²⁷ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 43.

²⁸ Воспоминания Б. Н. Чичерина. — Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 512.

²⁹ Нарцов А. Н. Материалы к истории рода Мартыновых и Слепцовых с их ветвями. Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 322 — 323.

³⁰ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 43 об.

³¹ Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 322 — 323.

³² ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 164.

³³ Воспоминания генерал-адъютанта И. В. Анненкова. Публ. Е. Н. Рябова. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. Гл. редактор Д. А. Алексеев. Вып. 1. М. — Воронеж, 2006. С. 59.

³⁴ Лермонтов М. Ю. ПСС в 10 томах. Т. 7. М., 2001. С. 265.

³⁵ Алексеев Д. А. Две статьи С. Н. Мартынова «История дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым» (Вопросы содержания и проблема авторства). // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Вып. 1. М. — Воронеж, 2009. С. 148.

³⁶ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 43 об.

³⁷ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 280, л. 110 — 110 об. Документ найден А. В. Волковым и приводится с его разрешения.

³⁸ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 283, л. 163, 165; д. 320, л. 78, 201. Документы найдены А. В. Волковым и приводятся с его разрешения.

³⁹ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 336, л. 13. Документ найден А. В. Волковым и приводится с его разрешения.

⁴⁰ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 335, л. 12. Документ найден А. В. Волковым и приводится с его разрешения.

⁴¹ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 351, л. 412 об., 690, 690 об.

⁴² ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 364, л. 184.

⁴³ Корф М. Жизнь графа Сперанского. В 2-х томах. СПб., 1861. Т. 2. С. 54, 55.

⁴⁴ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 467, л. 90, № 404.

⁴⁵ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1787, л. 145, 150, 148, 146, 147 об., 147, 146 об.

⁴⁶ Алексеев Д. А. О злоупотреблениях С. М. Мартынова по питейному откупу в г. Москве. // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Вып. 1. М. — Воронеж, 2009. С. 168.

⁴⁷ Алексеев Д. А. К вопросу о причинах увольнения Н. С. Мартынова от службы в 1841 г. // Указ. сб. С. 239 — 240.

⁴⁸ Алексеев Д. А. Метрическая запись о смерти С. М. Мартынова. // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Вып. 1. С. 168.

⁴⁹ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1873, л. 193 — 195.

⁵⁰ ГАПО, ф. 192, оп. 2, д. 1873, л. 195.

⁵¹ Там же, л. 191, 192.

⁵² Там же, л. 85.

⁵³ Там же, л. 129, 129 об.

⁵⁴ Там же, л. 764.

Николай СЕРАФИМОВ

**О «ТАЙНЕ» ДУЭЛИ
ЛЕРМОНТОВА
И ОДНОЙ
«ГИПОТЕЗЕ»**

К 175-летию гибели поэта

*«Не следует умножать сущностей без необходимости».
Уильям Оккам.*

Известно, что на вечеринке в доме Верзилиных Лермонтов в присутствии дам обидел насмешкой Мартынова. Насмешка послужила серьёзным поводом для разгорающегося между друзьями конфликта. Выслушивать после вечеринки нотацию от Мартынова не позволило Лермонтову его уязвлённое самолюбие, и в состоянии нервного возбуждения им было неосторожно брошено Мартынову предложение вызова его на дуэль. В запальчивости прозвучавшие слова Лермонтова и стали катализатором той реакции Мартынова, приведшей к обоюдодоопасной акции. Это предложение поставило Мартынова в очень сложное и трудное положение. Он был загнан в угол. Отказаться ему, обиженной стороне, от предложения разрешить конфликт дуэлью означало расписаться в трусости и тем самым обречь себя на вечное презрение в глазах Лермонтова и офицерского дворянского общества. Допустить потерю лица Мартынов никак не мог, и поэтому ему ничего не оставалось делать, как прислать к Лермонтову своего секунданта с просьбой дуэльного удовлетворения.

Секунданты пытались примирить друзей, но Мартынов считал, что не он первый предложил дуэль, а Лермонтов — что не он посылал секунданта. Самолюбие не позволило никому из них сделать первому навстречу друг другу шаг, чтобы потушить ссору. Разрешить эту тупиковую ситуацию, к сожалению, секундантам не удалось.

Между прочим, некоторые лермонтоведы приписывают Мартынову трусость и неумение владеть огнестрельным оружием. Поверить в это невозможно. Трусы на дуэль никого не вызывают. Дуэлями не шутят. Ведь на карту ставится собственная жизнь. Военные заведения России готовили для русской армии искусных воинов,

прекрасно владеющих холодным и огнестрельным оружием. Меткий выстрел Мартынова на дуэли свидетельствует о его умении владеть оружием. Кроме того, стрелял он на дуэли, держа пистолет «по-французски», то есть развернув его в горизонтальную плоскость. Это указывает, что Мартынов с различными способами стрельбы из пистолета был хорошо знаком.

В 1939 году в парижской эмигрантской газете «Возрождение» была напечатана заметка, в которой сообщалось: «Княгиня С.Н. Васильчикова любезно предоставила нам выдержку из неопубликованных воспоминаний её покойного мужа, князя Б.А. Васильчикова, сына секунданта Лермонтова». Вот что написал Васильчиков-младший: «Свои воспоминания об этой трагической дуэли отец поместил в семидесятых годах в «Русском архиве», но в этом изложении он, щадя память поэта, упустил одно обстоятельство, которое я, однако же, твёрдо запомнил из одного разговора моего отца на эту тему в моём присутствии с его большим другом Вас. Денисовичем Давыдовым, сыном знаменитого партизана. Отец всегда был уверен, что всё бы кончилось обменом выстрелов в воздух, если бы не следующее обстоятельство: подойдя к барьеру, Лермонтов поднял дуло пистолета вверх, обращаясь к моему отцу, громко, так что Мартынов не мог не услышать, сказал: «Я в этого дурака стрелять не буду». Это, думал мой отец, переполнило чашу терпения противника, он прицелился, и последовал выстрел». На чём основывалась уверенность секунданта Васильчикова в безобидном обмене выстрелами противниками? Непонятно. Накануне дуэли секундантам удалось расстроить дуэль? Отнюдь нет. Условием примирения для Мартынова было бы извинение перед ним Лермонтова. Об этом он сообщил секундантам, которым склонить Лермонтова к выполнению этого условия не удалось. В случае успешного переговорного процесса по примирению сторон затевать показушную кутерьму с дальней поездкой за город для обмена выстрелами в воздух уже не было бы никакой необходимости. Но поскольку успех в переговорах достигнут не был, то дуэль должна была состояться по всем правилам чести. На месте дуэли противники холодно раскланялись. Речи об отмене дуэли тут уже быть не могло. Представить себе, что кто-то из противников в присутствии секундантов первым предложит превратить дуэль в пародию — т.е. пострелять в воздух и тем самым обнажить свою трусость, отсутствие дворянской чести, достоинства — невозможно.

Это было бы и оскорблением секундантов, согласившихся представлять интересы смелых дуэлянтов, а не трусов. Дуэлями не шутят. Сообщая о словах Лермонтова: «Я в этого дурака стрелять не буду», Васильчиков тем самым перекладывал вину в гибели Лермонтова на него самого. Секунданты, мол, ни при чём, так как якобы должен был быть обмен выстрелами в воздух. Этой фразой Васильчиков неосознанно превращает Лермонтова в труса. Можно ли верить этой фразе, произнесённой Лермонтовым? Разумеется, у Лермонтова не могло быть желания стрелять в Мартынова. Повода для этого у него не было. Но громкогласно сообщать об этом на опасной для жизни дуэли, участником

которой он стал добровольно и без принуждения, было незачем. Если бы Лермонтов сказал её после промаха Мартынова, то это ещё было бы допустимым. Выкрикнуть же её до выстрела при свидетелях означало расписаться в страхе быть убитым и в попытке спрятаться за трусливое обещание не стрелять в противника. Это не соответствовало кодексу чести. Был ли Лермонтов трусом? Подобное допущение абсурдно. Его участие в дуэли с де Барантом и другие факты его биографии говорят об обратном. Тот же секундант Васильчиков писал: «... никогда не забуду того спокойного, почти весёлого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом уже направленного на него пистолета». По словам князя Б.А. Васильчикова, его отец думал, что выстрел Мартынова и был спровоцирован этими оскорбительными словами, сказанными в его адрес. Не скажи эти слова Лермонтов — так и выстрела б не было? Глубокое заблуждение. Стрелять Мартынов был обязан за более серьёзное оскорбление, полученное им в доме Верзилиных. Там Лермонтов в присутствии дам представил Мартынова в виде шута горохового, назвав того «горцем с длинным кинжалом». Простить подобную унижительную насмешку без принесения извинения Лермонтовым Мартынов не мог и сделал требуемый правилами дуэли прицельный выстрел в противника.

В журнале «Наблюдатель» от 1 января 1882 года был напечатан некролог «Памяти князя Александра Илларионовича Васильчикова». Автором некролога был некто В. Стоюнин. В некрологе он написал: «...стал (Лермонтов) унижать своего слабого противника в присутствии особы, которую тот (Мартынов) очень интересовался. Мартынов был наконец выведен из терпения и обратился к поэту с упрёками, в ответ на которые тот новыми шутками почти заставил его вызвать себя на дуэль. Она была, так сказать, навязана Мартынову, хотя вызов и последовал с его стороны. Расстроить её не было никакой возможности. Когда Лермонтову, хорошему стрелку, был сделан со стороны секунданта намёк, что он, конечно, не намерен убивать своего противника, то он и здесь отнёсся к нему с высокомерным презрением, со словами «стану я стрелять в такого д...», не думая, что были сочтены его собственные минуты. Так рассказывал князь Васильчиков об этой несчастной катастрофе, и мы записываем его слова, как рассказ свидетеля смерти нашего поэта». Какое слово обозначил В. Стоюнин одной буквой «д», неизвестно. Можно только гадать.

Противоправный намёк секунданта Васильчикова с предложением Лермонтову не убивать своего противника, несомненно, должен был делаться тихо и незаметно. По своей сути этот намёк выглядит преступным, поскольку предлагает Лермонтову стать мишенью для пули Мартынова. Лермонтов даёт на этот намёк согласие: «Стану я стрелять в такого д...» В изложении Стоюнина уже ничего не говорится о громгласности сказанной фразы. Ответ Лермонтова, несомненно, по громкости вполне соответствовал незаметному конфиденциальному намёку Васильчикова и свидетельствовал только об избыточных эмоциях Лермонтова, стоящего на пороге смерти. Можно полагать, что никто кроме Васильчикова от-

вета поэта не слышал. Значит, негромкий ответ спровоцировать выстрел Мартынова не мог. Васильчиков в рассказе Стоюнину об этом не говорил.

В своих показаниях на следствии Мартынов рассказал о насмешках, отпускаемых Лермонтовым по его адресу ранее, но о грубом оскорблении Лермонтовых на дуэли в присутствии секундантов он ничего не сказал. Тогда как в интересах Мартынова имело бы смысл сообщить об этом следствию, которое это оскорбление могло дополнительно учесть как обстоятельство, смягчающее вину Мартынова. На следствии именно этого и добивался Мартынов. Суды обязательно принимали во внимание оскорблённое чувство чести для вынесения справедливого приговора.

Когда Лермонтов был сражён метким выстрелом Мартынова, то, следовательно, роковой намёк Васильчикова превратил его в косвенного виновника гибели Лермонтова. Васильчиков должен был это понимать.

Неужели не понимал и рассказал об этом Стоюнину? Это выглядит странным и удивительным. Между прочим, в воспоминаниях Васильчикова-младшего о намёке отца не говорится ни слова.

Намного ранее, в 1869 — 1871 году (точно в каком году, не установлено), в иной исторической обстановке журналист М. Семевский записал рассказ Васильчикова, содержание которого, касающееся его совета на дуэли Лермонтову, прямо противоположно воспоминаниям Васильчикова в изложении Стоюнина и Васильчикова-младшего. Вот в сокращении торопливо сделанная запись Семевского: «...Смерть самая трагическая, в 6 или 7 часу, он ехал на беговых дрожках маленьких, я верхом. Он наперёд сказал, что стрелять не будет, и Мартынов стрелять не будет. Глебов зарядил пистолет Мартынову, а я Лермонтову зарядил (оттого я и назвался секундантом). Лермонтов всё отшучивался (он его считал фанфароном, пустым кавалеристом). Я по лицу видел, что Мартынов убьёт: «Посмотри на Николая Соломоновича. Это ведь не шутка, стреляй». Лермонтов, прижимая правой рукой, вскинул на левое плечо, отвернулся и, презрительно улыбнувшись, покачал головой; это был его последний жест». Тут в изложении Семевским рассказа Васильчикова чувствуется желание спасти Лермонтова, а не подставить его под пулю Мартынова, как пишет Стоюнин в некрологе. Здесь у Васильчикова Лермонтов не произносит ни одного слова. Этот самый ранний рассказ Васильчикова Семевскому, ещё не откорректированный конъюнктурными соображениями во времени, вызывает большее доверие, чем те опереточные сцены дуэли, о которых поведали Стоюнин и Васильчиков-младший, когда в живых уже не было ни Мартынова, ни Васильчикова.

Противоречивые воспоминания секунданта Васильчикова, записанные Семевским, Стоюниным, Васильчиковым-младшим в разное время, усиливают сомнения в произнесении Лермонтовым слов: «Стану я стрелять в такого д...». Если же есть малейшее сомнение в этом, то считать эту фразу историческим стопроцентным фактом уже нельзя и использовать её для реконструкции поединка будет грубейшей ошибкой. В следственных показаниях Васильчико-

ва эта фраза, якобы произнесённая Лермонтовым, не была упомянута и, соответственно, не была зафиксирована.

Неожиданная смерть молодого Лермонтова, даже не в бою с горцами, а в мирной обстановке тихого курортного городка, потрясла людей. Гибель Лермонтова, казалось бы, без серьёзных оснований выглядела нелепой, бессмысленной. Это трагическое событие обрело у них ореол таинственности. Исследовательский инстинкт вызывал у лермонтоведов естественный соблазн раскрытия этой тайны. Как же решалась ими эта задача?

Слабые школьники решение арифметической задачи начинают, подсмотрев ответ в задачнике. После этого, производя всевозможные алогичные арифметические действия, они подгоняют решение под этот ответ. Вот таким же образом часть лермонтоведов ещё с досоветского периода начинала обратный отсчёт времени, конструируя по своему вкусу схему предшествующих событий так, чтобы подогнать их под известный дуэльный финал. В их головах никак не укладывалось, что ведь могло сложиться на дуэли совсем по-другому. Могли остаться в живых оба дуэлянта, могли погибнуть оба или мог быть убитым Мартынов. Дуэль вообще могла не состояться в случае замирения поссорившихся приятелей. Предугадать все варианты невозможно. Поскольку таинственности в большей степени соответствуют различного рода подковёрные игры, то ключом к разгадке причины дуэли стала у многих теория заговоров, ставшая для них практически канонической. Для объяснения причины гибели Лермонтова такая позиция очень удобна, так как позволяет при отсутствии документов использовать в качестве аргументов сомнительные воспоминания, предвзятые предположения, мистификации, придавая им вид достоверности. Полёт фантазии тут может быть безграничен. Кого только не ставили во главу антилермонтовских заговоров! Тут и Николай Первый, и шеф жандармов Бенкендорф, и начальник штаба на Кавказской линии А.С. Траскин, и комендант Пятигорска В.И. Ильяшенков, и пятигорские жандармы, и компания мерлинистов в Пятигорске, и секунданты князь Васильчиков с Глебовым, и друг Столыпин. Совсем недавно, похоже, последнее вакантное место врага и заговорщика заняла приятельница Лермонтова красавица Эмилия Клингенберг вместе с Мартыновым.

Несчастливая женщина и вышеперечисленные фигуранты, вероятно, теперь в гробах переворачиваются от наветов иных «исследователей», легкомысленно взявших тяжкий грех на свою душу. Принеси Лермонтов свои извинения Мартынову, и все хитроумные заговоры по его уничтожению на дуэли лопнули бы, как мыльные пузыри. Грош цена таким заговорам!

Подбор враждебных Лермонтову заговорщиков не случаен. Суждения авторов, взращённых и творивших в советской эпохе, были круто замешаны на идеологии классовой борьбы, что и наложило сильный отпечаток на восприятие ими причины гибели «одинокого и мятежного» Лермонтова, «борца с царской тиранией». По их мнению, именно аристократия, «жадную толпой стоящая у трона», и разрабатывала многоходовую сложнейшую операцию по ликвидации в Пятигорс-

ке «свободолюбивого» поэта. Так сильно он досаждал «толпящимся» своим литературным творчеством и поведением, что просто обязан был быть уничтоженным во цвете лет! Агрессивная теория о существовании врагов народа, а значит, и врагов Лермонтова превалировала у этих авторов над здравым смыслом.

Эпиграф данной статьи является принципом логичного рассуждения, именуемым в философии «бритвой Оккама». Уильям Оккам был величайшим английским философом и логиком четырнадцатого века. Суть его принципа заключается в том, чтобы давать правильные объяснения явлениям мира. «Бритва Оккама» ни в коей мере не отказывается от рассмотрения сложных объяснений какого-то явления, но из всех предлагаемых объяснений, согласно этому принципу, самое простое объяснение и является самым верным. Этот принцип перекликается с мудрой русской пословицей: «Там, где просто, там ангелов до ста, а где мудрено, там ангелов ни одного». Поэтому не стоит искать коварных заговоров там, где для объяснения вполне хватает человеческих амбиций. Поступки Лермонтова были бы для многих людей намного понятнее, если бы они видели в Лермонтове живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, а не смотрели бы на него как на икону.

К слову сказать, «бритва Оккама» своим острым лезвием прекрасно выполняет свою очистительную миссию от умопомрачительных мистификаций, появившихся в последнее время в лермонтоведении, касающихся ещё и происхождения Лермонтова. «Бритва Оккама» надёжно защищает дворянское происхождение Лермонтова, честь его матери Марии Михайловны и отца Юрия Петровича от фантастических рассказов сочинителей (с небрежной лёгкостью распоряжающихся честью и достоинством других людей, к тому же давно почивших) о крестьянском, или чеченском, или еврейском происхождении великого русского поэта и прозаика. Незнание принципа «бритвы Оккама» провоцирует таких сочинителей на выдумывание сенсационных, деликатно выражаясь, «гипотез», подкреплённых «сущностями», в данном случае выдумками, составляющими многостраничные наукообразные опусы. Вот один из примеров подобных «сущностей», подгоняемый к изобретённой «гипотезе» о чеченском происхождении поэта. В ней читателям предлагается в качестве отца Лермонтова предводитель чеченского народа Бейбулат Таймиев, а мать Мария Михайловна, почти девочка, предстаёт в виде распущенной девицы, лишённой в процессе воспитания у своей религиозной матушки нравственных христианских ориентиров, для которой седьмая заповедь Христа «Не прелюбодействуй» (Не прелюбы сотвори) пустой звук. К тому же поведение малолетней Марии Михайловны удивительнейшим образом почему-то находилось вне поля зрения, то есть без контроля, строгой и мудрой матери Елизаветы Алексеевны, стремящейся создать благополучное будущее своей дочери. Подробности этой странной связи Таймиева и Марии Михайловны автор опускает, понимая, что на подробностях мистификаторов ловят. Отец Лермонтова Юрий Петрович выглядит в «гипотезе» несимпатичным меркантильным типом, кото-

рый из корыстных соображений идёт на сделку с «ловкой» Елизаветой Алексеевной, предложившей ему в жёны свою дочь для сокрытия её греха и спасения чести семьи. Идём далее. Трёхлетнего Лермонтова, якобы незаконнорождённого в 1811 году, вторично — тайно и ложно по наущению бабушки для спасения чести своей дочери — регистрируют как новорожденного 2 октября 1814 года. Надо полагать, что предварительно была уничтожена запись о рождении в 1811 году. Незамеченным такое преступление в регистрационном журнале — вытравленная химией запись или вырванный лист — остаться не могло. Это ясно сейчас и было понятно в то далёкое уже время. Кто мог решиться на такое деяние, следствием которого было бы суровое наказание? Никто. Это означает, что все воцерковленные участники этих конспиративных акций нарушили 9-ю Божью заповедь: «Не лжесвидетельствуй», совершив тем самым преступление. Ради чего? Поверить в это невозможно. Можно представить, как отчитал бы священник Елизавету Алексеевну (бабушку поэта) за предложение фальсификации даты рождения своего внука с непредсказуемыми для того последствиями! Предположим, что как-то тайно, заглушив голос своей совести, священник мошеннически всё же регистрирует рождение в 1814 году 2 октября, но скрыть эту ложно сделанную в метрической книге запись рождения ребёнка от церковного притча невозможно. Представить, что весь притч задействован в этом лжесвидетельствовании, тоже нельзя. Подобная тайна сродни секрету Полишинеля. Священнослужители отдавали себе отчёт в том, что это преступное деяние чревато серьёзными последствиями для их карьеры. Главное же, оно противоречило их религиозным убеждениям. Значит, для регистрации новорожденного в метрической книге необходимо его наличие с одновременным обрядом крещения. Вот тут-то и возникает непреодолимое препятствие в регистрации трёхлетнего Лермонтова в виде десятого спасительного догмата символа веры, читаемого восприемниками новорожденного при крещении. Этот догмат гласит: «Исповедую едино крещение во оставление грехов». Спасительный догмат означает, что человек рождается единожды и крещение у него одно. Вторично человека крестить нельзя. Если всё же предположить рождение Лермонтова в 1811 году, то представить, что верующие мать и бабушка отложили его крещение на неопределённые годы в будущем, невозможно. Это абсурд! Регистрация лиц дворянского звания и лиц духовного звания в метрических книгах велась аккуратно. Если представить зашоренность восприемников, служителей церкви, не способных в 1814 году отличить трёхлетнее дитя от новорожденного, то верующие родители и богомольная бабушка Елизавета Алексеевна сами себя обмануть не могли. Дважды (в 1811 и 1814 годах) крестить сына и внука означало бы для них отречение от православной веры и от Господа Бога. Представить такое? Нонсенс! Неимоверное нагромождение надуманных «сущностей» по Оккаму в виде прегрешений, приписываемых значительному числу людей, делают предлагаемую «гипотезу» архисложной, абсолютно неправдоподобной и неубедительной.

В «гипотезе» автором распущенность современных нравов искусственно проецируется на прошлое в расчёте на обывательское представление о морали. Предлагаемый без смущения проступок Марии Михайловны, формирующий её опошленный образ, никак не соответствует нормам поведения того общества, к которому она принадлежала. Автору для подкрепления «гипотезы» из-за отсутствия документальных доказательств ничего не остаётся делать, как опираться при конструировании этнобиографии Лермонтова на его поэзию, в которой тот якобы «кричит» о своём чеченском происхождении то ли по подсказке генов, то ли в результате откровений бабушки, поведавшей внуку тайну его чеченского происхождения. Это всего лишь субъективная интерпретация лермонтовской поэзии автором «гипотезы» в нужном ему направлении. Верит ли сам автор «гипотезы» ей? Сомнительно. Автор и сторонники этой «гипотезы» 200-летний юбилей Лермонтова отметили на Лермонтовской конференции в Грозном, как и положено, в 2014 году. Печально, что в юбилейный год поэта ему был сделан «подарок», затрагивающий с не лучшей стороны честь и высокую нравственность его матушки Марии Михайловны Лермонтовой и всей его родни. В неприглядном виде представлен и Бейбулат Таймиев. Жаль, что при сочинении этой гипотетической сказки не принимались во внимание мудрые указания пророка Магомета: «Остерегайтесь предположений. Поистине, предположения — самые лживые мысли» и «Ни о ком не отзывайся дурно».

Но вернёмся снова к дуэли и сделаем вывод: с уходом в прошлое идеологических установок будет ярче и отчётливее вырисовываться реальная картина обыденной, никем не подстроеной, спонтанной ссоры двух стародавних честолюбивых приятелей с трагическим финалом. Об этом дотошные следователи в 1841 году беспристрастно, без тайн и загадок, представили русской истории документ «Дело о произошедшем поединке, на котором отставной майор Мартынов убил из пистолета Тенгинского пехотного полка поручика Лермантова».

С. -Петербург, 2016 г.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Стоюнин В. Памяти князя Александра Илларионовича Васильчикова. // Наблюдатель — 01.01.1882.

Чекалин С.В. Лермонтов не вернётся в СПб. //Юность — 1981 — № 9.

Алексеев Д.А. Почему я не согласен... // Материалы международной научной Лермонтовской конференции. 28 — 30 мая 2014 г. Грозный.

Вахидова М.А. Не знавший равного себе... // Материалы международной научной Лермонтовской конференции. 28 — 30 мая 2014 г. Грозный.

Очман А.В. Всё это было бы... // Материалы международной научной Лермонтовской конференции. 28 — 30 мая 2014 г. Грозный.

Яндарбиев Х.Ш. К загадке рождения поэта. // Материалы международной научной Лермонтовской конференции. 28 — 30 мая 2014 г. Грозный.

Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. — Санкт-Петербург, 2014.

Лин фон Паль. Проклятие Лермонтова. — Москва АСТ, 2014.

Хачиков В.А. Тайна гибели Лермонтова. — Москва АСТ, 2014.

Лидия ДОРОШИНА

**ПОЭЗИЯ
«СУРЫ»**

К 25-летию журнала

Идея посмотреть, какой поэтический поток заполнял русло «Суры» в минувшее пятилетие, появилась у главного редактора журнала Б.В. Шигина.

И он предложил мне, как блюстителю этого потока, сделать таковой анализ.

Примем во внимание, что «Сура» — журнал традиционной направленности. Впрочем, мы не избегаем новаторства, но предпочитаем, чтобы эксперименты и опыты не коверкали русского языка, а содержание текстов не выскакивало из поля русской культуры.

Рассматривать творчество каждого автора, чьи стихи украсили страницы журнала, с литературоведческих позиций — дело объемное, да и о многих из них имеются опубликованные исследования и рецензии, в том числе и в «Суре». Поэтому я выбрала «ненаучный» статистически-географический метод исследования.

Начну со статистики.

С 2011 по 2015 год включительно мы выпустили тридцать номеров журнала. В них напечатаны авторские подборки 108 поэтов.

Это члены Пензенского отделения Союза писателей России: Михаил Кириллов, Татьяна Кадникова (Авдеева), Елена Баринаова, Виктор Кельх, Лидия Терёхина (Дорошина), Виктор Сазыкин, Владимир Бахарев, Вера Дорошина, Роман Рябов, Лариса Яшина, Анатолий Аверьянов, Вячеслав Филонов, Виктория Хвалова, Ольга Правдина, Валерий Сухов, Нина Богдашкина, Владимир Бражников, Ольга Денисова, Светлана Попеева, Елена Чебалина, Вениамин Крутов, Виктор Агапов, Владимир Лазарев — всего двадцать один человек.

Причём некоторые из них — Татьяна Кадникова (Авдеева), Вера Дорошина, Елена Баринаова, Роман Рябов, Лариса Яшина, Ольга Денисова, Елена Чебалина, Лидия Терёхина (Дорошина), Валерий

НО СКАЗАННОЕ СЛОВО ОСТАЁТСЯ

Сухов — 9 человек являются постоянными авторами «Суры» и публиковались неоднократно.

Также не по одному разу печатала «Сура» стихи поэтов-пензяков Сергея Жидкова, Анны Мартышиной, Антона Шумилина, Анны Коржавиной, Евгения Феоктистова, Юрия Серебряника, Виктории Каляшиной, Владимира Антипова, Татьяны Рузаевой, Александры Одринной, Сергея Бударина (11 человек). Практически все они занимаются в литературных клубах «Берега» и «Я сень», работающих при журнале «Сура».

Тринадцать поэтов являются «открытием» «Суры» за эти годы, именно здесь опубликованы их дебютные подборки. Это Анна Скоробогатько, Ольга Живаева, Сергей Филин, Александр Пименов, Мария Владимцева, Александр Милованов, Виктория Сысоева, Артём Горшенин, Екатерина Комина, Юлия Арямова, Татьяна Петрайкина, Марина Баулина, Татьяна Кит.

Не остались без внимания и читатели журнала, которые пробуют себя на поэтическом поприще. Двенадцать авторов (хирург Константин Сергацкий, предприниматель Дмитрий Никитин, экономист, инвалид ВОЗ Юрий Салеев, сценарист Наталья Зименкова, журналист Юрий Фадеев, бывший милиционер Владимир Кремляков, рабочие Сергей Корякин и Алексей Куприянов, ветеран ВОВ Николай Махонин, врач Арсений Алексеев, режиссёр Ольга Токарева, бывший электросварщик, пенсионер Владимир Кравцов) напечатаны здесь под рубрикой «Творчество наших читателей».

Благодаря Интернету «Сура» получила широкую известность за пределами Пензенской области. Предложения и просьбы о публикации поступают со всех концов России и из-за её рубежей.

Под рубрикой «Гость «Суры» за пять лет мы опубликовали подборки тридцати двух известных современных русских поэтов (Диана Кан, Иван Тертычный, Николай Алешков, Вячеслав Михайлов, Светлана Демидова, Евгений Юшин, Николай Семичев, Владимир Шемшученко, Мария Струкова, Галина Таланова, Виктор Поляков, Елена Мартынова, Алексей Борычев, Сергей Шилкин, Александр Бывшев, Разиль Валеев, Геннадий Иванов, Светлана Сырнева, Мария Салий, Марина Кудимова, Алексей Громыхин, Вероника Сурняева, Вячеслав Омский (Барыбов), Владимир Силкин, Марина Анашкевич, Геннадий Ёмкин, Наталия Кравченко, Александр Тихонов, Александр Нестругин, Игорь Иванченко, Владилен Федосеев, Василий Попов), причём некоторые из них печатались в «Суре» также неоднократно.

Массовое поэтическое увлечение пензяков поэзией показывают коллективные публикации. Так, в № 1 за 2011 год напечатаны стихи участников клуба молодых поэтов «Берега» — 16 человек; четвёртый номер «Суры» за 2012 год был полностью посвящён молодым пензенским литераторам, среди публикаций здесь подборки 14 поэтов.

Под рубриками «К 70-летию Победы» и «Стихи о войне» напечатаны произведения 9 авторов.

Под рубрикой «Стихи о Лермонтове», № 5, 2014 г. — произведения 10 авторов, а «Стихи Лермонтову» — посвящения великому нашему земляку классиков современной русской поэзии Валерия Брюсова, Евгения Евтушенко, Глеба Горбовского, Михаила Кузьмина и Георгия Иванова.

«Новогодние ассорти», традиционно публикуемые в шестых номерах журнала, собрали стихи сорока трёх авторов.

Стихи сорока семи поэтов напечатаны при представлении двухтомника, составленного Л.И. Яшиной, о Пензе и Пензенском крае.

Не оставляет без внимания журнал и стихи победителей различных поэтических конкурсов, многие из которых проходят при непосредственном участии его сотрудников в работе жюри. Так, были напечатаны стихи победителей областного конкурса им. А.А. Сазонова — детей (6 человек); по итогам литературных конкурсов 2013 года — произведения трёх авторов.

Особо выделены в журнале разделы «Писатели — детям» и «Читаем всей семьёй», где публиковались стихи Виктора Агапова, Владимира Юракова, Галины Ильиной, Владимира Бредихина.

Печатались в «Суре» и коллективные подборки поэтов из других регионов: «Поэты Мордовии» — трёх авторов, «Поэты Сызрани» — шести авторов, «Поэзия Кострома» — трёх авторов, «Поэзия ДНР» — четырёх авторов, «Поэзия Ингушетии» — шести авторов, «К 50-летию основания Зареченского литобъединения «Радуга» — четырёх авторов.

И несколько слов о географии.

Среди поэтов земли Пензенской кроме непосредственно горожан-пензяков немало авторов из Заречного, Сердобска, Кузнецка, есть поэты из Нижнего Ломова, Тамалы, пос. Евлашево, Мокшана, г. Городища.

А гости «Суры» — известные поэты из Москвы, Новокуйбышевска, Набережных Челнов, Алма-Аты, Рязани, Тольятти, Саратова и Саратовской области, Нижнего Новгорода и г. Сарова Нижегородской обл., Самары, Орла, г. Салавата (Башкирия), Казани, Рузаевки, Кирова (Вятки), Санкт-Петербурга, Омска, г. Тары Омской обл., г. Юрги Кемеровской обл.

Публиковались на страницах нашего журнала как русскоязычные поэты-иностранцы: Марк Шевелёв (Германия); Мария Машнова (Харьков, Украина), так и переводы Ф. Самарина итальянских поэтов А. Клемма, Дж. Мои, М.-Г. Дженовезе; О. Денисовой и А. Грибанова — Э. Дикинсон (США), Ж.-Б. Пали (Франция).

Журнал «Сура» отводил страницы и для публикации очерков об ушедших от нас поэтах и их стихотворений. Мы помогли читателю вспомнить о Сергее Есенине, Анатолии Мариенгофе, Викторе Агапове, Валентине Виноградовой, Юрии Самсонове, Матрёне Смирновой и Галине Смирновой-Трубиной, Николае Каткове, Олеге Савине, Сергее Гуляевском, Александре Анисимовой, Романе Гуле, Борисе Милавине, Александре Сазонове, Дине Злобиной.

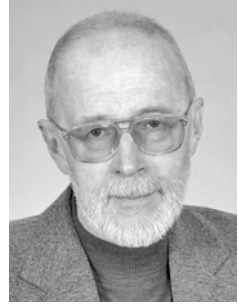
Лауреатами журнала за минувшие пять лет стали поэты Николай Переяслов (Москва), Вячеслав Филонов (Заречный), Сергей Шилкин (Салават), Анна Коржавина (Пенза — Москва), Елена Барина (Заречный), Ольга Денисова (пос. Евлашево Пензенской обл.), Роман Рябов (Пенза), Алексей Куприянов (г. Кузнецк Пензенской обл.), Марк Шевелёв (Германия), Иван Волосюк, Виктория Полякова, Иван Нечипорук и Оксана Егорцева (г. Донецк, ДНР).

Уже вышли первые номера «Суры», в которых читатель познакомится как с произведениями своих давних знакомых поэтов-пензяков — Фёдора Ракушина, Марины Герасимовой, Маргариты Разорёновой, Анны Коржавиной, Сергея Антипова, Нины Шеменковой, Владимира Лазарева, Нины Богдашкиной, члена СПР Михаила Рудакова, так и со стихами неизвестных многим поэтов — Владимира Навроцкого, Сергея Скорлякова, Александра Фролова, Евгения Шторма, Сергея Шевчука, Марии Просвирниной, а также стихами гостей журнала Натальи Леонович и Марины Воиновой, Валерия Воронова и других.

А мы, сотрудники журнала современной литературы, культуры и общественной мысли, выражаем надежду, что поэтический поток в русле «Суры» будет углубляться, шириться и приумножаться новыми талантами.

Николай ИНИУШКИН

**КОМПЛЕКСНОЙ
ПРОГРАММЕ
«ОТ КУЛЬТУРЫ КРАЯ —
К КУЛЬТУРЕ МИРА» —
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА**

Одно из самых бережно хранимых мною печатных изданий, пожалуй, и книгой-то не назовёшь. Так сказать, брошюрка меньше пятидесяти страниц. Но главное и дорогое для меня в этом издании даже не страницы, а мягкая обложка. Почему так? Да потому что 22 марта 1991 года руку к ней приложили люди, имена которых составляют гордость отечественной культуры и науки.

Под фразой «Дай Бог вам удачи!» стоят подписи академиков Д.С. Лихачёва, Э.Р. Тенишева, С.О. Шмидта, знаменитого художника-реставратора С. Ямщикова, митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Почему они оказали такую честь скромной внешне публикации, привезённой из провинциальной Пензы? И почему и где они собрались вместе?

Ответы на эти вопросы требуют обращения к некоей предыстории, имевшей место во всесоюзном и провинциальном масштабах, оказавшихся переплетёнными.

Начну с того, что 12 ноября 1986 года было учреждено общественное объединение, именовавшееся Советским фондом культуры. Первыми учредителями фонда выступили более пятидесяти творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры из всех союзных республик СССР. Председателем правления фонда был избран известный отечественный деятель культуры академик Дмитрий Лихачёв, а его первым заместителем — бывший второй секретарь Пензенского обкома КПСС, историк-краевед Георг Мясников, деятельность которого на ниве культурного строительства в Пензенской области в 1970 — 1980-х годах получила известность и высокие оценки в РСФСР.

Читатель догадался, что с именем Георга Васильевича появляется первая ниточка в родную для него провинцию. Ну а сам Мясников стал реальным организатором и руководителем фонда, междуна-

родную значимость которого несомненно усиливало членство в его правлении Раисы Горбачёвой, доктора философских наук и, главное, супруги Генерально-го секретаря ЦК КПСС М. Горбачёва.

Советский фонд культуры за короткое время сумел стать влиятельным культурным центром СССР. В период с 1986 по 1991 год, при поддержке государства, фондом были направлены на культурную деятельность средства, эквивалентные 100 миллионам долларов США.

По инициативе Советского фонда культуры началось возвращение в СССР архивных, музейных и библиотечных коллекций, уникальных документов и особо ценных предметов, которые были собраны и сохранены соотечественниками, вынужденными эмигрировать из России в годы революции и Гражданской войны. Девиз фонда гласил: сохранять и приумножать культурные ценности.

За время существования фондом были созданы десятки новых региональных музеев, проведены сотни всесоюзных и зарубежных выставок, фестивалей, конкурсов, концертов; изданы уникальные книжные памятники; учреждены периодические издания во многих регионах страны. Самым известным периодическим изданием Советского фонда культуры стал журнал «Наше наследие», основанный по инициативе Дмитрия Лихачёва в 1988 году.

Уже эта информация даёт представление о том, что международная значимость и контакты фонда не исключали, а предполагали региональную практическую поддержку, создание областных отделений влиятельной общественной организации.

Конечно, не оставался без внимания и Пензенский край. Первым председателем областного отделения Советского фонда культуры в 1988 году был избран К. Д. Вишневецкий, а его заместителем Н.М. Инюшкин.

При поддержке управления культуры Пензенского облисполкома получили специальное помещение, где регулярно проводили общественные обсуждения проблем в близкой нам по духу сфере провинциального бытия.

В 1990 году Кирилл Дмитриевич по случаю инфаркта не смог быть больше главой отделения фонда, и вакантный пост занял автор этих строк.

Сразу замечу, что корысти тут не присутствовало никакой. Дело было сугубо общественное, но меня искренне интересовавшее. Надо сказать, что уже в конце 1980-х годов количественное накопление в моей жизненной практике и осознание знаний о культурном своеобразии и богатстве родной пензенской земли стало подталкивать к каким-то новым качественно-практическим выражениям.

Так родилась идея, поддержанная и развитая другом и учителем, коллегой и соавтором К.Д. Вишневецким. Одобрил он и поддержал название комплексной программы, как-то сразу возникшее и представлявшееся содержательным и выразительным: «От культуры края — к культуре мира».

Над её содержанием и композицией поработали немало, так как хотелось в достаточно чёткой, практически ориентированной форме изложить систему

идей, которые могли быть полезны для целого круга людей, профессионально занимающихся культурными проблемами, преподавателей вузов, техникумов, школ и самого молодого поколения провинциалов.

Подготовленный документ содержал обоснование концепции программы, её специфики, путей осуществления, рассмотрение форм эффективной подготовки преподавательских и пропагандистских кадров, материальное обеспечение и, наконец, анализ проблем реализации в условиях рынка. Кроме этого, в приложениях были учебные программы: специальный курс для подготовки преподавателей дисциплины «Культура Пензенского края» в высших и средних учебных заведениях, для студентов гуманитарного и художественного профиля, а также программа, адресованная тем, кто учится в старших классах средней школы, гимназиях, лицеях и колледжах.

Показали написанное в областном управлении культуры, управлении народного образования, не обошлись без ещё обязательного в ту пору одобрения в обкоме КПСС, обсудили на кафедре мировой и отечественной культуры ПГПИ. Замечания были сделаны, но доминировала оценка весьма положительная.

Сказали не раз землякам спасибо за поддержку, но и я, и К.Д. Вишневский, и ещё начальник управления культуры Е.С. Попов понимали, что для успешной реализации идеи «От культуры края — к культуре мира» очень нужна поддержка всесоюзного масштаба.

Позвонил посоветоваться с Г.В. Мясниковым, с которым и на новой его должности мы связей не теряли. Он пригласил приехать в Москву, и вот уже вхожу с понятным волнением в дом на моём с детства любимом Гоголевском бульваре, где располагался Советский фонд культуры.

За годы делового творческого общения с Георгом Васильевичем я хорошо усвоил, насколько быстро и точно реагировал этот человек на идеи, положительно им оцениваемые. Так было и во время нашей встречи в фонде культуры.

Мясников не просто предложил, а твёрдо решил, что в провинции рождённая комплексная программа «От культуры края — к культуре мира» обязательно должна быть рассмотрена, обсуждена и поддержана президиумом Советского фонда культуры.

Когда я вернулся в Пензу, то, весьма довольные, даже немножко взволнованные, мы с Е.С. Поповым стали думать, кого из области включить в группу участников обсуждения в Москве. Решили, что она будет небольшой: Н.М. Инюшкин как соавтор комплексной программы, председатель Пензенского отделения фонда культуры, Е.С. Попов как официальный глава управления культуры и ещё директор совхоза «Пензенский» В.Н. Гуськов.

Ну с первыми двумя лицами понятно, но почему Гуськов? Конечно, не обладая даром предвидения о весьма значительной многолетней роли Владимира Николаевича в практическом воплощении нашей программы, об изменениях в

его социальном статусе, предложил несколько необычную кандидатуру на обсуждение в президиуме Советского фонда культуры автор этих строк.

А дело в том, что, возобновив когда-то ещё телевизионное знакомство с молодым агрономом, ставшим успешным хозяйственным руководителем, я поразился удивительной интеллигентской заинтересованности в сохранении памяти о В.О. Ключевском в родном для него селе Воскресеновке, где находился совхоз «Пензенский». Именно здесь по инициативе и поддержке В.Н. Гуськова был установлен первый памятник великому историку. Не случайно, что находился этот знак уважения к земляку возле нового здания средней школы, построенного при активной помощи директора совхоза. Комплексная программа «От культуры края — к культуре мира», с которой Владимир Николаевич познакомился, сделала директора совхоза желающим принять активное участие в её реализации.

И вот пришёл тот мартовский солнечный день 1991 года, когда мы были приглашены на заседание президиума Советского фонда культуры. Вопрос о нашей комплексной программе стоял в повестке дня весьма авторитетной в ту пору общественной организации первым, а когда маленькая пензенская делегация вошла в зал заседания, то перед каждым из членов президиума лежала та самая брошюрка с изложением сути документа, судьбу которого нужно было решить.

Д.С. Лихачёв, открыв собрание авторитетных членов президиума, представил слово провинциалу, листающему страницы своей жизни и считающего эту страницу весьма важной.

Поскольку выступление это вкратце излагает суть нашего замысла, надеюсь, что его содержание заинтересует и читателя.

«Уважаемые члены президиума!

Не знаю, хорошо ли начинать это сообщение с личного местоимения, но всё же рискну поступить именно так.

Я — педагог, работаю уже много лет с будущими учителями, и то, что изложено в представленной вашему вниманию программе, подсказано в первую очередь собственными, нередко горькими наблюдениями и размышлениями.

Одно дело читать про снижение интереса молодежи к культуре, потребность в ней, другое — постоянно видеть, как этот нарастающий процесс проявляется. Не хочу говорить обо всех, но всё большая часть молодых людей ограничивается наркотическим потреблением эрзац-искусства, а мировая культура в тёмной духоте видеосалонов приходит отнюдь не в образе Офелии и Лорелеи. И происходит это в значительной степени от того, что не знают люди своих корней, растут Иванами, родства не помнящими.

Так вот, цель и суть предлагаемой на обсуждение программы, конечно, никак не претендующей на роль панацеи, и заключается в том, чтобы попытаться действительно вмешаться в процесс декультуризации, противостоять ему.

Это попытка создать если не оптимальные, то лучшие условия для активного, заинтересованного освоения личностью подлинных ценностей духовного наследия, попытка вызвать и развить чувство сопричастности миру культуры.

На наш взгляд, наиболее благоприятные в этом плане возможности даёт та культурно-историческая среда, в которой наследие прошлого предстает доступно и зримо; среда, окружающая человека с детства и способная при известных условиях раскрыть огромный мир духовных связей и явлений, воспринимаемых не только рационально, но и эмоционально, образно. А ведь воздействие этой среды, так сказать, у порога отчего дома, многогранно. В любви к своей малой родине — источник истинного, не казённого патриотизма. И любовь эта тем вернее и органичнее, чем лучше с детских лет человек знает и сопереживает прошлое и настоящее родного края.

Но такая постановка вопроса вовсе не означает сужения проблемы приобщения молодёжи к истории и культуре до масштабов «уездного» патриотизма. Наша программа потому и называется «От культуры края — к культуре мира», что ставит задачей познание и переживание пензенской культурной истории как части общей истории нашей родины, более того, как части всемирной истории культуры.

Имеет ли Пензенская область основания претендовать на апробацию и последовательную реализацию той системы мероприятий, которая предложена вниманию Советского фонда культуры?

Земля наша — типичный среднерусский край с его ландшафтами, с лермонтовской «четой белеющих берёз», этнографическими традициями, край, где веками соседствует и взаимодействует культура русского, мордовского, татарского, чувашского народов.

И вместе с тем это край, уникально богатый выдающимися деятелями в различных сферах духовной культуры. Вы только послушайте, какие имена: Радищев, Лермонтов, Лажечников, Белинский, Загоскин, Огарёв, Салтыков-Щедрин, Лесков, Куприн, Гладков, Мейерхольд, Мозжухин, Пудовкин, Русланова, Савицкий, Лентулов, Татлин, Бекетов, Ульянов, Буслаев, Ключевский, Яблочков, Филатов, Захарьин, Бурденко...

Сколько нитей, живых связей тянется от этих дорогих русскому слуху имён к мировой культуре, сколько многообразны и благотворны взаимовлияния, сколько тонких воспитательных возможностей таит в себе понимание юными пензяками того, что мировая культура не есть нечто, находящееся в неведомом далеке. Её полноправные создатели и их земляки, питающие своё творчество национальными традициями, народной нравственностью и культурой и соединившие эту культуру с культурой мировой.

Приведу единственный пример. По инициативе пензяков недавно проводился международный мейерхольдовский симпозиум. В единственном в мире музее великого мастера — он расположен в доме, где прошли детские годы Всеволода Эмильевича, — собрались гости со всего света. По весенней сля-

коти по родной улице Мейерхольда с благоговением ходили и старенькая американка, и симпатичная японка, и итальянцы, и французы. И сколько жителей нашего города в те дни по-другому посмотрели на привычные места, с пропнувшейся гордостью осозная, сколь значим пензенский гимназист-театрал для мирового искусства.

Я не случайно подчеркнул, что мейерхольдовский симпозиум был проведён по пензенской инициативе и при самом активном участии нашей общности. Предлагаемая программа опирается на немалые традиции в экологии культуры в нашем крае.

«Музейный ренессанс», о котором несколько лет назад писал Д.С. Лихачёв, продолжается. Наряду с широко известными историко-литературными заповедниками в Тарханах, Чембаре, основательно отреставрированными и расширенными в последние годы, с музеем одной картины, уникальным музеем сценического искусства имени Мейерхольда появляются новые. Достаточно сказать, что за прошедшие пять лет число государственных музеев в области увеличилось более чем вдвое. Среди вновь открытых — Литературный музей в Пензе, музей братьев Мозжухиных в Кондоле. Уже в этом году были открыты музей Ключевского в Пензе, музей и бюст историка в селе Воскресеновка. Продолжается создание музеев в школах и других учебных заведениях. Много средств вкладывается в реставрации. Это мемориальный комплекс в Радищеве, памятники церковной архитектуры, здания в исторической зоне Пензы.

По-настоящему массовыми стали всесоюзные Лермонтовские праздники поэзии, широкий резонанс получают юбилеи деятелей культуры — наших земляков, научные конференции.

Лимит времени не даёт возможности сказать обо всём этом более подробно, но, если потребует дополнительная информация, мои коллеги охотно её дадут. Замечу только, что и Пензенское отделение СФК играет во всех этих делах активную роль.

Сделано и делается, как видите, немало. Но именно с опорой на эту базу необходим, по нашему убеждению, следующий шаг.

Комплексная программа поможет не только интегрировать в единую систему многочисленные, но разрозненные акции по сохранению, изучению и пропаганде культурного наследия. Главное в том, что она позволит впервые включить в учебно-воспитательный процесс с раннего детства до вуза систематическое знакомство с историей культуры Пензенского края.

Специальный курс, имеющий законное место в учебном плане, предлагается ввести во всех учебных заведениях — школах, лицеях, ПТУ, техникумах, вузах. Он будет не сбоку припека, а органически связанным с другими гуманитарными предметами, будет дополнять и обогащать их.

Этот учебный курс будет необычным. Оснащённым яркими видеоматериалами, включающим в себя увлекательные экскурсии по области, непосредственное участие в собирании свидетельств истории национальной культуры,

сохранении и реставрации памятников. И тогда вместо скопления домов — среда, которая заговорит, оживёт, наполнится значимым, волнующим содержанием.

Конечно, прежде чем всё это начнёт становиться реальностью, предстоит большая и непростая работа.

Представленный вам план мероприятий предусматривает последовательность этапов осуществления программы, начиная от создания фонда финансирования, организации творческих научных коллективов, подготовки кадров, тиражирования учебных пособий до начала практической апробации в отдельных учебных заведениях, а потом и по всей области.

Время плана реализации программы «От культуры края — к культуре мира» определите вы здесь в Москве и наше пензенское руководство — ведь одного желания для её воплощения мало. Вашему вниманию предлагается проект совместного постановления. А вот насчёт конца — ответит жизнь. Впрочем, недаром говорится: хорошее начало — половина дела».

После моего выступления слово было, конечно, дано и другим приглашённым из Пензенской области. Е.С. Попов заверил президиум Советского фонда культуры в системной поддержке комплексной программы со стороны областного управления культуры. Интерес и одобрение вызвал рассказ В.Н. Гуськова о своих усилиях как директора совхоза «Пензенский» по строительству нового здания школы в Воскресеновке, где родился и жил (1841 — 1851) В.О. Ключевский, возведению бюста выдающегося историка-земляка и созданию специального музея в новой школе. Своё эмоциональное выступление завершил просьбой к руководству Советского фонда культуры призвать не только региональные органы культуры и образования, но и руководителей в экономической сфере к активной поддержке концептуальных положений комплексной программы «От культуры края — к культуре мира».

Недолгое обсуждение представленного президиуму фонда документа закончилось его одобрением, поддержкой и пожеланием побыстрее начать практическую реализацию в регионе-инициаторе, а также других областях страны.

Так что, как говорилось тогда, за работу, товарищи! Чтобы придать уже на первом этапе этой работе организационную форму, кстати, в духе наступавшей рыночной экономики, был заключён хоздоговор с областным управлением культуры о работе по теме «Научно-методическое обеспечение комплексной программы «От культуры края — к культуре мира». Исполнителями были авторы программы, члены кафедры мировой и отечественной культуры ПГПИ, энтузиасты с других кафедр и активисты Пензенского отделения фонда культуры.

Конечно, далеко не все, намечавшееся в программе, было выполнено. Но уже в первом десятилетии ее существования выделю два компонента, кото-

рые, как и сама программа, получили одобрение и известность не только в региональном, но и всероссийском масштабе.

Это многолетняя деятельность по системному использованию историко-культурной среды в педагогическом процессе, воплощенная в Воскресеновской сельской школе. Сколько всего воистину творческого, воспитывающего молодое поколение в активной любви к малой родине сформировало «переживаемое время» и «переживаемое пространство»!

А от зари XXI века осталась уникальная для региона научно-просветительская акция, печатное обозначение которой значится на титульном листе книги, не потерявшей своей значимости. Оно гласит: «Издательская программа Министерства культуры Пензенской области «От культуры края — к культуре мира». Ну а если книга — это «Пензенская энциклопедия».

Убежден, что концепция программы-юбилея не устарела и с учетом социально-культурных трансформаций может быть разнопланово реализована в первую очередь в молодежной среде. Пензенский государственный университет уже стал тому своеобразной испытательной площадкой.

Успеха добиться непросто, но к тем, кто этого хочет, обращу слова, 25 лет назад написанные выдающимися деятелями науки и культуры России: «Дай вам Бог удачи!».

Вячеслав НЕФЁДОВ

**«ПЕВЕЦ
ЗЕМЛИ
ПЕНЗЕНСКОЙ»**

**К 120-летию со дня рождения
Н.И. Замойского**

*В литературе, как и в жизни, невозможно всегда быть правым.
Можно лишь прилагать к этому все старания.
Р.Л. Стивенсон.¹*

По словам философа Ж.П. Сартра, «человек — это не что иное, как то, чем он себя сделает».² Петя Зевалкин сделал себя классиком советской литературы. Помогли ему в этом собственный несомненный талант и ленинский план «культурной революции».³

Он родился 13 июня⁴ 1896 г. в селе Соболёвка Чембарского уезда Пензенской губернии.⁵ В 1903 г. мальчик поступил в Соболёвское земское начальное училище, где его учителем был Андрей Александрович Павкин, описанный позднее в «Подпаске». С 9 лет был Пётр пастухом, талант его проявился рано — стал сочинять частушки, басни и наброски рассказов.

В 1911 г. подросток ушёл пешком в Пензу, где поступил половым трактира⁶ у Евстифеева, — это было «горькое детство».⁷ 7 августа 1915 г. стал участником Первой мировой войны,⁸ что описал в своих мемуарах.⁹ 19 апреля 1916 г. был ранен в левую руку и контужен. 7 августа 1916 г. вернулся инвалидом в Соболёвку, где был выбран сельским писарем.

После отречения императора с февраля 1917 г. П. Зевалкин работал в сельском комитете, участвовал в занятии земель помещиков.

«В 1918 — 1921 гг. жил в Чембаре, заведовал внешкольным отделом и пролеткультом уисполкома, избирался членом и секретарём укома РКП(б)», — сообщает в «Чембарской энциклопедии» О.М. Савин,¹⁰ который ранее писал о Замойском и в «Пензенской энциклопедии».¹¹

В январе 1918 г. Пётр участвовал в революционных событиях в уезде и установлении советской власти. Чембарская партийная

коммунистическая организация была создана весной 1918 г. «при активном усилии»¹² Замойского и его товарищей.

Американский журналист Джон Рид в эти дни отметил в письме к писателю Эптону Синклеру: «Когда социальная революция начинается, интеллигенция всегда относится к ней критически и даже разочаровывается в ней».¹³ П. Зевалкин был из крестьян, поэтому обе полные драматизма революции 1917 г. он приветствовал.

Февральская революция стимулировала бурное развитие печатного слова. В Пензенском крае стали возникать многочисленные газеты и журналы, в том числе и в уездах, где до этого их, за редким исключением, совсем не было — по причине неграмотности большинства населения.

Интересы начинающих литераторов были довольно широки. Появилось множество авторов, среди которых и те, кто впервые пробовал силы в литературном творчестве. Почти ни одна газета, ни один журнал не обходились без стихов, рассказов или фельетонов. Возникли различные литературные кружки, общества и студии.¹⁴ Наиболее многочисленным и долговечным был «Пролеткульт», издававший журнал «Пролетарий».¹⁵ В Чембаре же Замойский стал одним из основателей и редактором¹⁶ первой уездной газеты,¹⁷ ныне известной как «Сельская новь».¹⁸

С 6 по 9 ноября 1918 г. Замойский был делегатом VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов, где видел и слышал В.И. Ленина. Об этом он сообщает в своих воспоминаниях.¹⁹ «Чувствовалось, — добавлял Замойский, — что каждый здесь всем своим существом дал торжественную клятву быть верным до конца великому и святому делу молодой Советской России».²⁰

Впоследствии Замойский написал рассказ «Письмо Ильичу», где есть «незнакомое слово: «Революция!».²¹ Если чеховский Ванька Жуков адресовал своё письмо «на деревню дедушке», то 12-летний Прошка из этого рассказа жаловался на свою горькую судьбу самому Председателю Совнаркома.²² Письмо было послано по адресу: «В Москву получить Ленину».²³ Ответ от главы советского правительства пришёл на адрес Чембарского уездного исполкома: «обратите серьёзное внимание на действия местной власти и на её отношение к беднякам. Об исполнении донести мне».²⁴ Все мечты Прошки в итоге были исполнены.

В начале 1920 г. Замойский в Чембаре «предложил поставить его пьесу «Тихвинка» на сцене Народного дома».²⁵ Ребята-комсомольцы с удовольствием согласились. Автор пьесы сам играл в спектакле, писал новые пьесы и рассказы. В январе 1921 г. в чембарской газете «Путь молодёжи» был напечатан его первый рассказ «Кулак и его дети».

В том же году центральная партийная газета «Правда» подарила соболёвцу Зевалкину всероссийскую известность — на её страницах был напечатан рассказ «В зелёном тумане», подписанный как П. Замойский. В 1921 г. Пётр Иванович уехал из Чембара на жительство в Москву. К сожалению, дом, в котором он жил, до наших дней не сохранился.²⁶

П.И. Замо́йский

В Москве «знаток русского характера»²⁷ окончил рабфак, стал с 1924 по 1934 г. одним из руководителей Всероссийского объединения Союза крестьянских писателей, находясь «на рассветном пути» социализма.²⁸ Занимался «беллетристикой для крестьян»,²⁹ как бы описывая и проживая жизнь «вместе с героем»³⁰ своих автобиографических сочинений.

Это было время, когда была «молодым везде у нас дорога».³¹ Большой вклад в замоёведение внёс его друг,³² литературовед Николай Иванович Страхов,³³ автор блестящей монографии³⁴ об авторе романа «Лапти»,³⁵ над которым писатель работал с 1922 по 1936 г., одновременно выпуская десятки сборников рассказов. С 1934 г. П.И. Замо́йский стал членом СП СССР. В то время это оз-

начало, что он более мог не работать, получив больше свободного времени и занимаясь исключительно литературным трудом, ведь М. Горький писал, что «на Руси всего лучше обеспечивают свободу человека — деньги».³⁶

Сам же Н. Страхов назвал Замо́йского «летописцем народной жизни».³⁷ Современные замоёведы ещё в начале XXI века издали обобщающий и наиболее полный на сегодняшний день интересно-познавательный «летописный» труд, посвящённый славному уроженцу Соболёвки.³⁸ В этом большая заслуга прежде всего составителей книги О.М. Савина и сына писателя Лоллия Замо́йского.

«Книга есть жизнь нашего времени»,³⁹ — эти слова «отца русской интеллигенции» В.Г. Белинского Замо́йский понимал как активное отражение «яркими красками»⁴⁰ новой окружающей послереволюционной действительности в своём творчестве. «Лапотники в трудовой учёбе у революции», — писал критик А. Дивильковский о творчестве Замо́йского 1920-х годов.⁴¹

В письме к начинающим авторам о труде писателя Замо́йский писал: «Тысячи видел я людей. Суровая школа жизни заставила изучить их. А тут ещё внутренний позыв к писательству, немалая начитанность (за стадом больше) и уже, как говорится, «приобщение к культуре» благодаря Октябрьской революции. Она-то и сделала меня писателем».⁴² Конкретное знание обычной жизни — основа художественного принципа автора «Подпаска»: «Сейчас писателю нет нужды хватать материалы для своих произведений с потолка. Этого материала невпроворот даёт сама жизнь».⁴³

Тому яркие примеры — роман «Лапти», автобиографические сочинения «Подпасок» (1939 г.), «Молодость» (1946 г.)⁴⁴ и «Восход» (1957 г.).

«Местность взята наша, чембарская, — писал автор «Молодости» и «Восхода», — которую я хорошо знаю, как и город Чембар...».⁴⁵ О своём поколении литераторов Замойский говорил: «Мы, Несторы⁴⁶ пламенеющих лет...».

Дочь писателя, Зинаида Замойская, после прочтения романа «Лапти» сказала отцу: «Твой роман «Лапти» понравился мне больше, чем «Поднятая целина» Шолохова». «Отец был доволен и горд, что я так высоко оценила его труд», — писала она.⁴⁷

И в самом деле, наиболее значительный роман Замойского достоверно повествует о жизни русской деревни в годы нэпа и коллективизации. Писатель правдиво запечатлел смену экономических укладов, показав трудности, которые советской власти пришлось преодолевать на селе. Особенно удались в «Лаптях» образы молодёжи.

К слабым сторонам книги замойсковеды обычно относят нечёткость композиции, некоторую примитивизацию духовной жизни героев.⁴⁸ Так что в каждом случае жизнь русской деревни трёх первых десятилетий XX века нашла в творчестве Замойского правдивое и своеобразно-оригинальное отображение, зафиксировав отчасти и характер самого автора. Сергей Замойский так вспоминал об отце: «Характер отца был прямой, открытый, предельно честный и откровенный. В то же время отец был человеком на редкость скромным, застенчивым и казался порой даже беззащитным».⁴⁹ «Отец в первые годы писал под фамилией Зевалкин, — вспоминал Л. П. Замойский, — или под псевдонимом Назёмов».⁵⁰ Поэтому, видимо, не случайно, что в 24-летнем возрасте Пётр Иванович Зевалкин принял один из псевдонимов, ставший затем его фамилией.

Так в русской литературе советского её периода и появился Замойский — «певец колхозной деревни»,⁵¹ «талант из народа»,⁵² «правдивый до жестокости писатель»,⁵³ которому довелось стоять «у истоков новой жизни».⁵⁴ А новой жизни требовалась новая «пролетарская литература».⁵⁵

Жизнь и быт советской деревни в первые годы непростой коллективизации, «первые шаги колхозов»⁵⁶ были отражены в 1920-е гг. в многочисленных произведениях этого периода, напомним только лучшие из них: повесть «Разбег» В.П. Ставского, романы «Лапти» Замойского и «Ненависть» И.П. Шухова. Роман Ф.И. Панфёрова «Бруски» повествовал о духовном росте людей новой российской деревни, а Ф.В. Гладков стал известен благодаря роману «Цемент» о восстановлении завода.

Так выполнялся социальный и партийный заказ на прославление в литературе человека труда, рабочих и крестьян — так зарождался «социалистический реализм».⁵⁷ Этот метод дал «возможность писателю создать типизированные характеры эпохи».⁵⁸ Тем более, напомним, что с 1918 г. Замойский вступил в партию коммунистов. Хотя в наше время писатель Ф. Искандер и высказался, что «коммунизм — это религиозная галлюцинация атеистической головы»,⁵⁹ для своего времени эти идеи были, конечно, прогрессивны.

Издания книг П.И. Замойского

К началу 1930-х гг. Замойский был одним из самых достойных и выдающихся литераторов — «инженеров человеческих душ»,⁶⁰ находясь «в ряду с А. Фадеевым, В. Ставским, Ф. Панфёровым, М. Шолоховым и другими талантливыми писателями того времени»,⁶¹ уже к середине 1920-х гг. став «широко известным писателем». ⁶² 13 апреля 1938 года безо всяких видимых оснований он был арестован по обвинению как «антисталинист-одиночка», но 13 сентября 1938 г. был освобождён «за отсутствием состава преступления».

Во время Великой Отечественной войны⁶³, с октября 1941 г., Замойский с семьёй жил в Соболевке,⁶⁴ работал руководителем парторганизации, военруком всеобуча. Много писал пьес и рассказов на военные темы, принимал активное участие в работе газеты «Сталинское знамя». ⁶⁵ Приезжал и в с. Владыкино. ⁶⁶ С ноября 1943 г. вновь жил в Москве. В 1946 г. за заслуги в области литературы был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Замойский приезжал в родные края в 1948 г. и был в числе самых почётных гостей. 12 июня в Пензе и городе Белинском⁶⁷ состоялись чествования по случаю 100-летия со дня смерти В.Г. Белинского, в которых приняли участие писатели А.А. Фадеев, Ф.В. Гладков, И.Г. Эренбург, И.Л. Андроников, учёные академики В.В. Виноградов, М.П. Алексеев и другие. ⁶⁸

Особенно памятной для Замойского была встреча с А.И. Храмовым. ⁶⁹ А.И. Храмова, сестра первого директора музея Белинского, вспоминала: «Во время Великой Отечественной войны Замойский был эвакуирован в нашу область. Он нашёл возможность заехать в Белинский. Побывал в музее В.Г. Белинского и у брата дома». ⁷⁰ Между ними велась активная переписка. ⁷¹

В 1952 г. начал Пётр Иванович писать роман «Источник сил» — о пензенской деревне времён недавней войны. К сожалению, роман остался незаконченным — было написано только 13 глав.

Перечитаем некоторые страницы из его собрания сочинений в четырёх томах, вышедшего в свет в 1959 году. Несомненный интерес представляет собой «Автобиография»:

«Наше село, Соболёвка, захолустное. Немного связей с посторонним миром было у сельчан, старшина с писарем приезжали осенью подати собирать, управляющий помещицы — за долгами, да поп из соседнего села — к нашему попу в гости. Семья была большая — десять душ, а земли мало, хлеба хватало не больше как до нового года. Отец много лет батрачил в имении «барыни» Владыкиной. Старшие братья также были то батраками, то пастухами. Эта же участь предназначалась и мне, и я несколько лет занимался тем же делом.

Пристрастие к печатному слову проявилось у меня с шести лет. Случайно попался в руки букварь, и я самостоятельно выучился читать. Любовь к чтению передалась от отца, человека застенчивого и набожного. Мать моя ненавидела всё печатное, даже духовные книги. Она считала всё это «бездельем» и уверяла, ругая нас с отцом, что бедность наша идёт от этих книг, от пустой траты времени на их чтение. Она так и умерла неграмотной.

В школу я пошёл семи лет, учился хорошо, в третьем классе помогал учителю на уроках. Учитель, сам выходец из крестьян, любил способных учеников, особенно из бедняцких семей. При школе была неплохая библиотека, книги из неё я перечитал не единожды. Затем пользовался личной библиотекой учителя.

Любимцами крестьянских ребятшек, увлекавшихся чтением книг, были офени, или «тряпичники-рунщики». Они завозили в село дешёвые, двукопеечные книжки, и мы, собрав деньги, покупали эти книги, читали их вместе вслух. Большую роль в нашем мальчишеском просвещении играли различные календари. Читали мы и духовную литературу.

В детстве, под влиянием отца, я был очень религиозен, мечтал даже стать монахом-отшельником. Но книги заставляли во многом усомниться.

Скоро своей начитанностью я стал выделяться из среды товарищей. Когда пас стадо, пробовал писать стихи и басни: ритмическая речь давалась мне легко. Затем начал сочинять рассказы. А когда прочитал несколько произведений А.М. Горького, познакомился с его биографией, у меня мелькнула мысль стать писателем самому.

И вот весной 1911 года, пригнав как-то вечером стадо домой, я украдкой ночью ушёл в Пензу искать «иную» жизнь. В Пензе прожил четыре года, работал в трактуре: мыл посуду, был «половым». По ночам, когда трактор пустел, я тайком от товарищей писал стихи и басни, а днём урывками читал газеты и журналы, которые хозяин выписывал для гостей. Желание напечататься было огромным, но, сколько ни посылал я своих стихотворений в московские журна-

лы, опубликованы они не были. Это меня огорчало, но несколько не уменьшало желания стать писателем.

Однажды я самовольно ушёл в кино, хозяйка за это меня рассчитала. Но я не огорчился: представился случай осуществить давнишнюю мечту — поехать в Москву, столь желанную и загадочную. Деревенским парнем, «половым» трактира, имея в кармане двадцать пять рублей, отправился я в неизвестный город, где не было ни родных, ни знакомых, с одной только мыслью: «поступить писателем» в какой-либо журнал или газету.

Прожив дней десять в Москве и израсходовав все деньги, я вернулся в родное село. Возвращался в самое весеннее половодье, по дороге простудился, заболел и все лето 1915 года провалялся в постели. Тут подошло время призыва в армию. По военному времени меня признали «годным». После месяца ускоренного обучения нас, новобранцев, бросили в самое пекло войны. Я попал на Австрийский фронт.

Ровно через год после призыва я вернулся домой, в семью, из которой к тому времени взяли на фронт четвертого брата. Положение мое было нестерпимо тяжелым. Выручила грамотность. События тех дней я впоследствии передал в автобиографической повести «Молодость».

Осенью 1916 года наше первое бедняцкое общество наняло меня писателем. Работал я в нём до Февральской революции. После свержения царя в губернии стали образовываться сельские и волостные комитеты. Я был избран членом нашего сельского комитета и заместителем председателя. Председателем был кулак, церковный староста.

Весной 1917 года крестьяне, руководимые революционно настроенными фронтовиками, разогнали помещиков, имения которых прилежали к нашим селам, отобрали у них землю и поделили между собой по едокам. А после постановления Пензенского крестьянского съезда переизбрали сельский комитет, выгнали из него кулаков, ликвидировали столыпинские отруба и участки. В августе 1917 года при помощи комитета инвалидов мне удалось перевестись в секретариат уездной земской управы, находившийся в Чембаре.

В это время земская управа готовилась к выборам в Учредительное собрание, и мне, как техническому работнику, поручилось печатать на ротаторе и рассылать в волости и села списки кандидатов, различные воззвания, обращения и приказы. К этому времени я познакомился с программами многих партий и остановил свой выбор на программе социал-демократов (большевиков). Всё, что можно было сделать в пользу их избирательного списка (шедшего под номером пятым), мною делалось.

Когда в январе 1918 года решено было созвать чрезвычайный съезд земской управы, группа большевиков во главе с путиловским рабочим Степаном Алексеевичем Шуваевым решила в тот же день начать работу первого уездного съезда Советов. По заданию Шуваева мы ночью отпечатали на ротаторе воззвания и телеграмму о созыве съезда, запечатали их в конверты с печа-

тью земской управы и утром разослали в сорок две волости и двести десять населённых пунктов. В день открытия уездной земской управы, после схватки большевиков с делегатами управы — эсерами, кадетами и другими представителями буржуазных партий, в том же зале открылся первый съезд Советов Чембарского уезда, а земская управа перестала существовать.

До весны двадцать первого года находился на различных выборных и административных должностях в Чембарском уезде. Руководил отделом внешкольного образования: создавал ликбезы, избы-читальни, народные дома, клубы; когда Колчак подходил к Уфе, проводил мобилизацию в ряды Красной армии; устанавливал революционный порядок в районах уезда, где побывали банды Антонова, и почти всё это время был членом укома партии и уисполкома. Эта работа обогащала меня: позволяла изучать людей с различными взглядами и понятиями о жизни, о происходившей в то время борьбе, давала неизгладимый запас впечатлений. И, несмотря на перегрузку, бессонные ночи, всегда находилось время писать статьи в газету, пьесы, которые ставились в Чембаре и народных домах уезда. Сбор от них шёл в пользу детдомов и библиотек. В Москве на рабфаке в свободное время писал рассказы, которые печатались в газете «Правда», в журналах «Крестьянка», «Юный коммунист» и других.

Первая книжка моих рассказов «Деревенская быль» вышла в 1924 году. В этом же году я поступил в Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова, стал членом Союза крестьянских писателей. В 1926 году перевёлся на литературное отделение Московского университета, где учился до 1928 года. В эти годы занялся профессиональной писательской деятельностью — написал много рассказов и повестей на различные темы крестьянской жизни. Все они были как бы подготовкой к крупному произведению. Таким произведением стал роман «Лапти».

История создания этого романа вкратце такова. Марии Куйбышевой, редактору журнала «Крестьянка», где я в то время немало печатался, нравились мои рассказы «о разводах». Я хорошо знал, как деревенские активисты, выдвигавшиеся на работу в город, «разводы разводили», как некоторые из них оставляли своих деревенских жен с ребяташками. По просьбе Марии Куйбышевой я начал писать ещё один рассказ на эту, острую тогда, тему. За двенадцать вечеров написал целый ворох бумаги. Получалось так: Прасковья Сорокина, брошенная мужем, тоскует, сходит с ума... Конец этот мне не понравился. Переделал его: Прасковья с ребенком едет к мужу в губернский город и там умирает. Осень. Грязь. Она в лаптях. И на чистом полу новой мужниной квартиры отпечатались следы лаптей... Лапти!.. Свернул я эту рукопись, перевязал бечевкой и бросил в шкаф за газеты. Рассказ нужно нести в редакцию, а он не получился.

В 1928 году при издательстве «Московский рабочий» начала выходить «Роман-газета». Вызвали меня в издательство, выпустившее к тому времени несколько моих книжонок, и спросили: «Нет ли чего для «Роман-газеты»?» Я ответил: «Нет». Но там уже каким-то образом узнали, что у меня есть большая

рукопись. Просят: «Принесите». И вот в феврале 1929 года в книжных киосках появился очередной выпуск «Роман-газеты», на обложке которой крупным шрифтом было напечатано: «Лапти».⁷²

Вторую книгу я назвал «Левин Дол». Она также была напечатана в «Роман-газете» в 1930 году.

Осень 1929 года, весну и лето тысяча девятьсот тридцатого я провел в деревне. Участвовал в организации колхозов. На этом материале написана книга «Поворот», которая стала третьей частью «Лаптей». Роман завершился четвёртой книгой — «Столбовая дорога».

В 1949 году, подготавливая роман для новой публикации в издательстве «Советский писатель» (серия «Библиотека избранных произведений советской литературы»), я подверг его существенной переработке: выправил стиль, четыре книги свёл в три.

Давно, ещё до выхода в свет первой книги «Лаптей», задумал я написать повесть о своем пастушестве. Набросал ряд эпизодов. Один из них, рассказ «Выгон скота», напечатала газета «Читатель и писатель». Затем на время повесть пришлось отложить. И лишь когда роман «Лапти» в основном был завершен, стало возможным продолжить работу над давно начатым произведением. В 1939 году повесть «Подпасок» была опубликована Гослитиздатом.

Трудясь над своими произведениями, я не оставлял и общественной работы: был одним из руководителей Союза крестьянских писателей, членом редакционного совета издательства «Федерация».

В заключение несколько слов о том, как пишу. Пишу только о том, что хорошо знаю. С большинством прототипов моих произведений близко знаком. Бывая в своем селе и других деревнях и селах, я встречался с ними, беседовал, спорил. И они, зная, что человек я свой, деревенский, рассказывали о себе без стеснения. Порой просили совета, помощи, одно ругали, другое хвалили. Труднее было в свое время «заполучить» нужные сведения от кулаков. Но и это в конце концов удавалось.

Речи своих будущих героев я никогда не записывал подробно, но довольно часто заносил их содержание вкратце в записную книжку. Записи эти впоследствии очень пригодились.

Приступая к работе над произведением, заранее намечаю планы его частей. Но не всегда пишется по плану, порой герои отказываются подчиниться автору. У них ведь есть «своя» воля. Волю эту нужно уметь направлять в необходимую сторону.

Первые наброски книги рождаются обычно сами собой. Но это еще не настоящая работа. Настоящая работа идёт по черновику. Она занимает в два раза больше времени, даётся труднее: убираю лишние сцены, по возможности всё сжимаю, переписываю заново, добываясь необходимой выразительности и простоты. Фраза должна быть краткой, ритмичной, чтобы читалось легко, «на одном дыхании». Главное в творчестве — смотреть на своё про-

изведение как бы со стороны, быть недовольным тем, что написано. И всё время неустанно улучшать.

Писатель должен помнить, что труд его — не забава, не просто приятное проведение времени, а большое, трудное и полезное дело». ⁷³

За свою жизнь он много поездил по Советскому Союзу, встречался с читательской и писательской общественностью, не говоря уже о постоянных связях с Пензенской областью — ведь Замоийский был патриотом Пензенщины. Поэтому не случайно, что в заглавие очерка о самом знаменитом писателе нынешнего Каменского района вынесены слова одной из многочисленно-достойных публикаций о Замоийском. ⁷⁴

Повезло Замоийскому и с иллюстрациями к его произведениям «Подпасок», «Молодость», «Восход», где он колоритно описал не только свою автобиографию, но и мир ярмарок Пензенской губернии. ⁷⁵ Наглядные картины к ним создал художник, его друг ⁷⁶ Б.И. Лебедев ⁷⁷, — это были знаменитые «двести сельских сюжетов». ⁷⁸

В июле 2006 г. в Берлине, работая над докторской диссертацией по теме «СЕПГ и культура ГДР», в одной из библиотек я неожиданно обнаружил книгу Замоийского «Der Hirtenjunge», ⁷⁹ изданную в 1956 г. берлинским издательством «Volk und Welt». ⁸⁰ Как оказалось, в 1950-е гг. руководство ГДР пыталось проводить преобразования в жизни общества в духе идей ленинской «культурной революции», используя и методы «пролеткульта» ⁸¹, — всё это затем нашло своё отражение в республике в концепции «биттерфельдского пути», ⁸² не в последнюю очередь и под влиянием творчества Замоийского. Вот даже такой неожиданно-приятной была для меня встреча с «подпаском из Соболевки». ⁸³

Когда некоторые зарубежные литературоведы или историки делают попытки пересмотреть вклад того или иного писателя в русскую и советскую литературу, делать переоценку того или иного политического деятеля, то я им всегда напоминаю о «принципе историзма» и привожу слова Н.К. Крупской: «Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают». ⁸⁴

Издавались книги Петра Ивановича в Болгарии, Польше, Чехословакии, ⁸⁵ Румынии и Китае ⁸⁶ — и там они были понятны читателям. ⁸⁷ Его произведения были изданы на 20 языках народов СССР. ⁸⁸

Скончался Пётр Иванович, «человек чистой души», ⁸⁹ который и по сей день для нас остаётся «честным и пристойным автором, хотя и мало известным для современной молодёжи», ⁹⁰ в Москве 21 июля 1958 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище. ⁹¹ Осталось много нереализованных творческих замыслов. ⁹² Лоллий Петрович писал об отце: «Уход большого человека — потеря не только для семьи». ⁹³

Л. Замоийский окончил исторический факультет МГУ, был историком-международником. Как журналист и писатель работал в Западной Европе. В заметках об Италии для «Известий» и «Недели» достаточно объективно описы-

вал свои «мечты на дорогах».⁹⁴ В начале XXI века Л. Замоиский писал: «России нужна грамотная элита, умеющая руководить, строить, обучать и, естественно, самой учиться».⁹⁵ Именно Лоллий Петрович больше всех озаботился сохранением памяти об отце.

В нашей Пензе и городе Белинском есть улицы его имени.⁹⁶ В 1966 г. была открыта мемориальная доска⁹⁷ в Соболевке.⁹⁸ К 80-летию писателя в селе был установлен памятный камень.⁹⁹ Г.В. Мясников 25 июня 1976 г. сделал запись в дневнике: «В 13.00 — в с. Соболевку на юбилей П.И. Замоиского. В Соболевке масса народу, дети Лоллий, Сергей и Зинаида. Три липки уже посажены вокруг «памятного камня». В 15.50 открыл камень. Речь экспромтом. Камень удался. Смотрится, да и преображает площадь перед клубом. Заседание в клубе. Получилось тепло и сердечно».¹⁰⁰

В Соболевской школе¹⁰¹ был открыт музей писателя.¹⁰² Руководитель школьного музея Галина Владимировна Румянова в своём письме¹⁰³ к автору любезно сообщила, что открытый 26 июня 1986 г. к 90-летию юбилею писателя «в настоящее время музей П.И. Замоиского работает при Соболевской школе, он занимает одну комнату. В среднем музей посещает 100 — 120 человек в год. В музее есть личные вещи писателя: это самовар, которым он пользовался сам, чернильный прибор, фото из семейного архива. Книг с его надписями и автографами нет, но есть книги П.И. Замоиского с дарственными надписями его детей и внуков. Все дети Петра Ивановича были частыми гостями музея, они приезжали практически каждый год, приезжали также их дети (внуки писателя) и внуки (правнуки П.И. Замоиского)».

В школьном музее побывали М. Кирюшин, член Союза писателей СССР, П. Жуков, заслуженный работник культуры РСФСР, Н. Переяслов, секретарь Правления Союза писателей России. Но вот «человеку ломоносовской кладки, с большим творческим потенциалом»,¹⁰⁴ великому подвижнику пензенской культуры, стороннику открытия музея в Соболевке Г.В. Мясникову в этом музее побывать не удалось.

В Пензе, как отмечает генеральный директор Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области Н.И. Никулаенкова, также можно в Литературном музее ознакомиться с «пребыванием и творческой деятельностью в Пензенском крае» не только Замоиского,¹⁰⁵ но и других литераторов.¹⁰⁶

«Избранные произведения» Замоиского в двух томах были изданы в столице последний раз в 1973 году. «Крупнейшее произведение» Замоиского, роман «Лапти», который «сразу же получил признание читателей»,¹⁰⁷ массовым тиражом издавался также достаточно давно — в 1989 году. Словом, вся жизнь Замоиского — это были «незабываемые дни».¹⁰⁸ Таким был наш «писатель-боец»,¹⁰⁹ «художник жизненной правды».¹¹⁰

И напоследок о том, чем же актуален Замоиский сейчас (если актуален). За последние лет тридцать, особенно после распада СССР, лично я не могу

припомнить ни одного более или менее крупного произведения масштаба романа или хотя бы скромной повести о сельской жизни после искусственного развала колхозов и совхозов, о крестьянских реалиях в условиях нынешней частной собственности на землю, о стараниях крестьянских фермерских хозяйств. Для новых писателей-«деревенщиков» «Лапти» Замойского — просто готовый и нестареющий учебник жизни.

Александровка, январь 2016 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стивенсон Р.Л. Собр. соч. М., 1967, т. 5, стр. 543.
- ² Родники смысла. Мариуполь, 1998, стр. 222.
- ³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., том 45, стр. 377.
- ⁴ По новому стилю это 25 июня.
- ⁵ Ныне Соболёвка относится к Каменскому району.
- ⁶ Выполнял обязанности официанта; в том случае, когда при трактире сдавались номера для проживания, занимался также их обслуживанием.
- ⁷ По названию статьи В. Ряховского. // Литературная газета, 15.12.1940; Инюшкин М. Подпасок. // Сталинское знамя, 23.03.1941.
- ⁸ Нефёдов В.В. «Звериный способ решения жизненных трудностей». // Советская Россия, 31.07.2014, № 83.
- ⁹ Замойский П.И. Дневник второго наступления (1916 г.). // Пензенская правда, 26.06.1991.
- ¹⁰ Чембарская энциклопедия. Пенза – Белинский, 2013, стр. 134.
- ¹¹ Пензенская энциклопедия. М., 2001, стр. 190.
- ¹² Фролов П.А. Белинский. Саратов, 1979, стр. 38.
- ¹³ Рид Д.С. Избранное. Кн. 2. М., 1987, стр. 157 — 158.
- ¹⁴ Пензенская энциклопедия, стр. 306.
- ¹⁵ Пензенская энциклопедия, стр. 499.
- ¹⁶ Ключевская М. Редактор первой газеты. // Сельская новь, 5.04.1978.
- ¹⁷ Пензенская энциклопедия, стр. 472.
- ¹⁸ Старостин В. П.И. Замойский в уездной газете. // Пензенская правда, 15.01.1965.
- ¹⁹ Говорит Ильич. // Советский воин, 1957, № 20, стр. 5 — 6.
- ²⁰ Воспоминания писателей о В.И. Ленине. М., 1990, стр. 298.
- ²¹ Замойский П.И. Утро. М., 1937, стр. 113.
- ²² Рассказ был записан на пластинку для детского журнала «Колобок», 1973, № 2.
- ²³ Замойский П.И. Утро, стр. 123.
- ²⁴ Там же, стр. 124.
- ²⁵ Фролов П.А. Белинский, стр. 48.
- ²⁶ О чембарском домике писателя ныне нам напоминает лишь газетная заметка белинского краеведа Ф.А. Забнева «Дом, в котором жил Замойский». // Сельская новь, 6.01.1968.
- ²⁷ По оценке С. Смирнова. // Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 300.
- ²⁸ Ревякин А. На рассветном пути. // Крестьянский журнал, 1927, № 11, стр. 11.
- ²⁹ Учительская газета, 25.03.1926.
- ³⁰ По мнению И. Гринберга. // Знамя, 1951, № 2, стр. 176 — 182.
- ³¹ Цитата из «Песни о Родине» В.И. Лебедева-Кумача в кинофильме «Цирк» (1936 г.). // Ашукины. Крылатые слова. М., 1987, стр. 210.
- ³² Страхов Н.И. Пётр Замойский. Жизнь. Время. Книги. М., 1976, стр. 3.
- ³³ Пензенская энциклопедия, стр. 590.
- ³⁴ Горланов Г. Ценное исследование. // Пензенская правда, 15.10.1976.
- ³⁵ Грачёв Н. Певец революционной деревни. // Молодой ленинец, 24.08.1976.

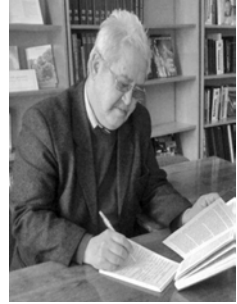
- ³⁶ Новая жизнь, № 9, 13.01.1918; Горький М. Несвоевременные мысли. // Роман-газета 2012, № 23, стр. 35.
- ³⁷ Пензенская правда, 25, 26, 28 и 31.10.1976.
- ³⁸ Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память. Пенза, 2001.
- ³⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 4, стр. 85.
- ⁴⁰ По выражению Л. Кудреватых. // Литературная Россия, 25.03.1977.
- ⁴¹ Земля советская, 1929, № 12, стр. 54 — 57.
- ⁴² Против «шапками закидаем». // Комбайн, 1931, № 7, стр. 18 — 19.
- ⁴³ Замойский П. Дневник писателя. // Земля советская, 1932, № 4, стр. 133 — 139.
- ⁴⁴ Эта повесть «писалась П.И. Замойским в годы Великой Отечественной войны, когда автор находился на родине – в Пензе, в Чембаре-Белинском и в своей деревне Соболевка». Замойский П.И. Собр. соч. М., 1959, т. 3, стр. 341 (приложение к журналу «Молодой колхозник»).
- ⁴⁵ Самойлов Е. П. И. Замойский в Пензе и Чембаре. // Пензенская правда, 6.07.1960.
- ⁴⁶ То есть летописцы.
- ⁴⁷ Замойская З. Воспоминания об отце. // Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 305.
- ⁴⁸ Перечитывая роман, я вдруг подумал: «А если духовная жизнь тогдашней молодёжи и в самом деле была примитивной? Чем же автор-то виноват?»
- ⁴⁹ Замойский С. Таким его я помню. // Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 306.
- ⁵⁰ Замойский Л. Слово об отце. // Сура. 1996. № 3; Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память. Пенза, 2001, стр. 327.
- ⁵¹ Пензенская правда, 25.06.1966.
- ⁵² По названию публикаций А. Отчина. // Сельская новь, 1968, № 132, 136, 138, 139.
- ⁵³ По мнению Б. Троянова. // Сельская новь, 24.06.1971.
- ⁵⁴ По названию статьи О. Грудцовой. // Октябрь, 1947, № 3, стр. 174 — 176.
- ⁵⁵ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987, стр. 306.
- ⁵⁶ Там же, стр. 357.
- ⁵⁷ О важности для понимания в советской литературе этого творческого метода см. подробнее: Душенко К. В. Цитаты из русской истории. М., 2005, стр. 79; Цитаты из русской литературы. М., 2005, стр. 130 — 131.
- ⁵⁸ Егоров А.А. Пётр Замойский и его творчество. М., 1964, стр. 98.
- ⁵⁹ Цит. по: Кротов В.Г. Словарь парадоксальных определений. М., 1995, стр. 165.
- ⁶⁰ По выражению И.В. Сталина, высказанному на встрече с писателями у М. Горького 26.10.1932 г. Приводится по: Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 2006, стр. 452.
- ⁶¹ Егоров А.А. Пётр Замойский и его творчество, стр. 4.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Нефёдов В.В. «Долгожданный мир для народов всего мира». // <http://belinskij.kupec.cz>
- ⁶⁴ Замойский П.И. Народ воюет. Рассказ. // Краснофлотец, 1941, № 20, стр. 23 — 25; Тут был немец. // Сталинское знамя, 15 — 18 и 26.03.1944.
- ⁶⁵ С 1956 г. – Пензенская правда. // Пензенская энциклопедия, стр. 454.
- ⁶⁶ Пензенская энциклопедия, стр. 91.
- ⁶⁷ Сохранилось фото, где изображены Замойский и А.А. Фадеев «на прогулке в Чембаре». // Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 325.
- ⁶⁸ Пензенская энциклопедия, стр. 691.
- ⁶⁹ Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 271 — 272.
- ⁷⁰ Храмова А.И. «Он целиком отдавал себя работе...» // Сельская новь, 11.12.1971.
- ⁷¹ Письма П.И. Замойского (директору музея В.Г. Белинского А.И. Храмову). // Сельская новь, 12.12.1968.
- ⁷² Замойский П.И. Лапти. // Роман-газета, 1929, № 4 (34).
- ⁷³ Замойский П.И. Собр. соч., т. 1, стр. 3 — 8.

- ⁷⁴ Арямов И.Г. Певец земли пензенской. // Знамя коммунизма, 15.07.1986.
- ⁷⁵ Пензенская энциклопедия, стр. 696.
- ⁷⁶ Савин О. Содружество. // Пензенская правда, 26.06.1966.
- ⁷⁷ Пензенская энциклопедия, стр. 295.
- ⁷⁸ Интервью В. Кирюшкина с Б.И. Лебедевым об иллюстрациях к книгам П. Замойского. // Пензенская правда, 25.06.1976.
- ⁷⁹ «Подпасок». Это была единственная книга Замойского, изданная по-немецки.
- ⁸⁰ «Народ и мир».
- ⁸¹ «Пролетарская культура» («Пролеткульт») – культурно-просветительская и литературно-художественная организация в Советской России и СССР (1917 — 1932 гг.). См. подробнее: Малли Л. Культурное наследие Пролеткульта. Один из путей к соцреализму? // Соцреалистический канон. СПб., 2000, стр. 183 — 192; Карпов А.В. Русский Пролеткульт. Идеология, эстетика, практика. — СПб., 2009.
- ⁸² См. подробнее: Нефёдов В.В. Формирование концепции «Биттерфельдского пути». // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки, 2012, № 27. — С. 851 — 857.
- ⁸³ Пензенская правда, 24.01.1967.
- ⁸⁴ Приводится по: Рид Д. Избранное. Кн. 1. М., 1987, стр. 10.
- ⁸⁵ Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 408 — 409.
- ⁸⁶ Там же, стр. 10.
- ⁸⁷ Петров Н. Издано за рубежом. // Пензенская правда, 25.06.1976.
- ⁸⁸ Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 10.
- ⁸⁹ По выражению В. Дюбина. // Пензенская правда, 26.06.1966.
- ⁹⁰ По мнению учительницы русского языка и литературы из Тамалы Т.А. Ефановой (1.11.2015).
- ⁹¹ П.И. Замойский. // Литературная газета, 24.07.1958; Смирнов С. Памяти П.И. Замойского. // Литература и жизнь, 25.07.1958; П.И. Замойский. Некролог. // Пензенская правда, 25.07.1958.
- ⁹² Замойский Л.П. Последние замыслы. // Пензенская правда, 9.12.1976.
- ⁹³ Замойский Л.П. Слово об отце. // Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 326.
- ⁹⁴ Замойский Л.П. Итальянские фрески. М., 1973, стр. 75.
- ⁹⁵ Замойский Л.П. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001, стр. 376.
- ⁹⁶ Петров С. П.И. Замойский (Их именами названы улицы). // Пензенская правда, 27.12.1959.
- ⁹⁷ Пензенская энциклопедия, стр. 331.
- ⁹⁸ Старостин В. «Писателю-земляку». // Пензенская правда, 3.07.1966.
- ⁹⁹ Тарасова Л. Торжество в Соболёвке. // Красное знамя, 26.06.1976.
- ¹⁰⁰ Мясников Г.В. Страницы из дневника (1964 — 1992). М., 2008, стр. 262.
- ¹⁰¹ Ерохин В. На родине Петра Замойского. // Литературная Россия, 27.04.1979.
- ¹⁰² Пензенская энциклопедия, стр. 190.
- ¹⁰³ От 14.12.2015 г.
- ¹⁰⁴ Замойский Л.П. Рябина над Сурой. Вспоминая Георга Мясникова. // Литературная Россия, 6.09.1996, № 36, стр. 11.
- ¹⁰⁵ Пензенская энциклопедия, стр. 358.
- ¹⁰⁶ Российская музейная энциклопедия. М., 2005, стр. 492.
- ¹⁰⁷ Замойский П.И. Указ. соч., т. 2, стр. 589.
- ¹⁰⁸ По названию статьи Н. Асанова. // Литературная газета, 13.08.1957.
- ¹⁰⁹ По определению Е. Самойлова. // Пензенская правда, 2.10.1963.
- ¹¹⁰ По оценке С. Трегуба. // Пётр Замойский. Судьба. Творчество. Память, стр. 284.

Ибрагим ГУРКИН

**ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ
ГАФУРА
КУЛАХМЕТОВА**

**К 135-летию со дня рождения
писателя-земляка**

Татарская литература начала XX века была полем битвы талантливой бескомпромиссной молодежи, мечтавшей своими руками открыть перед своим народом новые дороги в счастливое будущее. У татар появился свой основоположник пролетарской литературы — скромный учитель русского языка, начинающий драматург Гафур Юнусович Кулахметов.

Род Кулахметовых принадлежал к потомственной купеческой династии. В начале XVIII века Кулахметовы проживали в деревне Кунчерово Кузнецкого уезда Саратовской губернии (в настоящее время — Пензенской области — **И. Г.**). Родоначальником торгово-промышленной династии Кулахметовых является Хантемир Бахтеевич (1793 — 1854), приехавший в 1843 году из Кузнецка в Пензу и организовавший торговлю свечами и мылом. Один из его сыновей, Мухамеджан Хантемирович (1820 — ?), владел в Пензе спичечной фабрикой и мыловаренным заводом (с 1854 г.), а также магазином косметических и благовонных товаров. Он был меломаном. Часто бывал в усадьбе Тенишевых, которым доводился дальним родственником.

Как активные меценаты и натуры, увлеченные богемой, они в итоге разорились (1).

Гафур Кулахметов родился 22 апреля (4 мая) 1881 года в Пензе в семье предпринимателя, совладельца мыловаренного и свечного завода. На улице Бакунина, 4 (бывшая Предтеченская), сохранился дом, где родился будущий писатель.

Правда, дела промышленника шли настолько плохо, что он вынужден был закрыть свое убыточное предприятие и перейти на наемную работу к более удачливым купцам и землевладельцам. Поэтому несколько лет семья Кулахметовых провела в Саратовской губернии, где ее глава трудился управляющим в имениях местных фабрикантов и помещиков (1).

Несмотря на материальные трудности, сыновья бывшего мыловара Гафур и Каюм получили хорошее духовное образование в родных краях, в медресе деревни Ятмис (с. Танкаевка) Нижнеломовского уезда Пензенской губернии. Им была уготована участь обыкновенных сельских имамов или же торговцев средней руки, но Юнус Кулахметов решился на переезд в Казань, чтобы занять вакансию старшего мастера на крупном мыловаренном заводе Утямышевых.

Оказавшись в большом городе, признанном центре мусульманского образования и культуры, повзрослевший Гафур наотрез отказался продолжить обучение в приходском религиозном училище, намереваясь поступить в Татарскую учительскую школу, славившуюся прекрасным преподаванием русского языка и светских наук.

Можно сказать, что пылкому юноше очень повезло. В период обучения в школе (1898 — 1902) он попал под особую опеку преподавателя, а затем и инспектора этого учебного заведения, известного ученого, педагога и общественного деятеля Михаила Николаевича Пинегина, который благоволил к живому, усердному, стремящемуся к знаниям ученику. Впрочем, в эти же годы Гафур оказался под не менее сильным влиянием местных социал-демократов, успешно агитировавших в стенах учительской школы. Поэтому будущий педагог рано научился вести двойную жизнь: с одной стороны, являясь учеником-«хорошистом» с отличным поведением, с другой — тайным бунтарем, страстным поклонником Маркса, сторонником немедленных революционных действий.

Именно в этот период Гафур Кулахметов сдружился с Хусаином Ямашевым, стал его ближайшим сподвижником и соратником. Не случайно и то, что он с большой радостью встретил сообщение о назначении учителем в русско-татарскую школу при Первой соборной мечети в Пороховой слободе.

Так начиналась его жизнь. Впереди его ждала карьера учителя русского языка и чистописания — более 10 лет стоял этот человек за учительской кафедрой, — но помимо нее шла и другая деятельность.

У выпускника Татарской учительской школы появилась возможность вести пропаганду среди рабочих-мусульман, проживавших в заводских районах казанского Заречья. Днем он обучал мусульманских детей грамоте, составлял учебные пособия, а ночью посещал подпольные собрания, переводил революционную литературу на татарский язык, печатал и распространял прокламации.

Постепенно Гафур Кулахметов становится одним из самых известных социалистов мусульманской Казани. Хорошо образованный, интеллигентный, решительный учитель с романтическим имиджем опытного подпольщика, к тому же обладавший несомненным публицистическим и литературным талантом, не мог не быть в числе неформальных лидеров городской молодежи, рвавшейся в бескомпромиссный бой с несправедливостью и отсталостью своего народа.

Наверное, в татарской части города никто не удивился дерзкому поступку Гафура в октябре 1905 года, когда он в составе большой группы радикальной молодежи вместе с С.Н. Гассаром, Н.И. Дамперовым, И.А. Саммером и дру-

*Портрет Гафура Кулахметова.
Художник Б.М. Альменов. 1960.
Национальная художественная
галерея «Хазинэ» (г. Казань)*

гими принял участие в захвате здания городской Думы. Вероятно, бунтаря неминуемо ожидала бы тюрьма, если бы его давний покровитель и заступник М.Н. Пинегин не предпринял все меры для скорейшего освобождения своего «заблудшего» питомца.

После выхода из-под ареста и возвращения к учительской работе в жизни, да и в сознании революционера происходит коренной перелом. Гафур по-прежнему увлечен марксистской литературой, публикует острые статьи на страницах первых татарских газет, слывет бесстрашным борцом с самодержавием. Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в Центральном Государственном архиве Республики Татарстан (ЦГА РТ).

«30 марта 1906 года. Секретно
Начальнику Казанского Губернского
Жандармского Управления полковнику
Калинину

Сего числа во вверенное мне Поли-

цейское Управление явился проживающий в Пороховой на Мещанской улице в своем доме запасный фейерверкер из крестьян Самигулла Хабибуллин и заявил, что прошлой зимой по случаю татарского праздника Уразы к проживающему в Пороховой слободе на Караваевской улице в собственном доме Т. Нигматуллину были приглашены гости, в числе которых — он, заявитель, мулла второй мечети Мукминов, азанчей Мингалей Бибичев и многие другие, а также учитель местной татарской школы при первой мечети Гафур Кулахметьев, который во время октябрьских беспорядков был взят в здании Казанской Городской Управы. Во время разговоров Кулахметьев на вопросы, за что он был арестован, отвечал, что он пошел в Городскую Управу к студентам для того, чтобы получить оружие и сделать восстановление... При дальнейших разговорах о том, что будет теперь в России, Кулахметьев сказал: «Все будет по-нашему! Государя императора возьмем за ворот, а студенты будут исправлять дело... На днях, пожалуй, заберут императора, так как люди из партии уехали в С.-Петербург». При этом Хабибуллин присовокупил, что своевременно об этом он не заявил из опасения быть убитым.

О чем сообщаю Вашему Высокоблагородию и присовокупаю, что об этом донесено также Его Превосходительству Казанскому Губернатору и Прокурору Казанского Окружного Суда» (2).

Однако в его душе постепенно появляется разочарование, усталость от разрушительного пафоса этой борьбы, растёт неприятие открытого цинизма, бездушия некоторых социал-демократических лидеров, осознанного игнорирования ими национальных и религиозных прав татарского народа.

С особой силой эти противоречия проявились в небольшом, но очень самобытном литературном наследии Г. Кулахметова. Когда-то советское литературоведение безоговорочно объявило его основой нового пролетарского творчества в татарской культуре, свидетельствующей об идейной твердости и принципиальности автора (3).

На самом деле именно драматургические опыты Г. Кулахметова — символистская пьеса «Ике фикер» («Две мысли», 1905) и драма «Яшь гумер» («Молодая жизнь», 1908), принесшие ему общенациональную славу, — стали плодом мучительных душевных поисков, отражением глубокой рефлексии молодого интеллигента, пытавшегося найти свое место в неумолимо меняющемся мире (4). Интересно, что одновременно с указанными произведениями Гафур Кулахметов пишет историческую драму «Абуджахель» (1907 — 1908), в которой описывает борьбу пророка Мухаммеда за распространение ислама, уничтожение язычества как великую просветительскую деятельность, ведущую к новой, светлой жизни. Казанскими учеными-литературоведами предпринимались неоднократные попытки разыскать рукопись драмы «Абуджахель», но, к сожалению, они оказались безуспешными.

Со временем Гафур Кулахметов все более и более отходит от своих юношеских увлечений, становясь внимательнее к национальным и духовным нуждам своих единоверцев. К 1910 году он из ярко выраженного политического деятеля превратился в видного представителя татарской культуры, отдававшего все свои силы реформе мусульманского образования, становлению периодической печати, книгоиздательской деятельности.

Он с успехом преподавал в русском классе при Апанаевском медресе — престижном мусульманском учебном заведении — и был кумиром учеников, обожавших «Гафура абы» за интересные уроки, теплоту и демократичность.

В предреволюционные годы жандармские агенты характеризовали Кулахметова как одного из влиятельных лидеров националистической молодежи.

«1 мая 1907 г. Секретно

Г. Прокурору Казанского Округного Суда

Имею честь препроводить при сем на благоусмотрение Вашего Превосходительства переписку Казанского Уездного Исправника от 29 минувшего апреля за № 66 о противоправительственной агитации учителей татарской школы в Пороховой слободе Гимагуллы Фахрутдинова Мустафина и Абдуль-Гафура Кулахметьева...» (5).

К сожалению, из-за прогрессирующей болезни (туберкулез лёгких) Гафур Юнусович в 1916 году был вынужден навсегда оставить Казань и переехать в деревню Татарские Юнки (ныне Торбеевский район Республики Мордовия

— **И. Г.**). Чистый воздух, покой, деревенские продукты помогли ему прожить еще два года.

Татарский педагог и драматург Г. Кулахметов скончался 1 апреля 1918 года вдалеке от друзей и любимого города. По воспоминаниям современников, в последние дни жизни он сидел на крыльце дома и читал вслух стихи татарских поэтов. Так в гармонии с самим собой завершил свой земной путь человек, когда-то предпочитавший классовым сражениям трудную, но благородную миссию народного учителя.

Жизнедеятельность выдающегося татарского драматурга — во многих десятках статей, книг, на страницах учебников по истории татарской литературы, справочных изданий. Именем Гафура Кулахметова названа улица в Казани. Но, к сожалению, в родной писателю Пензе пока не нашлось места для увековечения его памяти. В Литературном музее нет выставки, посвященной жизни и творчеству земляка, в Пензе нет улицы, носящей имя Гафура Кулахметова. Возможно, татарской общественности Пензы стоило бы задуматься над этим вопросом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татарская энциклопедия Пензенского края. Гл. ред. Ф.М. Зюзин. Пенза, 2014, с. 207; ЦГА РТ. Фонд 1477. Оп. 1. Арх. 41. С. 9.

2. ЦГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Арх. 1212. С. 61.

3. Гафур Кулахметов: сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения писателя-революционера, Татарское книжное издательство, 1983.

Гайнуллин М. Гафур Кулахметов, «Известия Казанского филиала АН СССР», Казань, 1955, в. 1.

Гиниятуллина А. Писатели Советского Татарстана. Биобиблиографический справочник. Казань, 1970.

4. Радик САЛИХОВ. Две жизни Гафура Кулахметова // «Время и деньги», рубрика «Культура»: №26, 2004.

5. ЦГА РТ. Ф. 390. Оп. 2. Арх. 117. С. 300.

Алексей КУПРИЯНОВ

ТРОПОЮ БИКМУЛЛИНА

Очерк

Есть в Большой России маленькая страна — Верхнее Посурье. Оно же — Лесное Засурье. Городок наш Кузнецк почти у рубежа-межи крайнего востока этого «удельного княжества», принадлежащего, в общем-то, Пензенской губернии. А за межей — Ульяновщина, другой субъект России, хотя Верхнее Посурье и захватывает географически крохотную часть западной Ульяновщины. Здесь густые и плотные, не совсем типичные для лесостепных широт леса. Всхолмья, отдельные «пики» которых достигают высоты 350 м над уровнем моря. Здесь, в распадках и лощинах меж высот, зарождаются реки Сура и Сызранка и разбегаются друг от друга, первая на запад, чтобы у Пензы резко поворотить к северу, вторая течёт строго на восток. Но, в конечном итоге, влиться им обеим в матушку-Волгу. Сохранили, соблюли себя, затаились меж холмов в западинах-котловинах, обереглись от заблачивания несколько озёр...

А вообще, Верхнее Посурье — неизвестная пока что планета для масс населения Федерации. Очень хотелось бы поведать о многом неизвестном и загадочном, что таит в себе дикая природа Верхнесурья. Но этот очерк не совсем об этом. Назову имя человека, который едва ли не первый начал широкую популяризацию красот и видов нашего «удельного княжества» посредством своего талантливого слога и слова: Анвар Хамзинич Бикмуллин.

Я люблю отыскивать на верхнесурских просторах любопытные, на мой взгляд, уголки дикой природы, которые иногда объявляю (обоснованно, конечно) аналогами известных и знаменитых мест планеты. Так, Белое озеро я титуловал сурским Светлоярм, Бобровское — труёвским Ильменем... Но фантазии завели меня ещё дальше. Мой Кузнецк стал напоминать мне Плём, что в Ивановской области. Ландшафты очень даже схожи. Правый берег реки что в

А.Х. Бикмуллин

Кузнецке, что в Плёсе высок и крут — низкогорный пейзаж, к тому же лесистый. Левый берег — лесостепь (ополье). Вот только наш Труёв ни в какое сравнение не идёт с великой Волгой...

Наш районный охотовед Александр Ценин на вечере, посвящённом памяти Анвяра Бикмуллина, назвал его «наш кузнецкий Пришвин». Удачнее будет сопоставить Анвяра Хамзиныча с Николаем Павловичем Смирновым, незаслуженно, а может, умышленно забываемым. Смирновых на Руси, в том числе и в литературной среде, немало. А наш Смирнов родился, возрастал и делал свои первые шаги на литературном поприще — в Плёсе. И любил он свой маленький заштатный городок до самозабвения. Он был один из любимейших «охотничьих» писателей Анвяра Бикмуллина. А вот Пришвина, как сам Хамзиныч признавался, недолюбливал. Хотя его «Кладовую солнца» почитал безмерно.

Как Смирнов любил свой Плёс, так и Хамзиныч боготворил утопающий в зелени садов и парков, окружённый полукольцом синего леса родной город! Как тепло, с каким трепетом отзывался он о тихих кузнецких улочках, старинных и уютных от самобытной отделки, домиках, не одетых ещё в безликий панельный панцирь. С каким уважением писал о людях — «последних патриархах городка», не растерявших желание знать отцово-дедово ремесло и хранить здоровые традиции российской сурской глубинки. А о перспективах возрождения реки Труёв до «дореволюционных» широт и глубин беседовали мы с Анвяром не раз и не дважды; каждый высказывал и отстаивал свой «генеральный план». Спорили иной раз так, что в пот бросало!..

НАЧАЛО ТРОПЫ

Я выйду, бывает, на улицу Комсомольскую, постою у «ворот» бывшей лавки промышленника Боброва, где до 2003 года располагался магазин «Охотник». Постою, вспомню рассказ «Семёрка». Вот из этих самых ворот Анвяр и друг его Санька, несовершеннолетние и безбилетные, выволакивали десятикилограммовую сумку с дробью номер семь, «едва не угодив под ноги милиционерскому патрулю». Годом назад отец Хамзя Хусяинович «отова-

рил» для сына за теми же дверьми первое в Анвяровой жизни ружьё. «С оружием наперевес вломились в Одиннадцатый магазин. «Милая! — обратился отец к продавщице. — Поллитровочку да конфеток шоколадных пробей!» (новелла «48645»).

Затем мимо 19-го века «рождения» здания гостиницы, улицей Кирова — на Пролетарскую. Там до сих пор стоит добротный деревянный дом — изба-пятистенка, срубленная деревянных дел мастером Хамзёй Бикмуллин-ым. Замысловатые прорезные чудо-наличники, Хамзи же работы, украшают оконные глазницы. Можно и даже нужно завернуть в ещё один уголок старого Кузнецка — Мары. Называется так потому, что расположено на марах, на холмах («маар» по-мордовски-эрзянски — «холм»). Там, среди множества разбросанных по скатам дореволюционных домов и домишек, краснокирпичных и деревянных, притулился «Дом Заречневых»! Семье потомственных охотников, любителей и заводчиков породы английский сеттер принадлежал он прежде. «Дому на Марах», его радушным хозяевам, «не гнавшим взашей любопытного мальчишку» Анвяра, старшему другу и «натасчику» Юрию Михееву (тоже проживал в этом доме) посвящён рассказ «Спецтехнология по живописи».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРОПЫ

А потом — за город, на селитьбенские просторы! Селитьба — тоже тропа Бикмуллина. Это он наградил Селитьбенское озеро эпитетом «кузнецкие Чаны» — видно, усмотрел некоторое сходство ландшафтов водоёма пензенского соломенного захолустья с окрестностями огромного озера в Западной Сибири. Бывает, что, пока друзья-охотники продираются сквозь тростниково-рогозовые плавни или рассекают «надувашками» плёсы в поисках водноболотной дичи, я, самым бесстыжим образом оторвавшись от коллектива, предаюсь иным заботам. Иду посуху вдоль берега, разглядываю бикмуллинские пейзажи, работаю кнопками фотокамеры, углубляюсь в окружающие водоём светлые рощи, взбираюсь на холмы. Шепчу то про себя, то вслух строки из «Соломенного захолустья»: «Раз, далёкой невозвратной осенью 80-го, я прожил восхитительную неделю на Селитьбенском... ночуя в соломенном омете...» Или повторяю присвоенные Бикмуллиным имена для объектов, на составленной им же карте: Мой плёс (сиречь плёс Бикмуллина), Ситников плёс, 2-й исток Труёва, Двугорбый курган. А «одногорбому утёсу» — холмустанцу, одиноко замершему у самого побережья, мне очень захотелось присвоить имя, которое лишний раз напоминало бы гражданам Сурского края о гражданине, достойном, чтобы его имя носил географический объект, и чтобы тому было подтверждение официальное. «Сопка Бикмуллина» — сделал я приписку на карте Генштаба. Я даже настоящий «утёс» приглядел: высокий, напоминающий пирамиду валун камня-песчаника в обнажениях горы Карсунки, что над Кузнецком. Если власть имеющие объявят сопку Бикмуллина

памятником природы, то за нами — доставить сей камень к Селитьбенскому озеру и водрузить его на вершину сопки. Ну и соответственную аннотацию высечь на плоти «пирамиды».

ДАЛЕЕ ПО ТРОПЕ БИКМУЛЛИНА

По заведённой ещё при жизни Анвяра традиции летне-осенний охотничий сезон мы, его друзья, торжественно открываем на одном из участков тропы Бикмуллина, в полях, на заболоченных озёрах, ныне зовущихся не иначе как Ерофеевские болота. Побуду немного на них и снова по тропе — к Берёзовому болоту, в леса, за шесть километров от Ерофеевских. Здесь уютнее, после предстепья. Болото — выработанное, почти полностью очищено от торфа. Потому вид чисто озёрный. Из Берёзового изливается главный исток нашей «главной кузнецкой речки» — Труёв! А если пройти ещё в глубь лесов старинным лесовозным трактом на юг от Берёзового, то на обочине дороги и сейчас можно рассмотреть полуистлевший пень диаметром более полутора метров! Это всё, что осталось от сосны-исполина, дожившей до 445-летнего возраста. Ей, может, быть бы живу и по сей день, кабы «летом 1982 года, жарким понедельником, без предварительного мечения, сосна была свалена, разделана на гигантские кряжи, вывезена неизвестно кем и куда». Настоящая поэма в прозе посвящена Бикмуллиным этой сосне. Названа, правда, не совсем обычно для произведения «природоведческого» жанра: «От Ивана Грозного до Леонида Бреж-

нева» (всего четыре месяца не дожила сосна до кончины великого генсека). А если мы не поленимся пересечь «скрозь» весь этот участок леса (опять же в южном направлении) и доберёмся до одного из отрогов ближайшего ополья, то взору нашему предстанут виды деревеньки Сосновки (Безобразовки). Остановимся на опушке, у края дола Крутца, возле дичка-яблоньки, что пережила когда-то садивших её на 35 лет и жива доселе. Здесь стояла сторожка-избушка, где нёс службу Максим Герасимович Самсонов — «дед Максим из Безобразовки», лесник и охотник, принявший «в ночлежники и выученики», до самой своей кончины остававшийся верным товарищем и для взрослого Анвяра Хамзиныча....

ЗВЕЗДА И... ПРОДОЛЖЕНИЕ БИКМУЛЛИНА

В начале 2004 года в издательстве «Веста» (Кузнецк) вышел первый сборник его рассказов «Охота — жизни повесть». В конце того же года вышло сразу два сборника: «Шпанские уточки» (тоже в издательстве «Веста») и «Без шума и гама» (Цивильск — Чувашия). Радовался Анвяр недолго. Сердце в его груди билось благородное, но не столь крепкое, чтобы противостоять жестоким жизненным невзгодам. Скончался Анвяр Хамзиныч Бикмуллин скоропостижно 15 декабря 2004 года. 19 февраля 2014 года ему исполнилось бы шестьдесят лет.

Каждое пятнадцатое число декабря вот уже в течение одиннадцати лет мы, друзья автора «Соломенного захолустья», собираемся вместе. Это наша традиция, крепкая и нерушимая. Мы помним Бикмуллина, любим его, читаем и почитаем. Периодические издания, в которые «был вхож» Анвяр, — «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Российская охотничья газета», — время от времени печатают его произведения — как старые, так и прежде не опубликованные. Журнал «Сура» опубликовал его документальную повесть «Охота на глухаря». Зоя Михеева (Заречнева) выпустила на свои средства небольшую, тиражом в 100 экземпляров, брошюрку, в которую вошли «общие» с её мужем и Анвяром фотографии и прежде не опубликованный рассказ Бикмуллина «Вся жизнь в сеттерах»...

Александр ФРОЛОВ

**СЛЫШУ
МУЗЫКУ**

Стихи

ВСТРЕЧА

Размыты краски на холсте,
Стена запятнана тенями.
А я скучаю по тебе,
И сердце полнится стихами.

В ночи играет тихий блюз.
Напомнил мне о том, что было.
Теперь опять дышать учусь.
Та встреча так меня накрыла!

Свет звёзд напомнил: где-то ты,
Гуляя, думаешь о вечном,
Твои сбываются мечты,
А я был просто первым встречным.

Гудит в провисших проводах
Бог перемен — восточный ветер.
Как я надеялся тогда,
Что душу родственную встретил!

КАРАЧУН

Рёв медведя я слышу в буране.
Белым волком стонет метель.
Одиноко синеют курганы.
Застыла от страха капель.

ДЕБЮТ

Чёрной кляксой пропитано небо.
Вместо солнца — тлеют угли.
На столе только крошки хлеба.
Старый пёс тоскливо скулит.
Замирает испуганно время.
Обречённо стонет земля.
Оживает стоглавая немощь,
Пожирает надежды поля.

Карачун — порождение мрака.
Вожжи смерти в длани его.
Не скулит больше ночью собака.
Только волчий слышится вой.

МУЗЫКА ГОРОДА

Я слышу музыку вокруг:
В безумном рёве мотоцикла,
В касании случайных рук.
Она, как тень, в меня проникла.

В знакомом стуке каблуков
И в звоне красного трамвая,
В далёком беге облаков
Звучит мелодия живая.

Она корнями в нас вросла.
Созрела сочными плодами.
Твоя улыбка, как стрела,
Пронзила сердце мне. Ночами

Играет город лёгкий джаз.
От поцелуев пеплом стал я.
От недосказанности фраз
Твой взгляд за дымчатой вуалью.

НОЧЬЮ

Ночь кофейным сгустком затекает в окна.
В черноте пространства лес уснувший мокнет
От холодных пальцев липкого тумана.
Тихий треск из печки в тишине дурманит.

На столе застыли мятые страницы,
Розы увядают, не успев раскрыться.
Не танцует ветер на бутонах алых.
В тёмном коридоре на часах усталых
Умирает время.

ОГОНЬ ТВОРЦА

Однажды долгой зимней ночью
Далёкий месяц в небе плыл.
Мне не спалось, и мыслей клочья
Вплетались в прочерки чернил.

Растерзан лист когтями слова,
И птицей рвался из меня
Комок отчаяния новый
Едва горевшего огня,

Который жжёт ночами душу,
Терзает сердце на заре
И в диком танце мысли кружит,
Не дав спокойно умереть.

Огонь творца не знает меры,
Но в жизни есть всему предел.
На этот раз погас он первым,
А я в углу тихонько тлел.

СКАЧОК

Росток сломал асфальта панцирь.
Где дом сгорел, там дивный сад.
В подземной келье старый пастор
Застыл с ключом у вечных врат.

В минуты крайнего отчаяния
Реальность режет, словно нож.
В изгибах блеклого мерцания
Далёких звёзд ответ найдёшь.

Горит цветок в безмолвной неге,
Струится лепестками свет.

Бег облаков в бездонном небе,
Плывущих миллионы лет.

Ступень наверх в пустую вечность,
Прочь с огненного колеса —
Оставить Путь наш старый, Млечный,
Начав скачок с Большого Пса.

СУМЕРКИ

Умирающий день машет красными рукавами
За скалой облаков.
Обожженная степь шепчет чёрными васильками.
Так было веками
В мире циклической смены яичных желтков.

Треснул солнечный луч, как тетива деревянного лука,
В каменных руках
Измождённой планеты.
Морщится оврагами она от очередного витка.

ТЕСНОТА

Я не отыскал бескрайних полей.
Я — эхо моих случайных ролей.
Серое небо — камень.

Мне ночью видней, чем солнечным днём.
В дорожной грязи уснул под дождём.
Чёрные тени, кто вы?

Так страшен часов стремительный бег.
В глубинах зеркал — чужой человек.
Вселенский вертеп — жутко.

Дмитрий МУРАШОВ

СПОР О ХОРОШИХ КНИГАХ

**Репертуар чтения в Пензенской
общественной библиотеке
имени М.Ю. Лермонтова
в конце XIX — начале XX в.**

В формировании мировоззрения поколений, живших в России на рубеже XIX — XX веков, большую роль играла книга. Она была не только основным источником знаний, но и одним из главных инструментов формирования нравственности. В этот период — эпоху рождения массового читателя — книга становилась обязательным элементом повседневности.

Общественная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, основанная в 1892 году, практически сразу (в пять-шесть лет) стала крупным книгохранилищем Пензенской губернии. В 1895 — 1896 годах фонд библиотеки насчитывал 1856 книг, в 1898 году — 15 103 книги и периодических издания, а в 1903-м — 34 781. Ежегодно увеличивалось и количество читателей: 1893 год — 400, 1898-й — 1355, 1903 год — 1436. В год начала Первой мировой войны фонд библиотеки имел 48 644 единицы хранения (книги и периодика), а библиотека — 1461 подписчика (читателя)¹.

Ежегодно, с 1893 по 1914 годы, «Лермонтовка» выпускала отчеты о своей деятельности. Благодаря им сегодня имеется возможность узнать репертуар чтения подписчиков библиотеки и через книги — проводники времени — определить грани их мировоззрения.

Основными читателями Лермонтовской библиотеки на рубеже столетий были педагоги и учащиеся пензенских образовательных учреждений. Они составляли более пятидесяти процентов подписчиков². Внутри учащейся молодежи преобладали мальчики и юноши (55 — 80%), среди педагогов — женщины (57 — 58%)³. Такими были основные категории читателей, чьи предпочтения определяли репертуар выбранной литературы. Статистика выданных книг по разделам библиотечного каталога свидетельствует, что наибольшей популярностью пользовалась беллетристика, отечественная и зарубежная. На втором месте находились детские книги, на третьем

(в разные годы) — сочинения по литературоведению, истории, философии и правоведению. Таким образом, среди педагогов и учащихся, пользовавшихся библиотекой, преобладал гуманитарный уклон.

Самым читаемым писателем рубежа двух столетий был Лев Николаевич Толстой. В среднем за год его сочинения выдавались 706 раз, то есть два раза в день. Вторая позиция прочно принадлежала Ивану Сергеевичу Тургеневу. Его сочинения выдавались 425 раз. Третьи-пятые места занимали Алексей Писемский, Иван Гончаров и Антон Чехов. Из зарубежных авторов больше всего читался Эмиль Золя, сочинения французского писателя выдавались в среднем 377 раз. Далее шли сентиментальные романы немецких писателей Фридриха Шпильхагена и Элизабет Вернер, соответственно 357 и 337 раз. Замыкали пятерку популярных авторов произведения Густава Эмара (жанр «вестерн») и Генрика Сенкевича⁴. Вероятно, книги Вернер («Цветок счастья», «Разорванные цепи», «Горная фея») больше читались женщинами, а Эмара («Закон Линча», «Флибустьеры», «Золотая лихорадка») — мужчинами.

Лев Толстой был избран почетным членом Лермонтовского общества, основанного на базе библиотеки, в 1906 году. После его смерти общество направило семье великого писателя телеграмму со словами: «Правление присоединяется к горю семьи, всей России, всего мира; оплакивает кончину величайшего родного гения. Общая любовь осиротевшего человечества к бессмертному Льву Николаевичу да послужит утешением Вам в безмерном горе Вашем». Портрет Толстого был повешен в читальном зале Лермонтовской библиотеки, и она взяла на себя обязательство приобретать все издания сочинений Толстого и сочинения «посвященные его памяти и разбору его произведений»⁵.

Из философов, русских и зарубежных, у читателей библиотеки вне конкуренции был Фридрих Ницше, из педагогов — Константин Ушинский. В библиотеке имелось четырехтомное собрание сочинений Ницше на русском языке, изданное в Москве в 1900 — 1901 годах, и собрание сочинений Ушинского, вышедших в свет с 1873 года.

Показательно, что незабываемым авторитетом литературной критики был пензяк Виссарион Белинский. Что здесь было ведущим — факт землячества или верный взгляд на литературу, сказать трудно. Но русская литература XIX века изучалась в Пензе с позиций Белинского, и Народный дом, строившийся по инициативе библиотеки на улице Театральной, переименованной в 1911 году в улицу Белинского, — это яркий факт уважительного отношения к памяти критика. В 1897 — 1898 годах сочинения В.Г. Белинского выдавались в «Лермонтовке» 305 раз, в 1900 — 1901 г. — 229, в 1909 — 1910 годах — 151 раз⁶. Вечным конкурентом Белинского в разделе «Критика, история литературы» был педагог Василий Зелинский, составитель многочисленных сборников критической литературы о русских классиках. В библиотеке имелись его работы «Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина», «Русская

критическая литература о произведениях Н.В. Гоголя», «Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого»⁷. Очевидно, что для пензенских педагогов и учащихся эти работы имели прикладной, учебный характер.

Периодические издания — газеты и журналы — составляли значительную часть фонда Лермонтовской библиотеки. На 1914 год — 35%⁸. Библиотека выписывала как центральные, так и провинциальные издания. Среди них — газеты и литературные, исторические, педагогические, детские журналы. В пятерку самых востребованных журналов входили «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Мир Божий»⁹. Лидерами читательского спроса являлись «Вестник Европы» (выдавался в среднем за год 1040 раз, то есть 3 раза в день) и «Русская мысль» (1306 раз). Оба журнала имели либеральный, конституционный толк. Поэтому интерес к ним — это интерес к либеральным идеям внутри образованного общества Пензы. Полемику с марксистами вел и журнал «Русское богатство», стоявший на позициях либерального народничества.

На фоне сложившихся трендов читательских предпочтений показательна полемика о «хороших книгах», необходимых читателю, развернувшаяся в 1916 году в местной прессе между К.Р. Евграфовым и К.П. Феоктистовым, бывшим и действующим председателем правления «Лермонтовки». Позиции спорящих сторон были таковы. Феоктистов предлагал пополнять фонд библиотеки преимущественно произведениями современной беллетристики и популяризировать их среди читателей. Евграфов был категорически против такого подхода. Он настаивал на пополнении фонда библиотеки произведениями классической художественной литературы, научными и учебными книгами. Условно, Евграфов был за Толстого и Тургенева, а Феоктистов за Шпильхагена и Эмара. Константин Феоктистов рассматривал литературу как элемент досуга, а Константин Евграфов — как инструмент знания. Феоктистов считал библиотеку учреждением, что формирует свой фонд на основе предпочтений читателей, а для Евграфова библиотека была учреждением, которое формирует предпочтения читателей. В итоге — объектом спора оказывались подростки и молодежь, большая часть читателей «Лермонтовки». К.П. Феоктистов предлагал дать им то, что они хотят, а К.Р. Евграфов — то, что с точки зрения взрослого человека формирует эмоционально-здоровую личность. «Вспомните, — писал Евграфов, — сколько случаев бегства, браков и адюльтеров совершили девушки и женщины высшего круга с горьковскими героями в дни славы этих героев!»¹⁰ Развернуться спору в практическую плоскость (пополнение фонда) помешала революция 1917 года.

Итак, репертуар чтения педагогов и учащихся образовательных учреждений Пензы и губернии — главных читателей Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова — позволяет восстановить некоторые грани их мировоззрения. Увидеть, что пензенская интеллигенция, настоящая (в лице педагогов) и будущая (в лице учащихся), с симпатией относилась к либераль-

ным идеям, высоко чтит наследие Константина Ушинского и считала Виссариона Белинского и Льва Толстого своими учителями. Из иностранных авторов интеллигенция Пензы зачитывалась Ницше и Золя, а книги Шпильхагена, Эмара и Вернер, с яркими страстями реального или придуманного мира, использовала как легкое чтение, чтобы отвлечься от проблем повседневности. Какие из этих книг были хорошими, какие плохими с позиций читателей, каждый из них решал сам, выбирая книгу в библиотеке. Что касается руководства «Лермонтовки», то действующее правление в лице Феокистова голосовало за современную беллетристику, в то время как прежнее, в лице Евграфова, за классическую художественную литературу, научно-популярные и учебные тексты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1895 — 1896 год. Пенза, 1897. С. 6, 16; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1897 — 1898 год. Пенза, 1899. С. 25, 28; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1902 — 1903 год. Пенза, 1904. С. 27, 31. Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1913 — 1914 год. Пенза, 1915. С. 14 — 15.

² Мурашов Д.Ю. Первая Лермонтовская. Пенза, 2012. С. 9 — 11.

³ Подсчитано по: Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1896 — 1897 год. Пенза, 1898; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1906 — 1907 год. Пенза, 1908.

⁴ Анализ выдачи произведений отечественных и зарубежных беллетристов произведен по отчетам Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1894 — 1895, 1899 — 1900, 1902 — 1903, 1906 — 1907, 1909 — 1910 годы.

⁵ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1910 — 1911 год. Пенза, 1911. С. 13.

⁶ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1897 — 1898 год. С. 35; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1900 — 1901 год. Пенза, 1902. С. 35; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1909 — 1910 год. Пенза, 1911. С. 41.

⁷ Третье прибавление к систематическому каталогу книг и брошюр Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. Пенза, 1906. С. 280.

⁸ Мурашов Д.Ю. Указ. соч. С. 13.

⁹ Анализ выдачи журналов произведен по отчетам Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова за 1894 — 1895, 1899 — 1900, 1902 — 1903, 1906 — 1907, 1909 — 1910 годы.

¹⁰ «Он правды всей душой искал». Пенза, 2009. С. 112.

Вера ДОРОШИНА

**В ПОИСКАХ
ЭТВАСА**

**Рецензия на книгу
Антон Шумилина «Этвас»**

«Что-нибудь, что-либо, что-то, кое-что; нечто» — именно так переводится с немецкого языка загадочное слово «этвас», ставшее благодаря повести Юрия Коринца «Там вдали, за рекой» символом постоянного творчества, неустанного поиска истины, внутренней сути вещей. Этот ёмкий, глубокий образ дал название сборнику стихов пензенского поэта. Этвас Антона Шумилина — то, что таится за искусственными декорациями, приоткрывается пытливому взгляду за лоском иллюзорных покровов действительности, это архаичное, позабытое за давностью лет сокровенное содержание:

Под корою времён и за пазухой ваз
Сетью трещин на мраморной статуе
На тебя и меня напалзает Этвас...

Книга вышла в 2015 году и обратила на себя внимание нетривиальностью тем и проблематики, яркой и оригинальной образностью, напряжённым стремлением молодого автора прокладывать свою, пусть неровную и трудную, но самостоятельную, дорогу в поле современной русской словесности. Антон Шумилин — давний участник клуба «Берега» при журнале «Сура». Сегодня этого автора вполне можно назвать вписавшимся в контекст литературной жизни Пензы и занявшим в ней своё определённое место. Поэт, пробующий себя и в прозе, Антон имеет публикации в изданиях: журнал «Сура», сборник стихов «Дым интуиции» (2010), сборники стихов «Реванш» (2012) и «Реванш-2», сборник стихотворений и рассказов «Четверги» (2013), «Лунная пасека» (2013), литературно-художественный альманах «Береста» (2010), поэтический альманах «Берега» (2007), журнал «Edita» (№ 3 (41) 2010), литературный журнал «Вокзал» (№ 4, 2012). Новый сборник стихотворений «Этвас» наглядно демонстри-

рует творческий рост поэта, если сравнить книгу с первыми, ранними публикациями.

Стихи Антона Шумилина отличает сочетание зримых, ярких образов с интеллектуальным началом, с мыслью, пронизывающей тело текста. Взгляд именно художника наделяет этого автора способностью запечатлевать картину мира через призму субъективного видения и чувствования, объёмно и весомо, но не реалистично, а, скорее, сюрреалистично и экспрессионистично одновременно (его стихи рожают зрительно-эмоциональные ассоциации с полотнами сюрреалистов и Мунка). Выхватывая детали реальности, он густо замешивает их с вынутыми из подсознания образами и полученную массу формует, отливает в интеллектуально, даже аналитически выверяемый текст:

Багровый эллипс истошно тонет в молочной пене
Над коркой леса и волосами сухой травы.
Росток распада увековечен и постепенен,
Сантиметровой дорожной пылью сияют рвы.

Где меж клыками гнилой и ржавой железной клетки
Деревья вшиты в дорожный сумрак конца времён,
Безумно-белый лохматый ангел ломает ветки
И, захлебнувшись дремучим страхом, несётся вон...

Или:

В дымных пещерах ртов,
Окопах свинцовых дней,
Плотных рядах крестов,
Жёлтых глазах нулей —
Поросшая снегом Дао, седая,
Стопавшая Октября лик,
Россия, которую мы потеряли.
Россия, которую мы обретаем.

В работе со словом Антон избегает литературных клише, смело экспериментирует, сочетая непривычные для восприятия лексические единицы и образы, стремясь выжать вполне конкретные смыслы из неожиданных этих сплетений, совмещений, схождения. Его творческая мастерская — лаборатория алхимика, который из известных уже элементов языка пытается получить некий новый сплав, с новыми свойствами, смыслами. Сам он так это декларирует:

Мы играем в кубики Рубика,
Постигая ключ от пространства.

А могли бы дыркой от бублика
По старинке чтить постоянство.

.....
Пообтачиваться мрачными браками,
Не артачиться и в ад топтать гномами.
Вы играйте со знакомыми знаками,
Поиграем мы с незнакомыми.

Тексты Антона Шумилина требуют вдумчивого прочтения и вдобавок достаточной эрудиции, интеллектуального багажа в сферах философии, истории, литературы, социологии, психологии и других, ибо насыщенность научной терминологией, именами и понятиями из разных областей делает многие образы труднопроницаемыми для неподготовленного читателя: «Ржавеет бритва Оккама...», «И улетают в космос Эйдос», «тест Рошарха здесь — пшик», «разбросанные уроборосы», «всеведенье Хаомы», «воспалённым сознанием морлока», «гештальт нуля», «в серебряном панцире Нави», «развесив космы смятого органона», «внутренний тессеракт» и т. п. Однако тезис о том, что «поэзия должна быть глуповата», не является бесспорным.

Темы, волнующие этого автора, — актуальнейшие вопросы нашей современности. Это пути развития современной цивилизации в целом и русского мира в частности, вопросы справедливого общественного устройства, это постижение сути человеческой природы, смысла единичного человеческого существования и смысла истории. Так, например, касаясь темы засилья потребительской идеологии, двигателем которой является вездесущая реклама, Антон создаёт пронзительные и пугающие образы современного общества потребления:

Реклама жизни — гештальт нуля, глаза
Червоточащего мёртвого плода.
Порядок из этого хаоса —
Рыхлая картонная колода.

Мир пожирают личинки слоганов.
Скидка, пряник, кредит, пах, кнут...
Ингредиентов много, но
Мусорные баки одинаково пахнут.

Неуклюжая симуляция разнообразия
Сияет обёрткой шаткой и валкой.
Наверное, в этот раз и я
Выжгу себе глаза зажигалкой.

Есть и стихи о любви, где авторское «я» наиболее проступает. Характерно, что и интимная лирика у Антона не вырвана из социального контекста. Лирический герой и героиня обитают не в пустоте, живя одним своим узко-индивидуальным чувством, а помещены в конкретную общественную среду и как бы преломляются в исторической перспективе:

В этом вздохе и грохот бегущих по рвам коней был,
И ржавеющий гул мироздания в старой котельной...
Мне с тобой бы ещё обойти все миры хотелось
И от приступов яростной нежности не скончаться.

Пейзажная лирика как таковая отсутствует, а отдельные зарисовки природы, скорее, служат частью социального пейзажа или штрихами эмоциональной картины:

Караваны ворон потянулись в леса голубые,
Чёрным дымом всосавшись в холмистую влажную грудь.
Очень хочется губы в подземный пожар обмакнуть,
Чтобы мёртвой воды отошла ядовитая горечь.

В самоварную сказку стекаются тучи рябые
И под снег уходящая с богом смиренная грязь.
Всё стекается в даль, не оглядываясь и не борясь.
Перед часом быка простирается вечная полночь...

Как в образной системе, так и в формальной организации стиха Антон Шумилин скорее продолжает развитие модернистских традиций начала прошлого века, нежели ориентируется на классические образцы русской поэзии, где строгое соблюдение рифмовки и ритма подчиняет автора диктату формы. Его строфическое деление текстов довольно свободно и починено смыслу, так же как и поиск оригинальных, не затёртых рифм (*декораций — Рацио; юла — ГУ-ЛАГ; слоганов — много, но; о Трое — а трое* и др.) не является самоцелью, а работает на содержание.

Книгу с уверенностью можно назвать вполне состоявшейся, а поэту хочется пожелать обрести своего читателя — умного и смелого открывателя нетривиальных смыслов, внимательного к формальным опытам; но самое главное — продолжать творить, искать, постигать таящийся в окружающей действительности ЭТВАС!

Юлия СТЕШКИНА

**«ПРОДВИЖЕНИЕ ЧТЕНИЯ
В РОССИИ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ,
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**Межрегиональный
научно-практический семинар**

Дворец книги — именно так неофициально называют Ульяновскую областную научную библиотеку, и она достойно носит такое звание. В холле для участников Межрегионального научно-практического семинара была организована выставка-продажа книг и сувенирной продукции. Сотрудники Дворца книги провели для гостей из регионов экскурсию по мемориальной экспозиции «Карамзинская общественная библиотека». Первый зал — читальный, где, со слов экскурсовода, происходит полное «погружение» в историю библиотеки. Становление Карамзинской общественной библиотеки происходило во многом за счет дарений. Обилием и многообразием своих фондов библиотека благодарна С.Т. и К.С. Аксаковым, М.А. Дмитриеву, Д.В. Давыдову, И.А. Гончарову, семье Карамзиных и другим хранителям книжного наследия. В августе 1864 года пожар уничтожил почти весь ее фонд, оставив менее 100 книг. Симбирской библиотеке, несомненно, везло на небезразличных отзывчивых людей, обеспокоенных её судьбой. Общество русских литераторов, библиотеки Академии наук, Казанского университета и Генерального штаба, Воронежская публичная библиотека взаимными силами возрождали богатство книжного дома. Зал заседаний комитета бережно хранит вековые личные собрания деятелей науки, культуры и искусства. Особую гордость представляют экземпляры из личной библиотеки великого князя Александра III, а в Книге почетных посетителей Карамзинской общественной библиотеки находятся его автограф и автографы Марии Федоровны, Алексея Александровича и Константина Николаевича, оставленные ими в 1869 — 1870 гг. Сегодня уникальное собрание коллекций Карамзинской библиотеки принадлежит отделу редких книг и рукописей.

Открытие Межрегионального научно-практического семинара состоялось 4 апреля 2016 г. в торжественном зале. Всех собравшихся вступительными словами поприветствовали Светлана Валенти-

новна Нагаткина, директор Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина, Татьяна Александровна Ившина, министр искусства и культурной политики Ульяновской области. Заместитель председателя Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Сергей Дмитриевич Бакейкин, рассказал нам о роли Межрегионального центра библиотечного сотрудничества в реализации Национальной программы поддержки и развития чтения. Евгений Иванович Кузьмин, президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества, сделал акцент на том, что государство и общество совместным трудом и активной работой должны популяризировать чтение. За два дня прозвучали 22 доклада и проведены 2 мастер-класса от представителей библиотечного, издательского дела и педагогов. Выступление каждого участника сопровождалось наглядными презентациями и демонстрационными экземплярами печатной продукции учреждений образования и культуры.

Марина Николаевна Осипова, директор областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, торжественно вручила в дар Дворцу книги копию неопубликованного письма Николая Михайловича Карамзина, найденного ученым секретарем «Лермонтовки» Дмитрием Юрьевичем Мурашовым. Подарок оказался знаменательным потому, что имя известного литератора имеет непосредственное отношение к истории Ульяновской библиотеки. Юлия Вячеславовна Стешкина представила слушателям доклад о Пензенской электронной библиотеке как одной из форм продвижения чтения. Екатерина Яковлевна Обушникова в своем выступлении презентовала фильм видеостудии «Глобус» «Литературная провинция. Мировые имена». Коллеги из Москвы, Челябинска, Кирова, Чебоксар, Тольятти, Казани, Сургута, Ульяновска и Ульяновской области поделились положительными впечатлениями о фильме.

Заключительный день семинара был ознаменован подписанием соглашения о сотрудничестве между Министерством искусства и культурной политики Ульяновской области и Российским книжным союзом. Свои подписи под документом поставили генеральный директор издательства «ЭКСМО» вице-президент Российского книжного союза Олег Евгеньевич Новиков и министр искусства и культурной политики Ульяновской области Татьяна Ившина.

В рамках семинара состоялась творческая встреча с писателем-прозаиком, автором детективных романов, сценаристом, переводчиком и телеведущей Татьяной Устиновой. «Надежда только на вас, дорогие мои, на ваши собственные силы, интеллект, желание работать и желание служить такому прекрасному делу, как книги. Продолжайте, иначе мы все пропали!» — именно так Татьяна Валентиновна отметила незаменимую роль библиотекарей в формировании у молодого поколения привычки читать книги.

Очевидна большая практическая значимость таких мероприятий, как состоявшийся Межрегиональный научно-практический семинар. Она состоит в конкретной возможности получить профессиональные знания и применить их впоследствии уже в своей библиотечной работе, привлекая в мир литературы все больше и больше читателей.

Ольга КОРШУНОВА

**«СЛОВО.
ОТЕЧЕСТВО.
ВЕРА»**

**О Поэте и Человеке
Игоре Григорьеве**

Поэт в России... Что он может наперёд знать о своей судьбе, о судьбе Слова, срывающегося с губ? Как это Слово будет услышано, отзовется ли в сердцах читателей, слушателей?.. Зачастую у российских поэтов нелёгкие жизненные пути, да и стихи их то звенят колоколом, то впадают в забвение, то вновь возгораются путеводной звездой.

В самой полной мере сказанное относится к жизни и творчеству Игоря Николаевича Григорьева (1923 — 1996), замечательного русского поэта, уроженца псковской земли, поэта, который сам о себе говорил так: *«Человек я верующий, русский, деревенский, счастливый, на всё, что не против Совести, готовый! Чего ещё?»*

В этом году ему бы исполнилось 93 года, но уже почти 20 лет его нет в живых, и, что горько, на долгий период времени его человеческие, искренние, честные в своей откровенности стихи выпали из поля зрения читателей. Больно говорить об этом, но имя настоящего народного поэта незаслуженно оставалось в тени. Только последние два года они вновь зазвучали в полную силу, поражая своей чистотой и верой в жизнь.

Игорь Григорьев — явление уникальное в нашем литературном мире. Его творческую судьбу поэта нельзя отделить от жизненной судьбы — воина, разведчика. Родившийся в небольшой псковской деревне, он восемнадцатилетним юношей встретил войну и в столь юном возрасте руководил подпольщиками, командовал группой разведки в немецком тылу, был бригадным разведчиком Шестой ленинградской партизанской бригады под командованием комбрига Виктора Объедкова. Пережил четыре тяжёлых ранения, терял в боях родных и друзей.

Игоря Григорьева можно смело включить в плеяду знаменитых разведчиков нашего времени. И это его хождение «по лезвию ножа», по краю пропасти не могло не отразиться на его творчестве — осо-

бым взглядом, прочувствованным словом. И в послевоенное время он никогда не отрывался от «корней», чутким сердцем принимал, пропускал через себя боль, тревоги и светлые радости своей бесконечно любимой Родины и родимого края.

Поэтический талант этого неординарного человека живо преломлял чувства, мысли, изливаясь в родниковой стихотворной строкой. Стихи поэта поражают точностью и меткостью сказанного слова, глубиной мысли, ответственностью за все написанное, чистым народным языком. Он писал — как дышал; говорил — как думал, не стремясь ничего приукрасить, подретушировать. Этим стихам ВЕРИШЬ.

В 1954 году И.Н. Григорьев окончил филологический факультет Ленинградского университета, и с тех пор его имя как поэта много лет было на слуху и в Ленинграде, и в Москве. Более 20 лет он был тесно связан с Ленинградом. В 1970-х годах, когда во Пскове было решено открыть отделение СП СССР, Игорь Григорьев возглавил эту региональную писательскую организацию и уехал жить на родину.

Поэт оставил после себя большое литературное наследие: он является автором более 20 поэтических сборников, среди которых его первая книга военных стихов «Набат», сборники «Родимые дали» (1960), «Крутая дорога» (1994), «Кого люблю» (1994), «Боль» (1995) и другие. Уже после его ухода издана книга «Перед Россией» (2014).

Меня, как и многих других поэтов в России и за рубежом, очень заинтересовали стихи Игоря Григорьева, хоть поначалу, когда я прочла в Интернете о поэтическом конкурсе имени И.Н. Григорьева, мне эта фамилия ни о чём не говорила, и с его стихами я познакомилась позднее. Но, раз прочитав их на его сайте, уже не могла оторваться от этой поэзии.

Стихи его ждали своего времени в родных краях поэта, в древнем городе Пскове. Мне кажется, это тот редчайший случай, когда жизнь распорядилась правильно: только в тишине родной природы можно было создать такие строки, удивляющие пронзительностью образов:

Зажгли в беложар, осветили округу
Черемух белынь-острова.
Весна наметелила тёплую вьюгу,
А понизу вьюги — трава.
А поверху вьюги — сияющий воздух:
Дыши, гореванья не знай;
Чуть выше — в просторе —
Струистая роздымь:
И это — всего только май...

Игоря Григорьева сегодня сравнивают с Сергеем Есениным. А в чём-то в своём творчестве он был очень схож с другим талантливейшим человеком — Василием Шукшиным, только писал Григорьев не в прозе, а в поэзии.

Его стихи — мощные, они ложатся тяжелым пластом родной земли, в них много мудрости простого человека, привыкшего надеяться только на себя и до мозга костей преданного своей родине:

Хоть расквозишь, хоть разжалей —
От сырых нив не уберечься
И на распяты не отречься
От засыпающих полей...
Какую неизбывной верой
Заогневает вдруг душа,
Когда в дали, пустой и серой,
Всплеснётся трепет камыша...

Игорь Николаевич Григорьев ушёл из жизни 16 января 1996 года. А его стихи остались. Да какие стихи! Не о себе он думал и писал — все его мысли были об Отчизне, о России, о святой Руси. Он умел жить по-Божьи, любить всем сердцем, отдавать себя без остатка. Но поэта так и не приняла официальная критика. Такое отчуждение было не случайно. Муза Игоря Григорьева никогда не прислуживала власть имущим, ни «левым», ни «правым», но верой и правдой служила Совести и России. К тому же поэт всегда имел собственное мнение, которое выражал своим, да ещё и далеко не робким голосом. Он был личностью независимой, а значит, не всем удобной. И в конце концов его просто-напросто «отодвинули в сторону». Даже местная периодика перестала публиковать его стихи.

Сегодня творчество Игоря Григорьева переживает своё второе рождение. К нему уже спешит новый читатель, читатель XXI века, уставший от игры слов, от нагромождения пустых образов и метафор, от модернизма всех мастей, жаждущий настоящей поэзии, как путник в пустыне жаждет глотка чистой холодной воды. И невольно вспоминаешь пророческие строки поэта:

Когда мы жизнью вдоволь наиграемся,
Натешимся, намаемся до дна,
Тогда мы снова жить засобираемся,
Как будто нам вторая жизнь дана...

В этом году я в третий раз приняла участие в поэтическом конкурсе памяти Игоря Николаевича. Каждый раз организаторы конкурса дают ему название по какой-либо поэтической строке из стихотворений этого поэта. В 2014 году темой конкурса стало: «Я не мыслю себя без России». Само название взывало к глубинным, искренним чувствам любви к Родине. Попав в число финалистов конкурса, я была счастлива, когда меня пригласили принять участие в конференции «Слово. Отечество. Вера». Сделала всё, чтобы приехать в Санкт-Пе-

тербург. Вдвойне счастлива оказалась, когда на этой конференции меня назвали победителем.

В 2015 году традиция проведения конкурса была продолжена, и на этот раз название конкурса родилось из ещё одной строки поэта: «Ничего душе не надо, кроме родины и неба». Особенностью этого конкурса было то, что он был посвящён особому событию года — 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Прошлогодний конкурс привлёк большое внимание поэтов из разных стран, стал более масштабным. Как было сообщено на официальном сайте конкурса, в нём приняло участие более 300 литераторов, среди которых были как профессиональные поэты, так и любители из России, Белоруссии, Казахстана, Чехии, Германии, Канады, Украины, Латвии, Башкирии, Хакасии, Чувашии, Киргизии, Карачаево-Черкессии, Мордовии, республики Марий Эл, Крыма, ДНР и ЛНР. Международное жюри (председатель — Григорий Игоревич Григорьев, сын поэта) рассмотрело около тысячи стихотворений и определило 68 финалистов — по 1 стихотворению от каждого. Из этого числа авторов 5 стали победителями (1-е место, 2 вторых и 2 третьих места). 16 поэтов были названы лауреатами, остальные получили дипломы финалистов.

Я и ещё одна поэтесса из г. Заречного Пензенской области Ольга Правдина вошли в число финалистов и были приглашены в Санкт-Петербург на Вторые литературные чтения памяти поэта Игоря Григорьева.

19 ноября 2015 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, расположенном на Васильевском острове, состоялась вторая международная научная конференция «Слово. Отечество. Вера». В конференции приняли участие поэты, писатели, литературоведы, родственники и поклонники творчества выдающегося русского поэта из разных регионов России, республики Беларусь, Украины. Участвовали также близкие родственники поэта, хранящие светлую память о нём.

Тема конференции этого года: «Русская литература и проблемы этносоциальной консолидации народа». Конференция и сам конкурс проводятся при поддержке Фонда памяти поэта Игоря Григорьева. Президент фонда — сын поэта — заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, доктор богословия, профессор, писатель, протоиерей Григорий Игоревич Григорьев. В рамках конференции прошло чествование лауреатов II Международного поэтического конкурса им. И.Н. Григорьева «Ничего душе не надо, кроме родины и неба».

Как и год назад, очень интересными оказались выступления учёных-филологов, издателей литературных журналов, писателей, руководителей литературных факультетов в университетах России и Белоруссии. На выставке были представлены книги и рукописи поэта, архивные фотографии, а также книги, увидевшие свет в Санкт-Петербурге в этом году.

Приятным сюрпризом было исполнение песен на стихи Игоря Григорьева мужским хором храма Рождества Иоанна Предтечи д. Юкки (Ленинградская

Лауреаты конкурса «Ничего душе не надо, кроме родины и неба», 2016 г.

область) под руководством заслуженного артиста Карелии Олега Палкина, а также прозвучали романсы на стихи поэта в исполнении лауреата всероссийских и международных вокальных конкурсов Елены Наливаевой.

Волнительным моментом стало награждение финалистов, лауреатов и победителей конкурса. Приятно было, что Ольга Правдина была награждена дипломом финалиста и итоговым сборником. Я оказалась в числе лауреатов, и с глубокой благодарностью приняла награды из рук Г.И. Григорьева и члена СП России Н.В. Советной.

Пятеро поэтов, попавших в число победителей, были награждены денежной премией и учреждённой Фондом памяти И. Григорьева памятной медалью «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923 — 1996)».

Медаль также была вручена литературным изданиям (в т. ч. белорусским журналам «Нёман», «Белая вежа»), писателям, литературным критикам, учёным, филологам, журналистам, деятелям культуры и искусства, педагогам за большой вклад в сохранение и развитие культуры, русской словесности, традиций патриотического воспитания, а также за изучение и популяризацию творческого наследия Игоря Григорьева. Все победители, лауреаты, финалисты получили в подарок новый сборник стихов «Ничего душе не надо, кроме ро-

дины и неба...», включивший стихи всех участников финальной части конкурса, а также стихи авторов, которые были причастны к судьбе и творчеству Игоря Григорьева. Отдельная глава сборника содержит стихи Игоря Николаевича Григорьева, переведённые на украинский, белорусский, черкесский, английский языки и даже на фарси.

Организацию конкурса и проведение конференции поддержали Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России во главе с его председателем Борисом Орловым и Фонд памяти им. Игоря Григорьева во главе с Григорием Григорьевым. Все мероприятия проводились также при поддержке Александра Георгиевича Скокова — заместителя председателя, члена творческой комиссии СП России, а также ведущего научного сотрудника Пушкинского Дома, доктора филологических наук, профессора Алексея Марковича Любомудрова — сопредседателя Чтений.

Благодаря совместным усилиям об Игоре Григорьеве и мероприятиях его памяти уже начинают говорить в литературном мире как о событии интересном и заслуживающем внимания.

Конкурс 2015 года открыл новые имена талантливых авторов, патриотов своего Отечества. Он уже стал историей, а вот конкурс 2016 года приближается к своему пику. В этот раз он носит название «Душа добру открыла двери» и посвящён 20-летию памяти поэта. Хочется верить, что новое искреннее Слово будет сказано. Отечество будет воспето. Вера в его светлое Завтра укрепится.

Итоги будут подводиться в октябре.

А теперь хочется обратиться к стихам этого прекрасного русского поэта, услышать в стихотворных строках его живой голос.

ПОЭТЫ

Мы воли и огня поводыри
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Всё ждущие — который век! — зари!

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них тревога,
И кровью запекаются до срока,
Как воинов подъятые мечи.

Взлелеявшие песню, не рабы —
Единственная из наград награда!
Нам надо всё и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.

Нас не унять ни дыбой, ни рублём,
Ни славой, ни цикуты царской чашей:
Курс — на зарю!
А смерть — бессмертье наше,
И не Поэт, кто покривит рулём.

* * *

Семёну Гейченко

Стихи стихают. Погасают дали.
С Россией распрощались журавли —
Откалялись, отпели, отрыдали,
И небу нету дела до земли.

Заваривает снежное причастье
Монах-ноябрь костлявою рукой.
Печаль и пепел. Хладное бесстрастье.
Бескровный день. Кладбищенский покой.

И не избежь зальделым клёнам дрожи,
И не избыть распятие кресту.
И сумерки на вашу жизнь похожи,
И долог путь к запретному Христу.
Но это только миг, лишь промельк смутный,
Встревоженной души невольный вздох:
В глубинах нашей веры бесприютной
Неугасимы ни Поэт, ни Бог.

Цветут Святые Горы вокруг Синичьей,
Как жёлтые венки вокруг венца.
И всех, сюда взошедших, без различий
Сам ветер причащает из корца.

ГОРЕМАЯТНАЯ РОДИНА

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах — болотина,
На болотине — холмы.

Или вера сгнила начисто?
Или верится до дна?..

Даже пляшется, как плачется:
Плач — под пляску, мать родна!

Да когда же нам наплачется:
Во пиру судьбы-тюрьмы?
Неужели не отважиться,
Встав, напомнить: кто есть мы!

* * *

Я в русской глухомани рос,
Шагнёшь — и прямо на задворках
Тоска да мох, да плач берёз,
Да где-то град уездный Порхов.

В деревне тридцать пять дворов,
На едока — полдесятины;
В лесу Клину навалом дров,
В реке Гусачке вдосталь тины.

Народ — на голыше босяк.
А ребятню, что год, рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк —
Не все, однако, вдалёк бежали.

Большим не до меньших — дела:
Не как теперь — не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
А в дни ненастья — печка в хате.

Про зиму что и вспоминать:
Метель вьюжила на болоте.
Зима и сытому — не мать:
Хоть в шубе будь, да всё — не тётя.

Весной сластились купырём,
Подснежной клюквой да кислицей;
Под май — крапивки поднарвём:
О, вешний суп с живой водицей!

Зато уж лето детворе
Надарит бобу и орехов

И птичьих песен на заре,
А солнышко нажжёт доспехов...

Нас в люди выводила Русь
Всей строгостью земли и неба.
Пусть хлеб её был чёрным, пусть,
Но никогда он горьким не был.

В СЕЛЕ ПЕТУШЬЯ КУРОЛЕСИЦА

Анатолию Поперечному

В селе петушья куролесица
Морозный дым над ним повис.
Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.

Как вздох — калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Берёзам снятся ночи белые
Да пенье вёсел на реке.

Берёзам долго, горько страждя,
До лета время коротать...
А Русь везде, у пня у каждого, —
И злая мачеха, и мать.

*В статье использованы материалы, опубликованные в Интернете:
В. Шошин «Поэт последней деревни»;
В. Савинов «Вторая конференция «Слово. Отечество. Вера».*

Нина ШЕМЕНКОВА

ДОМОВЁНОК

Стихи для детей

МЫШКА

Мышка шустрая меж ног
Шмыг на кухню, за порог.
Тонкий хвост
мелькнул бечёвкой.
Заревел сиреной Вовка,
Завизжала громко Вика,
У меня — столбняк от крика.
Папа выбежал из зала,
Видит,
в лапках мышки сало...
Засмеялся папа звонко:
«Мышка смелая, не робкая.
Ну а вы, трусишки-зайки,
Быстро спать — под одеялки!»

ДОМОВЁНОК

Домовёнок в доме жил.
Ни о чём он не тужил.
Днём под печкой, в уголке,
Дом хозяйский сторожил.
Но — беда, не спал он ночью!
Носик свой совал повсюду,
По всем комнатам бродил,
Простоквашу с Васькой пил.
До утра гремел посудой.

Спать коту он не давал,
В догонялки с ним играл.
Кот резвился, кот шипел,
Половицами скрипел...

Васька днём на печке спал:
За ночь очень уставал!..

СТУЛЬЧИК

Стульчик сломался на кухне —
Вдруг неожиданно рухнет?

Выпиллил ножку я лобзиком,
Взял молоток и гвоздики.

Стал забивать гвоздь, но криво,
В дужку согнулся он живо.

Выпрямил я его, снова
Стукнул легонечко, ровно.

И починил стульчик. Рад я:
Долго служить будет брату!..

Я СТИРАЛА

Я стирала кукле платья,
Трусики и маечки.
Помогла сестричка Катя
Выстирать панамочки.
Мыло пенилось, пыхтело,
Поднималось облаком,
Я поймать его хотела —
Таз свалился с грохотом.
Разливая воду на пол,
Он подпрыгнул раз и два...
Но не смог ругаться папа,
Растерял он все слова!
Лужа под ногами,
В мыле фартук мамин.
На нос село облако.
Таз грохочет около...

УДИВИЛА

Убирали мы ботву,
Жухлую и вялую.
Причесали всю траву,
Рослую и малую...
Так устали, что упали.
Но недолго отдыхали.
Наша Ксюша
вскоре встала,
Удивила маму:
Кучу жечь она не стала,
А свалила в яму...
Закопала, словно крот, —
Для компоста* — через год!

**компост — органическое удобрение*

ВЕТЕР И ТУЧИ

Тучи мрачно хмурят брови:
Затворяют солнце.
Ветер плётку подготовил,
Озорно смеётся.

Ветер кажется могучим.
Он — не лежебока.
Разгоняет бойко тучи,
Раздувает щёки...

С неохотой тучи врозь
Разбежались — нет их!
Подставляйте солнцу нос —
Вани, Кати, Светы...

БАЛЕРИНА

Заплела косички мне
Старшая сестрёнка,
Я, довольная вполне,
Напеваю звонко:

«Косички, словно ёлочки,
Украшу вас заколочкой,
Бантиком, как бабочкой,
И цветной панамочкой».

Юбочка в снежинках.
Сверху — пелеринка...
Я же — балерина,
Звать меня Ирина.

СНЕГОВИК

Снеговик-снеговичок —
Добрый, светлый старичок,
С палочкой волшебной,
В шубке белоснежной.

Глазки-пуговицы горят,
Хитро смотрят на ребят...
Шарф в большую клетку,
Вместо ручек — ветки.

Набекрень — кастрюля.
Он такой чистюля —
Будто намелованный,
Только нос — морковный.

Стал забавой для детей —
Он обёрнут в канитель.
Из-под шапки — кудри,
В инее, как в пудре.

Веселится ребятня —
До заката беготня...
Смех на всю округу —
С добрым снежным другом!

Роман ДАВЫДОВ

НЕ ГАСНИ

Летом 1988 года мне прислал свои стихи Юрий Самсонов. Знакомы мы не были. Поэтому на трех страницах он изложил свою автобиографию: живет в селе Махалино Кузнецкого района, поэзией занимается профессионально, он — единственный член Союза писателей России среди сельских жителей Сурского края. Кстати, одно из представленных стихотворений — «Наглядный урок» (о непростых отношениях Миши Лермонтова и его бабушки) — я несколько позже положил на музыку. В конце повествования Юрий Борисович не без гордости упомянул о дочери Ирине, которая закончила факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и также пишет стихи.

Прошли годы. Занимаюсь как-то с группой композиторов-любителей в областной филармонии, прописанной тогда на улице Кирова, в нынешнем Доме молодежи. Творческий процесс нарушает Николай Андреевич Куленко из отделения Союза писателей, расплагавшегося в том же здании этажом выше. С ним — незнакомая девушка, которая с некоторых пор стала сочинять не только стихи, что было до этого, но и музыку к ним. За это время Ирина Самсонова (так зовут мою знакомую) выпустила в Пензе три сборника собственных песен. Частный предприниматель и мой друг Алексей Бабашов предложил мне стать редактором изданий, и я согласился.

А работала Ирина Юрьевна вначале литературным сотрудником кузнецкой районной газеты с обычным для того времени названием «Путь к коммунизму», позже организовала и редактировала детско-юношеские газеты «Алые паруса», «Переходный возраст». В настоящее время Самсонова занимается предпринимательством.

Первыми исполнителями ее песен становятся участники вокально-инструментального ансамбля местного ДК. Несколько лет назад я посетил этот очаг культуры. С неподдельным интересом внимали махалинцы авторскому концерту своего композитора. Особенно понравилась землякам песня «Не гасни», текст которой принадлежит перу Самсонова-старшего, Юрия Борисовича.

Проникновенно

1. В молчанье усладу нашли соловьи, кукушки откуковали. Последнее лето нашей любви уже на своем перевале. Не брожится мне среди пыльных мулов, и не стынейдут без прищипки. Боюсь усмотреть в шевеле. Люре кустов седую черту паутинки.

НЕ ГАСНИ

Стихи Юрия Самсонова
Музыка Ирины Самсоновой

1. В молчанье усладу нашли соловьи,
Кукушки откуковали
Последнее лето нашей любви
Уже на своем перевале.

Не бродится мне среди пыльных лугов,
И песни нейдут без причины.
Боюсь усмотреть в шевелюре кустов
Седую черту паутины.

2. Сомненье моё, не маши кистенём,
Как старый разбойник в овраге.
И с ревностью обок не шляйтесь вдвоём —
Я с вами скрещу ещё шпаги!
Вам вместе никак не удастся сгубить
Тот нежный росток по-пустому.
Нам будет звезда в изголовье светить
Из дальних миров по-земному...

3. Но, верно, попался судьбе своей в плен:
Весы её действуют ладно.
И если на них обозначился крен,
Нет силы скакнуть их обратно.
И только умолкли мои соловьи —
Взыграли душевные боли.
Последнее лето нашей любви,
Не гасни хоть в памяти, что ли!

БЕЛОВА Лидия Александровна. Литературовед и писатель-фантаст. Окончила филологический факультет МГУ. Долгие годы работала ведущим редактором в издательствах «Просвещение» и Профиздат, в «Российской исторической газете», в Союзе писателей. Автор книги «Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова», выпущенной Профиздатом тремя изданиями (2005, 2008, 2014). Опубликовала большое количество статей о русских писателях и более всего о Лермонтове, Чехове, Цветаевой. Повести публиковались в журналах «Дружба» (русско-болгарском), «Россияне», «Мир женщины», в сборниках издательства «Молодая гвардия» и «Фантастика-90», в сборнике Профиздата «Космос — моя работа». Член Всесоюзной ассоциации востоковедов при Академии наук СССР, отличник народного просвещения СССР, отличник печати СССР. В «Суре» публикуется впервые.

ВОРОНОВ Валерий Вениаминович. Родился в д. Перхурьево Вологодского района Вологодской области в многодетной семье. Окончил Череповецкий государственный университет по специальности «Общетеchnические дисциплины и технология». В 2010 году ООО Полиграф-Периодика (Вологда) опубликовало сборник стихов «В чувственном зове». Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Большая премия». В «Суре» публикуется впервые.

ГЕРАСИМОВА Марина Владимировна. Родилась в 1985 г. в г. Каменке. Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. В.Г. Белинского. Автор сборников стихов «Зеленоглазые сны», «Луна и кофейные зерна», публикаций в поэтическом альманахе «Берега» (2007), книге «Дом на четыре окна» (2008), журналах «Сура», «Студенческий меридиан». Участник поэтического объединения «Берега» при литературном журнале «Сура». Член Союза писателей России.

ГУРКИН Ибрагим Хамзеевич. Родился в 1956 г. в с. Кочалейка Каменского района, выпускник Кочалейской восьмилетней и Головинщинской средней школ. В 1974 — 1979 годы — студент факультета иностранных языков Пензенского педагогического института имени В.Г. Белинского, выпускник исторического факультета того же вуза (1987 г.). Педагог более чем с тридцатилетним стажем, член Союза краеведов РФ, автор четырех книг и более 50 публикаций в районной и областной печати. Принимает активное участие в региональных, всероссийских и международных научных конференциях, на которых выступает с докладами по актуальным вопросам истории нашей малой родины — Пензенского края. Награжден знаком «Отличник народного просвещения». Живет в г. Каменка Пензенской области.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу

композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органных и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

ДОРОШИНА Вера Анатольевна. Родилась в 1979 г. в Пензе. Окончила факультет русского языка и литературы (отделение журналистики) ПГПУ. Поэт, журналист, литературный критик. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, дипломант Всероссийского фестиваля им. А.С. Пушкина «С веком наравне», литературной премии им. А.И. Куприна, премии журнала «Сура». Автор девяти сборников стихотворений. Член Союза писателей России.

ИНЮШКИН Николай Михайлович. Родился в 1936 г. в Пензе. Культуролог, эстетик, краевед, журналист. Автор книги «Провинциальная культура: природа, типология, феномены». Автор книг, киносценариев, пьес об истории и культуре пензенского края. Один из разработчиков (в сотрудничестве с К.Д. Вишневым) комплексной программы «От культуры края — к культуре мира», осуществляемой в Пензенской губернии. Доктор философских наук, профессор. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

КОЛЪЯН Татьяна Николаевна. Родилась в пос. Краснооктябрьский Медведевского р-на Марийской АССР. Окончила историко-филологический факультет Марийского государственного университета. Старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела музея-заповедника «Тарханы». Автор многочисленных публикаций в лермонтоведческих и научно-краеведческих сборниках Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга, Пятигорска, Ульяновска.

КОРШУНОВА Ольга Валерьяновна. Родилась в 1954 г. в пос. Новая Тарья Елизовского района Камчатской области. Окончила факультет иностранных языков Пензенского государственного педагогического института. Живет в г. Заречном Пензенской области. Работает инженером-технологом на ПО «Старт». Автор сборников стихов «Грани света» (2004), «На просторах времени» (2008), «Счастье — хрупкий мотылёк» (2010), «Путевое и путеводное» (2013), «Страна Котовия» (2010), книги сказочных повестей «Тайны страны Сказок» (2002), «Меч грамонов» (2005), книги стихов и прозы «За Синей птицей» (2008). Лауреат журнала «Сура» (2011). Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2006), Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2012). Лауреат международных конкурсов «Сказка сегодня», «Русский Stil-2014» (Германия, 2013), «Славянские традиции», «Серебряный стерж» (Казахстан), «Фанданго» (Украина, 2013) и др. Обладатель медали «М.Ю. Лермонтов». Член Союза писателей России.

КУЗНЕЦОВ Юрий Александрович (АРБЕКОВ Юрий). Родился в 1949 г. в Перми. Окончил Пензенский сельскохозяйственный институт. Сын военного моряка. Жил в Североморске, Мурманске, Балтийске, ныне в Пензе. Автор 30 книг прозы, поэзии, драматургии, произведений для детворы. Публикуется в журналах «Наш современник», «Сельская молодёжь», «Литературная газета», «Московский Парнас», «Алтай», «Литературный меридиан», «Дальний Восток», «Енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Детектив+» (Киев), «Теегин герл» (Калмыкия), «Меценат и Мир» (Армения), в электронном журнале «Континент» (Россия, Франция), альманахе «Материк» (Германия), интернет-журналах «Лексикон» (США, Чикаго), «Неформат» (Россия, Канада) и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат литературных премий им. Карпинского, им. М.Ю. Лермонтова, журнала «Сура», Диплома Вооружённых Сил «Твои, Россия, сыновья!».

КУИМОВ Олег. Родился в 1967 г. в семье военнослужащего в г. Кировакане (ныне Ванадзор) Армянской ССР. Учился в томском университете на геолого-географическом факультете. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Ныне проживает в деревне Мильково Ленинского района Московской области. Работал отделочником, разнорабочим, экспедитором, прорабом, менеджером, имеет небольшой опыт редакторской работы в журнале «Неопалимая купина», занимался коммерцией. Несколько лет являлся сотрудником детского журнала «Рюкзачок с сюрпризом». Постоянный автор журнала «Луч». Также публиковался в журналах «Наш современник», «Берега», «Лампа и дымоход», «Север», «Южное сияние», «Южная звезда», «Отчий край», «Вокзал» и в газетах России, Беларуси и Армении. Лауреат различных литературных фестивалей и конкурсов. В «Суре» публикуется впервые.

КУПРИЯНОВ Алексей Николаевич. Родился в 1970 г. Работал монтажником на заводе «Кузполимермаш». В настоящее время работает корреспондентом «Любимой газеты». Автор публикации в книге «Молодая пензенская поэзия». Живет в Кузнецке.

МУРАШОВ Дмитрий Юрьевич. Родился в 1971 г. в селе Беково Бековского района Пензенской области. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Кандидат исторических наук. Ученый секретарь Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Автор книг: «Заречный: из глубины веков» (2005), «Первая Лермонтовская» (2012), «Забывтое имя: Валериан Волжин» (2013), «Лермонтовка: советский формат» (2014), «Декабристы-пензяки» (2015), статей по историческому и литературному краеведению, истории России XIX — XX вв. Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2014).

МУРЗИН Геннадий Иванович. Родился на Среднем Урале. Образование высшее. Творческий путь начал с небольшой критической заметки, опубликованной в крохотной горняцкой многотиражке в 1959 году. Затем — профессиональный газетчик. Прошел все ступени иерархической лестницы: корреспондент, заведующий отделом, ответственный секретарь, заместитель редактора, а последние двадцать лет перед выходом на пенсию — главный редактор одной из крупных екатеринбургских газет. Награжден творческими и государственными наградами. Публиковался в центральных и региональных журналах. Автор нескольких книг. Сейчас живет в Пензе. В «Суре» публикуется впервые.

НЕФЁДОВ Вячеслав Викторович. Родился в 1969 г. в с. Александровка Бековского р-на Пензенской области. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Кандидат исторических наук, учёный-белинсковед, вице-президент Фонда содействия развитию русской культуры. Автор более 1500 публикаций в СМИ и научных сборниках. Автор эссе о Белинском «Чернорабочий литературы». Лауреат премии журнала «Сура».

ПЕТРОВ Сергей Владимирович. Родился в 1960 году. По специальности юрист. Литературным творчеством занимается с 2010 года. Публиковался в литературных журналах: «Юность», «Аврора», «Невский альманах», «Сибирские огни», «День и ночь», «Север» и других. Автор исторического детектива «Все когда-нибудь заканчивается». Победитель Российского литературного конкурса «Герои Великой победы-2015», учрежденного в 2015 году Министерствами Обороны и Культуры РФ. Член Московского отделения Союза писателей России. В «Суре» публикуется впервые.

ПРИЛЕПИН Захар (Евгений Николаевич Лавлинский). Родился в 1975 году в деревне Ильинка Рязанской области. Окончил филологический факультет Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Автор романов «Патологии» (2003), «Санька» (2006), «Черная обезьяна» (2012) и сборников рассказов «Грех» (2006), «Ботинки, полные горячей водки. Пацанские рассказы» (2007). В серии «ЖЗЛ» в 2010 году вышла книга З. Прилепина «Леонид Леонов. Его игра была огромна». В 2014 году роман «Обитель» был удостоен премии «Большая книга».

СЕРАФИМОВ Николай Михайлович. Родился в 1941 г. в Пятигорске. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Военная специальность — морской артиллерист. Изучал баллистику. Автор книги «О месте дуэли М.Ю. Лермонтова» (2009).

СТЕШКИНА Юлия Вячеславовна. Родилась в 1993 г. в Пензе. Училась в гимназии № 42. В 2015 году окончила Пензенский государствен-

ный университет. Сотрудник областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. В «Суре» публикуется впервые.

ТЕРЁХИНА (ДОРОШИНА) Лидия Ивановна. Родилась в 1950 г. в деревне Тучковке Лунинского (Иссинского) района Пензенской области. Окончила ПГПИ им. В.Г. Белинского. Редактор отдела поэзии литературного журнала «Сура». Автор книг: «Формула судьбы», «Вязь», «Зимние вехи», «Ночной поезд», «Сезон остановившихся дождей», «Лучшая из лучших Фертляндия», «Сезон», «Стихотворения», «Волны житейского моря», «Августейшая любовь», «Любви последней благодать», «Конь и солнце», «Дороги для двоих» (в соавторстве с Даной Лобузной). Лауреат всероссийских премий «Моя малая родина», имени М.Ю. Лермонтова, Губернаторской премии в области литературы. Член Союза писателей РФ.

ФРОЛОВ Александр Александрович. Родился в 1984 году в г. Ровеньки Луганской области на Украине. Учился в Донецком государственном университете на переводчика английского языка. Работает в с. Саловка Пензенского района Пензенской области учителем английского языка. Автор и исполнитель песен. В «Суре» публикуется впервые.

ШАЛОМОВИЧ Инна Александровна. Родилась в 1962 г. в г. Кузнецке Пензенской области. Окончила Пензенский педагогический институт им. В.Г. Белинского, факультет иностранных языков. Работала учителем английского языка в средней школе. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Мой дом — Моя забота», 2013 год. В «Суре» публикуется впервые.

ШЕВЧУК Сергей Александрович (1938 – 2005). Родился в 1938 г. в Пензе. Окончил Пензенский политехнический институт. Работал инженером, начальником отдела надежности в ООО «Рубин». Автор сборника «Стихи разных лет» (2000).

ШЕМЕНКОВА Нина Александровна. Родилась в 1952 г. в Караганде. Окончила Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. Работает в межрайонном отделении Управления федерального казначейства по Пензенской области. Автор поэтических сборников: «Себя частицу оставляю» (2002), «Предрассветье», «Войди в распахнутую дверь...», «Ракушки» и книги прозы «Всё дело в шляпе...». Автор публикаций в коллективных сборниках пензенских поэтов: «Я хочу коснуться неба», «Береста», «У четвертого порога» (Пенза), «Мост» (Санкт-Петербург), «Страна Озарение» (Новокузнецк), «Золотая строфа» (Москва), «Я стихи выпускаю в небо» и др. Лауреат IV областного поэтического фестиваля им. Д.Д. Злобиной (2009). Участница поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура».

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Д.Н. ЖАТКИН, Н.М. ИНЮШКИН,
С.В. КАЗАКОВ, А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА,
А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, Е.Г. ЧЕБАЛИНА, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ,
Ю.А. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ,
В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор
Борис Владилевич ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20
Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а
Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте
областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)
Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),
ldiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), ngml@sura.ru (редактор отдела
истории и краеведения)
Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 24.04.2016 года. Подписано в печать 24.05.2016 года. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.
Заказ № 492. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «Областной издательский центр».

Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Кирова, 65/2. Тел. 52-06-64, e-mail: Oblizdat@yandex.ru